

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HD WIDENER

HW RRME A

Изъ библиотеки

Я. I. Гурлянда

Отд

№ 24 № 245

P 254

Я. I. Гурлянда

**Jewish
Cultural Reconstruction**

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издваемый А. Е. Ландау

О к т я б р ь .

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская, 17.
1885.

Δ
KSF 458 $\left(\frac{1885}{10}\right)$

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

60 * 24

S
S
S
S
S

ПАЛЕСТИНА.

(Прологъ къ поэмѣ).

1.

Далекая страна, невиданная мной,
Что такъ влечетъ меня опять къ твоимъ предѣламъ?
Отчизною своей зову я край иной
И съ нимъ, а не съ тобой я сопряженъ удѣломъ;
Такъ отчего-же, сынъ полуночныхъ равнинъ,
Стремлюсь я на востокъ, подъ сѣнь твоихъ вершинъ,
Какъ ласточка весной, что въ зелени березы
Щебечетъ и поетъ про пальмы и мимозы?

2.

О, Палестина, край, исполненный чудесъ,
Гдѣ пяди нѣтъ земли безъ славныхъ воспоминаній,
Гдѣ мохъ сѣдой руинъ, гдѣ кедровъ древнихъ лѣсъ
Полны таинственныхъ, священныхъ обаяній;
Ты, какъ сѣдая мать, отъ странъ-царицъ земли
Лежишь, бесплодная, суровая, вдали,
Вдали отъ жизни ихъ кипучей, полной страсти,
Тамъ, гдѣ забыта ты, гдѣ голосъ твой безъ власти!

3.

Насмѣшка-ль горькая, иль грозный перстъ судьбы
 Вамъ, царства юныя, въ расцвѣтѣ дней и силы?..
 Арены славныхъ дѣлъ, ристалища борьбы
 Безмолвны и мрачны, какъ старыя могилы...
 Гдѣ слава древняя? Гдѣ мощь и красота?
 Гдѣ тотъ народъ царей?.. Увы! Все суета.
 Наставница племенъ, увядши въ давнемъ горѣ,
 Послѣдній свой завѣтъ вамъ шлетъ: „memento mori“!..

4.

Но я люблю ее въ паденіи самомъ.
 Такъ дорогъ намъ герой, сраженный съ честью въ сѣчѣ,
 Такъ юность пылкая предъ славнымъ старикомъ
 Склоняетъ голову почтительно при встрѣчѣ.
 Я вѣрю: чтò прошло, ужъ не воскреснетъ ввѣкъ;
 Быть времени борцомъ обязанъ человекъ,
 Но жалокъ, чья душа родства не ощущала
 Со всѣмъ, чтò лавръ вѣнчалъ, со всѣмъ, чтò славно пало...

5.

И если скорбь плитой могильной давить грудь
 И сердцу душень свѣтъ—туда за обновленьемъ
 Пускаться я люблю порой въ далекій путь
 И по странѣ руинъ скользить воображеньемъ.
 Я вижу на яву тогда волшебный сонъ:
 Изнѣженный эфиръ закатомъ упоенъ,

Лучистый солнца шаръ въ объятъя волнъ несется,
Туда, гдѣ скоро валь съ зарей небесъ сольется.

6.

Молитвенный покой. Лучи то въ доль съ холмовъ,
То съ дола на гору на западъ мчатся, мчатся...
За ними стелеть ночь божественный покровъ.:
Багряный, быстрый лучъ, хочу тебѣ отдаться,
Съ тобою надъ Фазгѣ, надъ озероу витать,
Теряться средь оливъ, долину озирать,
Гдѣ, какъ клинокъ въ крови, горитъ струя Кедрона,
И трепетно мелькнуть надъ кровлями Сіона...

7.

Темнѣетъ валь. Темна средь міра ночь лежитъ.
Покровы разметавъ небрежно на просторѣ;
Чешуйчайтой змѣей на зыби водъ дрожить
Сребристый, робкій лучъ, теряясь въ глуби моря...
Взгляни: глубоокъ и тихъ небесъ далекій сводъ,
Тамъ влажный серпъ луны таинственно плыветъ...
Какая тишина! Какая нѣга въ мірѣ!
Все тонетъ въ свѣжей мглѣ. Ни шелеста въ эфирѣ.

.....

8.

Привѣтъ вамъ, всѣмъ привѣтъ, тѣней великихъ рой!
Я сердцемъ ощутилъ ужъ ваше приближенъе.

Тревогой полноъ духъ, какъ воздухъ предъ грозой,
 Въ душѣ, какъ горный ключъ, играетъ вдохновенье.
 Я знаю, вы ужъ здѣсь. Я чувствую вашъ взоръ.
 Ужъ рѣзетъ надо мной незримыхъ предковъ хоръ.
 Я сбросилъ скорби гнетъ. Чиста душа поэта.
 Я вѣрю, я люблю... Откройте, дѣти свѣта!

9.

И предо мной встаетъ видѣній дивный рядъ.
 Гулъ смутный слышу я, звонъ мѣди, кличъ побѣдный...
 Вотъ тѣнь вождя всплыла. Мелькнулъ отважный взглядъ.
 Я вижу знамена. Вотъ ликъ пророка блѣдный.
 Вотъ онъ, Синая мужъ. Вотъ онъ, пророкъ любви...
 И всѣ мнѣ, всѣ твердятъ: „Борись, любя, живи“!...
 И я ужъ между нихъ. Надъ трепетной пучиной
 Огнемъ священнымъ полнъ, парю за ихъ дружиной...

10.

Блѣднѣютъ образы, какъ звѣзды предъ зарей,
 Усталое крыло спускаетъ вдохновенье,
 Изъ царства дивныхъ грезъ я выхожу мечтой;
 Но бодръ и смѣлъ мой духъ и полноъ обновленья.
 Не душень сердцу свѣтъ. Свободно дышетъ грудь.
 Я вѣрю въ будущность. Я вижу въ ней свой путь.

И пусть минувшее влечетъ насъ, оболыца,
Милѣ мнѣ стократъ дѣйствительность живая.

11.

Да, мнѣ мила она, хоть сумрака полна,
Хоть часто умъ гнететъ и сердце отравляетъ;
Такъ дорога пловцу мятежная волна,
Хоть гибелью ему въ часъ бури угрожаетъ.
Но вѣрю я во тьмѣ въ зарю грядущихъ дней.
Сгущался мракъ не разъ надъ родиной моею—
Его она страхнетъ, вступивъ на путь широкій,
Какъ сбрасываютъ ледъ могучіе потоки.

12.

Россія въ будущемъ. И въ это вѣрю я,
Какъ вѣрю въ то, что вся въ минувшемъ Палестина.
О, предковъ древній край, молюсь тебѣ, любя,
Да доблестный твой духъ воскреснетъ въ сердцѣ сына!
Къ тебѣ-же, родина, не робко подхожу,
Не льщу, какъ рабъ, тебѣ, покорно не гляжу—
Стою передъ тобой, какъ равный передъ равнымъ,
Но ты звѣзда моя въ своемъ грядущемъ славномъ!..

13.

Далекій, дивный край, не видѣлъ я тебя,
Съ иной страной навѣкъ я сопряженъ удѣломъ;

Но часто, если грудь сжимается, скорбя,
Люблю нестись мечтой я по твоимъ предѣламъ,
Въ твоемъ величьи духъ люблю я обновлять,
Чтобъ, къ жизни возвратясь, любить ее опять,
Такъ гонять ласточку порой на югъ морозы,
Но вновь летить она подъ сѣнь родной березы.

М. Абрамовичъ.

ГНѢВЪ И МИЛОСТЬ МАГНАТА.

(Несвижская быль XVIII столѣтія*.)

IX.

Тѣмъ временемъ, кандидатъ въ несвижскіе гвиры, оберъшамесь Карпель, лежа комфортабельно на завалинкѣ и крѣпко придерживая на головѣ свою ермолку, вперилъ свои подслѣповатые глаза въ ясно-голубое небо, котораго онъ не долженъ былъ терять изъ виду ни на одну минуту. Хотя его, утомленнаго отъ дневной суетоки, очень клонило ко сну, онъ однако же храбро боролся съ одолѣвавшей его дремотой, боролся тѣмъ успѣшнѣе, что нашель для себя весьма подходящее занятіе, которое, давая нищу его опроставшейся отъ всякихъ побочныхъ мыслей головѣ, не дасть сомкнуться глазамъ его, а именно: онъ сталъ считать звѣзды. Онъ ихъ считалъ, считалъ и, чѣмъ больше считалъ, тѣмъ больше ихъ оказывалось на необъятномъ сводѣ небесномъ, который казался весь сотканнымъ изъ однѣхъ звѣздъ, то яркихъ, сверкающихъ, какъ брилліанты самой чистой воды, то блѣдныхъ, матовыхъ, какъ брызги козьего молока.

— О, если-бы мнѣ столько дукатовъ или хоть бы золотыхъ польскихихъ!—подумалъ онъ про себя, когда уже насчиталъ около четырехъ тысячъ звѣздъ.—Впрочемъ,—утѣшалъ онъ себя тоже мысленно, — въ ермолкѣ тоже не мало умѣстится. А мѣрку, должно быть, дадутъ полную и, можетъ быть, даже съ вер-

* См. «Восходъ», кн. IX.

хоть, потому *тамъ* безъ обмана. Да и чего *имъ* жалѣть? Мало ли у Бога денегъ?..

Но Карпелю не долго пришлось считать. Вниманіе его невольно обратилось на слѣдующее явленіе, которое стало развѣртываться предъ его глазами, начинавшими уже было слипаться. Изъ-за сѣвернаго горизонта вдругъ выплыло маленькое облачко, которое, поднимаясь все выше и выше, стало принимать форму и мутный цвѣтъ хорошо знакомой ему тиковой перины, которая, какъ извѣстно, вскорѣ будетъ изъята изъ употребленія. Постоявъ съ минуту на одномъ мѣстѣ, облако поплыло по направленію къ югу, откуда ему на встрѣчу вынырнуло другое облако, какъ двѣ капли воды похожее на ситцевый передникъ Соси-Баси. Соединившись вмѣстѣ, облака эти, принявъ видъ и черный цвѣтъ траурнаго порейхеса *, стали быстро расти въ длину и ширину, такъ что въ нѣсколько минутъ они покрыли собою весь сводъ небесный. Лазури и звѣздъ—какъ не бывало. Напротивъ, облака все больше и больше сгущались, принимая свинцовый цвѣтъ грозовыхъ тучъ. Гдѣ-то вдали послышался глухой раскатъ грома, и молніи стали прорѣзывать сводъ небесный въ разныхъ направленіяхъ. Неужели будетъ дождь или даже ливень, который, пожалуй, помѣшаетъ вратамъ неба раскрыться хоть на одинъ моментъ?—подумалъ про себя Карпель, которому весьма непріятна была такая быстрая, въ особенности же такая несвоевременная перемѣна погоды... Посрединѣ неба, прямо надъ головой Карпеля, разразился оглушительный громъ. «Благословенъ еси, Господь, Богъ нашъ, Царь вселенной, чьей силы и могущества полонъ міръ», — совершилъ шамесь положенную для грома бенедикцію, не теряя присутствія духа... Изъ-за западнаго горизонта стала медленно подниматься чья-то громадная голова, увѣнчанная густыми и длинными прядями сѣдыхъ волосъ. Когда голова поднялась на столько, что уже видно стало лицо, которое окаймлено было сѣдою окладистою бородою, Карпель почему-то узналъ въ громадномъ и почтенномъ старцѣ архангела Михаила. Послѣдній поднимался все выше

* Занавѣсъ у кивота.

и выше, пока голова его не уперлась въ самую высшую точку небеснаго свода. По глазомѣру Карпеля, архангелъ Михаилъ могъ быть росту, по крайней мѣрѣ, вдвое выше самой высшей башни радзивилловскаго замка... Вслѣдъ за Михаиломъ, изъ того же самаго мѣста на горизонтѣ, поднялся еще одинъ громадный старецъ, въ которомъ Карпель тоже тотчасъ узналъ архангела Гавріила. На обоихъ архангелахъ были черныя лоснящіяся сутаны съ широкими рукавами; препоясаны же они были радугами, а въ рукахъ держали громадныя огненные метлы, изъ которыхъ сыпались искры. Они стояли другъ противъ друга, опершись на свои метлы и погруженные, какъ видно, въ глубокую думу. Отъ времени до времени они вынимали изъ-за пазухи громадныя рожки, оправленные въ золото, и нюхали табакъ, ароматическій запахъ котораго наполнялъ весь воздухъ,—и тогда благочестивый шамесъ совершалъ благословеніе: «Созидающій благовонныя травы».

Наконецъ, съ высоты неба, изъ-за грозovýchъ тучъ, послышался протяжный и торжественный возгласъ: «Пролагайте, очищайте путь, устраните препятствія съ дороги моего народа!!!» Михаилъ и Гавріиль, мигнувъ другъ другу, засучили рукава и стали своими огненными метлами усердно очищать небо отъ заволокшихъ его тучъ, заматая ихъ на самый край горизонта, отъ чего тамъ стали образовываться цѣлыя горы тучъ. Въ три мига сводъ небесный опять сдѣлался лазурнымъ и на немъ опять засверкали мириады звѣздъ. Съ плечъ Карпеля точно гора свалилась—и онъ сталъ смотрѣть на небо съ прежнимъ довѣріемъ и съ прежнимъ напряженнымъ вниманіемъ.

Опять послышался возгласъ: «Отворите ворота и да войдетъ народъ праведный, хранящій вѣру!»

Карпель сталъ дрожать всѣми своими членами, холодный потъ выступилъ на всемъ его тѣлѣ, зубы его стучали.

— Рѣшительный моментъ наступаетъ... Врата неба сію минуту откроются... А что, если я лишусь сознанія, упаду въ обморокъ или забуду свои два слова?... О, Богъ Авраама, Исаака и Іакова,—помоги мнѣ, не покидай меня!

«Отворите ворота», послышался таинственный голосъ вторично.

Михаилъ и Гавріиль, отбросивъ свои метлы въ сторону, вынули изъ-за пазухи по одному необыкновенно большому огненному ключу.

— Грѣшилъ я, измѣнялъ, грабилъ, злоязычилъ, — сталъ Карпель быстро цитировать алфавитную исповѣдь въ видахъ умилоствленія Всевышняго или на случай внезапной смерти.

«Отворите ворота!» возглашено было въ третій разъ.

Михаилъ и Гавріиль, очертивъ указательными пальцами два круга на небесномъ сводѣ, воткнули ключи въ центры этихъ круговъ, повернули—и врата неба раскрылись настежь, ослѣпивъ Карпеля необыкновенно яркимъ пламенемъ, внезапно хлынувшимъ ему въ лицо.

— Е... е... ермолка!—только и успѣлъ пробормотать бѣдный шамесь и—отерылъ глаза. Но онъ опять долженъ былъ закрыть ихъ, такъ какъ они не могли выдержать слишкомъ яркаго свѣта отъ... прямо къ его носу приставленнаго зажженнаго фонаря.

— Ну, крѣпко же вы, однако, спите, р. Карпель, — послышался голосъ человѣка, державшаго фонарь. — Я уже давно стою и бужу васъ.

— Га, что?—воскликнулъ Карпель, вскочивъ съ завалинки, ни живъ, ни мертвъ и начиная оглядываться.—Гдѣ я? Кто здѣсь? А ермолка гдѣ?

— Да это я, Янкель, мешуресь р. Сажио; чего вы такъ испугались? А ермолка у васъ на головѣ. Никто ея не трогаль.

— Янкель?—переспросилъ шамесь, все больше и больше приходя въ себя.—Что ты тутъ дѣлаешь? Ты меня будилъ? Развѣ я спалъ? О, бѣда моя,—воскликнулъ онъ со слезами въ голосъ, заламывая руки. — Я дѣйствительно спалъ и — проспалъ!...

— Совсѣмъ не проспали, — утѣшалъ его мешуресь, зѣвая, — еще цѣлый часъ остается до полуденнаго бдѣнія. Однако, старѣйшинамъ кегилы придется встать теперь же. Я и пришелъ сказать вамъ, чтобы вы пошли будить ихъ; мой хозяинъ и не ложился даже.

— Ребъ Сахно? Гдѣ р. Сахно? Отчего онъ не ложился? Что онъ дѣлаеть?

— Я его проводилъ сюда и онъ прошелъ къ раби Яковъ-Шмуэлю. Раввинъ тоже еще бодрствуетъ.

— Что нибудь случилось?

— Не знаю, но р. Сахно что-то очень грустенъ и два раза принимался даже плакать. Коротко говоря: что-то неладно. Идите же будите, старѣйшинъ. Спокойной ночи, р. Карпель. Мнѣ такъ спать хочется, что я едва держусь на ногахъ.

IX.

Полночь. Въ несвижской синагогѣ, слабо освѣщенной нѣсколькими сальными огарками, шло полуночное бдѣніе — «хцось». Молеьщики, разувшись и посыпавъ свои головы пепломъ, сидѣли на полу и, держа въ одной рукѣ молитвенникъ, а въ другой по тоненькой восковой свѣчкѣ, читали. Сначала чтеніе шло тихо, вполголоса и вяло. Слышны были зѣвки... Мало по малу чтеніе стало оживляться, голоса возвышаться, въ глазахъ молеьщиковъ появились слезы, и изъ груди многихъ стали вырываться вздохи и стоны. Наконецъ, чтеніе достигло апогея своего оживленія и превратилось въ сплошной стонъ, плачь и рыданіе, когда оно дошло до слѣдующихъ, душу раздирающихъ пассажей:

«Вспомни, Господи, что сдѣлалось съ нами! Приинкни и возри на поруганіе наше! Наслѣдіе наше перешло къ чужимъ, дома наша—къ иноплеменникамъ. Сиротами стали мы: нѣтъ отца, матери наши—точно вдовы... Рабы господствуютъ надъ нами, и некому избавить изъ рукъ ихъ... Какъ печь, почернѣла кожа наша отъ палящаго голода. Безчестятъ женъ въ Сіонѣ, дѣвъ—въ городахъ іудейскихъ... Прекратилось веселіе сердца нашего, въ плачь превратился хороводъ нашъ... Упалъ вѣнецъ съ головы нашей; горе намъ, что мы согрѣшили!»...

— Охъ, охъ, охъ,—перевели дыханіе молеьщики и продолжали далѣе.

«Гласъ плачущій слышенъ въ вышинѣ, рыданіе громкое—изъ Сіона препрославленнаго! Вспоминаю дни, въ которые я

была владычицей, въ рукахъ Господа—вѣнцомъ веледѣльнымъ. А нынѣ я, почернѣлая, погружена въ яму, въ трясиину глубокую... Сидѣла я, какъ новобрачная въ чертогѣ,—какъ свѣтлое облако на горѣ Сіонской, — и вотъ я выброшена на улицу, какъ бѣдный и нищій, одежды мои забралъ врагъ, и я всѣми покинута!..

«Доколѣ, о, Господи, будутъ ликовать язычники, пожравшіе Иакова и во всякое время грабящіе его? Я умоляю ихъ о мирѣ, а они щиплютъ и стригутъ, дерзко бьютъ меня по ланитамъ и съ нечестивыми устами насмѣхаются. Доколѣ, о, Господи, будутъ ликовать нечестивцы? Доколѣ раба твоя будетъ вопяеть въ плѣну: Боже, народы вступили въ наслѣдіе твое? Доколѣ»...

Полуночное бѣднѣе отошло. Забрезжилось. Наступило время заутрени, но она не начиналась, такъ какъ въ синагогѣ еще не было ни раввина, ни ребъ Сахно и ни одного изъ старѣйшинъ кегилы. Всѣ съ минуты на минуту ожидали ихъ прихода. Но они не приходили. Это сильно озадачило присутствовавшихъ. Что бы это значило?—спрашивалъ себя каждый, — нашъ раби, — да здравствуетъ онъ, — никогда къ молитвѣ не опаздываетъ, и еще въ такой день!

— Карпель! Ребъ Карпель!—послышалось нѣсколько голосовъ болѣе нетерпѣливыхъ, желавшихъ попросить оберъ-шамеса, чтобы онъ сходилъ къ раввину и къ старѣйшинамъ посмотреть, что такое замедляетъ ихъ приходъ въ синагогу. Но Карпеля въ синагогѣ не оказалось: не менѣе всѣхъ озадаченный неприходомъ нотаблей кегилы, онъ, не ожидая просьбы присутствующихъ, самъ полетѣлъ къ раби Яковъ-Шмуэлю посмотреть, въ чемъ дѣло. Отсутствіе даже Карпеля, на обязанности котораго лежало, между прочимъ, отправлять утреннее молитвословіе, еще больше озадачило и безъ того озадаченныхъ. Многие стали беспокоиться и инстинктивно чего-то опасаться. Нѣсколько минутъ спустя, Карпель, съ блѣднымъ, какъ полотно, и искаженнымъ отъ испуга и страха лицомъ, влетѣлъ, какъ бомба, въ синагогу и, замахавъ руками, прохрипѣлъ, чуть не задыхаясь отъ волненія:

— Братцы, спасайтесь! Кому дорога жизнь, спасайся!

Произнесши эти слова, онъ какъ снопъ повалился на ступени аль-мемра (эстрады), сталь ломать руки и рвать на себѣ волосы, охая, вздыхая и плача, какъ ребенокъ.

— Что такое?—Что случилось?—стали спрашивать присутствующіе, окруживъ Карпеля со всѣхъ сторонъ и глядя на него съ недоумѣніемъ, смѣшаннымъ со страхомъ.

— Охъ, братцы, братцы! Конецъ насталь, да смилуется Богъ надъ нами!—визжалъ Карпель, ломая руки и качаясь всѣмъ корпусомъ изъ стороны въ сторону.

— Какой конецъ? Кому конецъ? Да говорите же, ребѣ Карпель, не мучьте!

— Очень надобно было молиться о приѣздѣ дукеса, ну, вотъ и дождались!

— Чего дождались? Говорите же толкомъ, если имѣете Бога въ сердцѣ. Вы насъ пугаете.

— Чего ужъ пугаться? Насталь конецъ — и basta. Уже все равно, пугаться или не пугаться.

— Въ чемъ-же, однако, дѣло?

— Вы развѣ не знаете?

— Да откуда же намъ знать, когда вы хнычете, какъ баба, и ничего намъ не говорите?

— Да что тутъ говорить? Дѣло очень просто: дукесь,—да сотрется его имя и память,—дукесь... ну, кто бы могъ этого ожидать отъ такого, кажется, всегда милостиваго къ намъ пана? дукесь... впрочемъ, онъ, можетъ быть, не виновать, а это враги наши наклеветали на насъ передъ нимъ,—мало-ли у насъ враговъ? Дукесь..

— Да скажешь-ли, дрянъ ты этакая,—воскликнулъ вышедшій изъ себя Ицка Горбунъ, подскочивъ къ Карпелю и схвативъ его за шиворотъ, — да скажешь-ли, наконецъ, въ чемъ дѣло?

— Ахъ, охъ, разбойникъ ты, — застоналъ шамесь, отбиваясь руками и ногами отъ засвирѣгѣвшаго жестяника, — чего ты на меня накинудся? Я говорю: дукесь...

— Ну, что дукесь? Говори скорѣе, не то—я тебя задушю.

— Дукесь отдалъ приказаніе—разстрѣлять насъ!

— Кого это насъ?—спросили присутствующіе, не совсѣмъ еще понимая, въ чемъ дѣло.

— Насъ всѣхъ, бѣдныхъ евреевъ, сколько насъ есть въ мѣстечкѣ.

— Какъ-же это?—вырвалось изъ груди присутствующихъ, остолбенѣвшихъ и выпучившихъ глаза, которые перестали моргать и сдѣлались словно стеклянными.

Въ синагогѣ моментально воцарилась мертвая тишина: всѣ точно онѣмѣли, окаменѣли, замерли, перестали двигаться, дышать. Всѣ потеряли сознание, на всѣхъ напелъ столбнякъ...

Прошло нѣсколько блаженныхъ минутъ, во время которыхъ никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Мало по малу столбнякъ сталъ уступать мѣсто болѣе сознательному состоянію, присутствующіе стали постепенно приходить въ себя и, взглянувъ другъ на друга, испугались мертвенной блѣдности, которая, какъ гипсовая маска, покрывала лица всѣхъ. Говорить никто не рѣшился, всѣ продолжали молчать. Даже словоохотливый Карпель, сидя со скрещенными на груди руками и съ поникшею головою на ступеняхъ эстрады, молчалъ, какъ истуканъ, не издавая ни малѣйшаго звука, ни малѣйшаго вздоха. Казалось, что послѣ того, какъ онъ сообщилъ присутствующимъ ужасную вѣсть, онъ пересталъ существовать, какъ человекъ, и превратился въ деревянную фигуру, ничего не чувствующую и ни о чемъ не мыслящую.

Страшное молчаніе, въ которомъ краснорѣчивѣе всего выражалось глубокое отчаяніе присутствующихъ, было, наконецъ, прервано большой ватагой женщинъ разнаго возраста, которыя, ворвавшись въ синагогу, стали искать своихъ мужей, отцовъ и братьевъ, ломая руки, дико воя и причитывая. Это окончательно вывело присутствующихъ изъ столбняка и нѣмого отчаянія,—и они зашевелились и заговорили надтреснутыми голосами, въ которыхъ слышались слезы, цѣлые потоки слезъ. Въ синагогѣ поднялись шумъ и гамъ, въ которыхъ ничего нельзя было разобрать.

— Къ раввину! Къ ребъ Сахно!—прокричалъ кто-то,—и всѣ находившіеся въ синагогѣ, точно спугнутое стадо овецъ, бросились со всѣхъ ногъ къ дверямъ, толкая и давя другъ

друга, какъ будто въ равнинѣ и ребѣ Сахно и лежало спасеніе жизни всѣхъ вообще и cadaго порознь. Менѣе чѣмъ въ двѣ минуты синагога опустѣла.

Свѣтало. Густой, бѣлесоватый туманъ, насыщенный влажными испареніями нои, только что сталъ подниматься вверхъ, улетучиваясь отъ сверкнувшихъ на востокъ первыхъ лучей восходящаго солнца. Не смотря на такой ранній часъ, все еврейское населеніе Несвижа, не исключая и дѣтей, уже было на ногахъ, такъ какъ роковая вѣсть, передаваемая изъ устъ въ уста, уже облетѣла все мѣстечко. Всѣ, какъ бы стговорившись, или инстинктивно, спѣшили на школьный дворъ, къ жилищу раби Яковъ-Шмуэля, въ которомъ они всегда находили совѣтъ или утѣшеніе, и надѣялись поэтому найти и теперь. На школьномъ дворѣ вскорѣ сдѣлалось такъ тѣсно, что негдѣ было яблоку упасть. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали выхода своего духовнаго пастыря, на котораго они возложили теперь свою единственную надежду и который, какъ слышно было, еще съ полуночи держитъ совѣтъ съ р. Сахно и прочими старѣйшинами.

Наконецъ, онъ вышелъ, поддерживаемый старшинами синагоги, такъ какъ онъ былъ чрезвычайно слабъ отъ старости, бессонницы и страшной вѣсти, окончательно его доканавшей. Голова и руки его тряслись, и изъ глазъ его капали слезы прямо на его сѣдую бороду.

— Въ синагогу, дѣти мои, — проговорилъ онъ слабымъ, надтреснутымъ голосомъ близъ стоявшимъ, — въ синагогу, тамъ я поговорю съ вами.

Слова эти переданы были дальше, — и всѣ, находившіеся на школьномъ дворѣ, повалили въ синагогу, куда направился и раввинъ въ сопровожденіи р. Сахно и прочихъ старѣйшинъ. Поддерживаемый Карпелемъ, онъ медленно, съ трудомъ поднялся на эстраду предъ кивотомъ, обратился лицомъ къ предстоящимъ и началъ слабымъ, дрожащимъ, прерывающимся голосомъ:

«Раббойсай! За великіе грѣхи наши, мы находимся теперь въ большой опасности, большой бѣдѣ. Заслужили-ли мы ее? Вѣроятно, да, потому что Богъ справедливъ и судъ Его спра-

ведливъ. Вѣроятно, мы тяжко провинились противъ Него и Онъ воздаеть намъ по заслугамъ. Хотя Онъ молитвы наши услышалъ,—мы просили о прїѣздѣ дукеса и дукесь прїѣхаль,—мы однакоже не можемъ знать, было-ли Ему благоугодно то, о чемъ мы просили Его и въ чемъ Онъ не отказаль намъ. Очень можетъ быть, что Онъ исполниль нашу просьбу не изъ благоволенія къ намъ, а въ вящее наказаніе наше. Объясню это вамъ примѣромъ изъ Св. Торы нашей. Когда израильтянамъ въ пустынѣ наскучила манна небесная и они, возроптавъ на Моисея, стали требовать мяса, — Богъ удовлетвориль ихъ требованіе: Онъ доставиль имъ мяса, много мяса, цѣлыя горы перепеловъ. Но что было потомъ,—извѣстно. «Мясо еще было въ зубахъ ихъ,—разсказываетъ Писаніе,—еще не было съѣдено, какъ гнѣвъ Господень возгорѣлся на народъ, и поразиль Господь народъ весьма великимъ пораженіемъ». Слѣдовательно, удовлетвореніе Богомъ просьбы просящаго не всегда можетъ считаться признакомъ Его благоволенія къ просящему. Даже совсѣмъ наоборотъ. И я очень боюсь, раббойсай, что на насъ оправдывается слѣдующее изреченіе мудрецовъ нашихъ въ трактатѣ Песахимъ: «Тою-же самую ложкою, которую вырѣзаль мастеръ, послѣдній обжигается потомъ на горчицѣ». Мы молили о прїѣздѣ дукеса,—дукесь прїѣхаль и произнесъ намъ смертный приговоръ. Таковъ заслуженный конецъ всѣхъ, надѣющихся на помощь плоти и крови.

— Охъ, охъ, охъ, — заохали слушатели, ломая руки и горько плача,—мы эту бѣду сами на себя накликали. — Раби Яковъ-Шмуэль перевель дыханіе и продолжалъ:

— Раббойсай! Очень можетъ быть, что мы доживаемъ теперь наши послѣдніе часы. Очень можетъ быть, что завтра о сю пору мы уже будемъ стоять предъ престоломъ Всевышняго. Но мудрецы наши сказали; «Хотя отточенный мечъ уже приставленъ къ горлу человѣка, человѣкъ все-таки не долженъ отчаяваться въ милости». Для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. А потому мы терять надежды не должны. Нашъ гвиръ, — да здравствуетъ онъ—и другіе старѣйшины вегилы взяли на себя великую *мицеву* * — идти къ дукесу, чтобы пасть къ ногамъ

* Богоугодное дѣло.

его, умолять и плакать о нашемъ помилованіи, о дарованіи намъ жизни. «Сердце царей и князей—въ рукахъ Божіей». Если Богу угодно будетъ, то разсердившійся на насъ дукесъ переложитъ гнѣвъ на милость и мы будемъ спасены.

— О, дай то Богъ, дай то Богъ, — набожно и съ нѣкоторой надеждой произнесли слушатели, поднимая руки къ небу.

— Но, раббойсай, — продолжалъ р. Яковъ-Шмуэль, — въ трактатѣ Мегила сказано: «Не во всякое время случается чудо». Вы, полагаю, понимаете, что я хочу этимъ сказать... Въ такомъ случаѣ да предстанутъ предъ нами великіе образы десяти святыхъ мучениковъ, о которыхъ мы сейчасъ будемъ читать въ нашихъ *кинотахъ* *, и да почерпнемъ мы въ ихъ смерти примѣръ, какъ слѣдуетъ умирать истиннымъ сынамъ Израиля, которые до послѣдняго издыханія не должны забывать о своемъ Богѣ и своей священной Торѣ, которая дороже имъ зѣницы ока. Раби Акиба. р. Гуду-бенъ Бова, р. Ханину-бенъ Традіона, р. Эліазара-бенъ Шамуа, этихъ великихъ учителей, этихъ кедровъ Ливанскихъ, мученическая смерть застигла въ ту минуту, когда они заняты были ученіемъ, молитвой, исполненіемъ заповѣдей. Послѣдуемъ-же ихъ примѣру. Если въ «Бетъ-динъ-шель-маало» (небесномъ судѣ) рѣшена наша смерть, то да умремъ, исполняя законы религіи нашей, и мы сподобимся жизни будущей, жизни вѣчной. Мы вѣдь и живемъ не для сего, а для того міра, и для честнаго еврея должно быть все равно—жить нѣсколькими годами больше или меньше. Мы каждый день, каждую минуту должны ожидать смерти и быть къ ней готовыми... А потому, раббойсай, пока что,—начнемъ утреннюю молитву нашу, ибо уже пора: утренная заря уже давно взошла.

Сказалъ—и, при помощи Карпеля, сошелъ съ астрады. Это краткое слово произвело желаемое дѣйствіе: оно слушателей значительно успокоило, внушивъ имъ надежду на благополучный исходъ и мужество въ противоположномъ случаѣ. По

* Эліегіяхъ.

крайней мѣрѣ, прежній страхъ и изступленное отчаяніе улеглись, уступая мѣсто совершенной покорности судьбѣ.

«Владыка вселенной, который царствовалъ»... началъ Карпель, присутствующіе подхватили—и утренняя молитва пошла своимъ обычнымъ порядкомъ, точно несвижскимъ евреямъ не угрожала ни малѣйшая опасность. Мирскій хазанъ не жалѣлъ своей глотки и ревѣлъ, какъ украинскій быкъ на скотобойнѣ, такъ что ко времени цитированія «Сіонидъ» онъ охрипъ до такой степени, что уже работалъ больше руками, нежели голосомъ,—и онъ горько и искренно рыдалъ, можетъ быть, не столько по поводу паденія Іерусалима, сколько по причинѣ потери своего голоса въ самую нужную минуту, когда онъ намѣренъ былъ чуда творить потрясающими элегіями р. Іуды Галеви. Горько и искренно рыдали и несвижцы, и тоже, можетъ быть, не столько о старой катастрофѣ, сколько о новой угрожающей имъ бѣдѣ. А что новая бѣда есть прямое слѣдствіе старой, что безъ послѣдней невозможна была бы первая, что если бы существовалъ Іерусалимъ, то не существовало бы паршиваго Несвижа съ его сумашедшимъ дукесомъ, въ глазахъ котораго еврей ничтожнѣе клопа, — это никому изъ несвижскихъ евреевъ и на умъ не приходило, не исключая и многоученаго, но мало смыслящаго въ дѣлахъ міра сего раби Яковъ-Шмуэля, тоже не понимавшаго преемственной связи между отдаленнымъ прошедшимъ и переживаемымъ настоящимъ. О равнинахъ какъ прошло, такъ и настоящаго столѣтія можно по справедливости сказать, что они такъ учены, что... ничего не понимаютъ, что изъ-за талмудическаго лѣса они не видятъ деревьевъ; а потому они, какъ слѣпые, спотыкаются о каждый пень, а за ними спотыкается и весь народъ, предводительствуемый ими...

Часу въ десятомъ, когда молитва отошла, несвижскіе евреи, по изстари существующему обычаю, отправились на кладбище — посѣтить могилы своихъ усопшихъ предковъ и родныхъ; р. Сахно-же и старѣйшины пошли въ замокъ, къ дукесу.

Дукесъ сидѣлъ на балконѣ, выходящемъ въ садъ, и лѣниво попивалъ свой утренній кофе, покуривая трубку. Здѣсь-

же находился его племянникъ, полковникъ Моравскій, который, тоже попивая кофе, читалъ вслухъ предъ дядей сатирический листокъ *Zabawy przujemnei i rozutesne*, острооты и выходки котораго вызывали на устахъ князя веселую улыбку. Вчерашнее бурное расположеніе духа князя улеглось, уступивъ мѣсто болѣе спокойному и мирному настроенію, что, между прочимъ, видно было изъ того, что князь задумчиво и съ замѣтнымъ наслажденіемъ поглаживалъ своего любимаго кота, лежавшаго у ногъ его. Считая этотъ моментъ благопріятнымъ для побужденія князя къ отмѣнѣ его вчерашняго приговора относительно евреевъ, добрый Рейтанъ доложилъ ему, что кагаль пришелъ и просить объ ауденціи.

— Кагаль? переспросилъ князь — и на лицѣ его опять появилось вчерашнее злобѣщее выраженіе, — а гдѣ кагаль былъ вчера, когда его панъ, послѣ слишкомъ двухъ лѣтъ скигальческой жизни, возвратился, наконецъ, въ свою родную хатку?

— Евреи, — отвѣчалъ Рейтанъ, — справляли вчера трауръ по своемъ Іерусалимѣ, а потому они находились въ синагогѣ и молились.

— И хорошо дѣлали, что молились, потому предъ смертью пане-коханку, совсѣмъ не мѣшаетъ помолиться. Ты мѣстечко оцѣпилъ?

— Оцѣпилъ.

— Ну, и ладно. А когда пробьетъ двѣнадцать часовъ, ты жидовъ выведешь на площадь и окропишь ихъ нѣсколькими залпами изъ нашихъ добрыхъ мортиръ. — и будетъ съ нихъ достаточно. Двухъ-трехъ сотъ человекъ можно двумя-тремя выстрѣлами и уложить на мѣстѣ. Какъ ты думаешь, пане пулковнику? обратился князь къ своему племяннику.

— Это зависитъ отъ правильно разчитаннаго прицѣла, — отвѣтилъ племянникъ съ невозмутимою серьезностью компетентнаго судьи.

— Ну, ты, пане-коханку, и позаботишься о правильномъ прицѣлѣ. Хотя ты всегда въ рейтарахъ служилъ, ты однакоже, я думаю, смыслишь что нибудь и по части пушечной

стрѣльбы. А впрочемъ, начальникъ моей милиціи тоже не промахъ: онъ, кажется, въ пушкаряхъ и служилъ.

— Вѣрно,—подтвердилъ племянникъ.

— Что же прикажете сказать кагалу? спросилъ Рейтанъ, едва держась на ногахъ отъ душевнаго волненія.

— Кагалу скажи, что я ему кланяюсь и, какъ добрый христіанинъ, долженствующій любить своего ближняго, какъ себя самого, желаю ему, какъ и всѣмъ несвижскимъ жидамъ счастливаго пути на тотъ свѣтъ. И такъ какъ до полудня еще осталось около двухъ часовъ, то пусть тѣмъ временемъ скушаютъ на здоровье свой кувель и свой цимесь, дабы имъ не жаль было разстаться съ жизнью, такъ какъ они для своего кувеля и цимеса только и живутъ.

— У евреевъ сегодня строгій постъ. Они со вчерашняго вечера не принимаютъ ни пищи, ни питья.

— Строгій постъ? воскликнулъ князь, вскочивъ съ кресла и какъ будто чего-то испугавшись. — Отчего ты раньше не сказала мнѣ этого? Нѣтъ, въ постъ я ихъ на тотъ свѣтъ отправлять не могу. Пусть тамъ не скажутъ, что вотъ-де люди сколько вѣковъ жили подъ Радзивиллами и пришли голодными! Нѣтъ, этого быть не должно, этого не позволяетъ мой гороръ... А потому, пане-коханку, ты отложишь экзекуцію на завтра или, еще лучше, на послѣзавтра. Пусть тѣмъ временемъ наѣдаются и напиваются, сколько въ душу влѣзетъ, и пусть являются на тотъ свѣтъ сытыми, откормленными, какъ бернардинскіе монахи,—понимаешь?

Лучъ надежды блеснулъ въ глазахъ добраго комеданта, видѣвшаго въ отсрочкѣ экзекуціи первый шагъ къ совершенной ея отмигнѣ:

— Не угодно-ли будетъ вашей свѣтлости объявить имъ лично объ этой милости?—проговорилъ онъ не безъ умысла.

— Зачѣмъ лично? — возразилъ князь, поморщившись. Они придутъ и станутъ плакать, умолять, цѣловать мои ноги, словомъ, они разжалобятъ меня до такой степени, что я, волей-неволей, долженъ буду помиловать ихъ.

— Такъ что за бѣда? Въ вашей волѣ казнить, въ вашей волѣ и миловать.

— Это такъ, — согласился князь, — развѣ я этого не знаю. Но ты пане-коханку, такъ глупъ, что совсѣмъ не понимаешь дѣла, а потому я тебѣ объясню. Дѣло, видишь-ли, пане-коханку, въ томъ, что хотя я противъ моихъ жидковъ ничего въ сущности не имѣю и мнѣ даже немножко жаль этихъ горемыкъ, но я долженъ покончить съ ними, дабы показать варшавскимъ законникамъ и реформаторамъ, что надъ моими жидками я хозяинъ, и никто другой, — понимаешь?

— Понимать-то понимаю; но, извините, чѣмъ жидки-то виноваты, что въ Варшавѣ что-то затѣвается?

— А мнѣ какое дѣло до того, виноваты-ли жидки или нѣтъ? Я долженъ поступать такъ, какъ диктуетъ мнѣ *мой* гоноръ, гоноръ князя Радзивилла!

— Стало быть, пословица правду говоритъ: «паны дерутся, а чубы у хлоповъ трещать».

— Святую правду, и противъ народной мудрости ничего не подѣлаешь.

Комендантъ пожалъ плечами и умолялъ.

— А какъ на счетъ нашего кунца Сахно? — спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, желая попробовать спасти жизнь своему другу. — Его тоже подъ пушку?

— А то какъ-же? Чѣмъ онъ лучше другихъ жидовъ?

— Съ кѣмъ же ваша свѣтлость будетъ играть въ шахматы?

— Гм... въ шахматы. — проговорилъ князь, задумавшись. — Съ кѣмъ я въ самомъ дѣлѣ буду играть въ шахматы? Такого игрока не скоро найдешь, и за границей я такого не напелъ. Какіе удивительные у этого шельмы ходы! Какая предусмотрительность и находчивость!

— Проигралъ-же онъ вамъ однакоже свою шабашевую шапку, — замѣтилъ племянникъ, желая польстить своему дядѣ.

— Экая важность! Изъ сотенъ партій проигралъ одну! Такъ ты, пане-коханку, вотъ что сдѣлаешь, — обратился князь опять къ коменданту, — Сахно, Сахнову и сахнать ты оставишь въ живыхъ. Для полного же счета ты вышлешь на дорогу двухъ гайдуковъ, они изловятъ двухъ-трехъ жидковъ, —

ихъ вѣдь не мало шляется около Несвижа, — и ты ими и пополнишь недочетъ.

— А если эти жидки будутъ другой юрисдикціи?

— Такъ скажешь владѣльцу, что въ обмѣнъ его двухъ—трехъ жидовскихъ душъ я пришлю ему цѣлый десятокъ жидковъ изъ Налибокъ или изъ другихъ моихъ маетностей, и онъ въ накладъ не останется. Да и какіе счета съ добрымъ соудомъ?

Комендантъ опять пожалъ плечами и украдкой поморщился даже, такъ какъ такое безсердечное, варварское отношеніе къ живымъ человѣческимъ существамъ возмушало его до глубины души. Онъ не протестовалъ, боясь раздражить этого феноменальнаго самодура, у котораго онъ намѣренъ былъ на дняхъ-же просить увольненія отъ службы, съ каждымъ днемъ становившейся для него невыносимѣе. — Хоть ты меня озолоти, — думалъ онъ про себя, уходя, — я у тебя больше служить не буду. Ты, просто, звѣрь въ образѣ человѣческомъ, хотя люди думаютъ, что ты только сумасбродъ, съ жиру бѣсишься. А если не отпустишь добромъ, то... берегись! Я разчитаюсь съ тобою за всѣ невинныя жертвы твоихъ магнатскихъ капризовъ, безстыдства, безсовѣстности и безвозглости. Я тебя зарѣжу, задушю, отравлю и освобожу край отъ подлѣйшаго чудовища, которое когда-либо существовало на свѣтѣ.

Х.

Живя, подобно всему еврейскому народу, изо дня въ день, заботясь лишь о ближайшей минутѣ, несвижскіе евреи приняли вѣсть объ отсрочкѣ экзекуціи на три дня, какъ необыкновенную «милость», за которую они не знали, какъ и возблагодарить Бога. «Благословенъ Господь за каждый день, — говорили они, чуть не потирая руки въ избыткѣ радости, — въ три дня много можетъ перемѣниться». И, еслибы сегодня не было Тиша-Беовъ, они устроили бы въ синагогѣ торжественное молебствіе, при чемъ мирскій хазанъ съ своими пѣвчими пропѣлъ бы Ми-Шеборахъ (многая лѣта) «милосердому пану и благодѣтелю». Евреямъ, приобрѣвшимъ въ своемъ многолѣтнемъ рабствѣ чисто собачью натуру, такъ мало нужно, что ихъ вполне

удовлетворишь и успокоишь не только обглоданной костью, но даже подачкой, имѣющей самое отдаленное сходство съ костью. Изъ всего, что знаменуетъ человѣка, т. е. существо разумное, мыслящее, чувствующее, у нихъ остался только желудокъ, заботы о которомъ заглушаютъ въ нихъ все, что должно озабочивать человѣка, кромѣ прямого удовлетворенія желудка. Такъ это было съ несвижскими евреями слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, такъ это есть съ несвижскими и не-несвижскими евреями и по сей день. Влѣзши въ собачью шкуру и чувствуя себя въ ней, повидимому, довольно комфортабельно, они съ замѣчательнымъ смиреніемъ переносятъ и собачье съ ними обращеніе, потерявъ, повидимому, и самое понятіе о лучшемъ, болѣе человѣческомъ отношеніи... Не удивительно поэтому, что какъ только несвижскіе евреи узнали о дарованной имъ княземъ «милости», они почти совсѣмъ успокоились, точно три дня все равно, что три вѣка, разошлись по домамъ и взялись каждый за свои обычныя занятія, предоставляя заботиться объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ Богу Авраама, Исаака и Иакова, или кому это угодно будетъ. Хозяйки же стали готовить ботвинью и сырники на разговѣнье, сильно озабочиваясь, чтобы эти яства приходились по вкусу ихъ мужей.

Совершенно иначе отнеслись къ княжеской «милости» люди, которые, кажется, очень мало заинтересованы были въ ожидавшей несвижскихъ евреевъ катастрофѣ. Люди эти были—шляхта и вообще все временное христіанское населеніе мѣстечка. Приговоръ князя возмутить ихъ до глубины души, и они заволновались, точно приговоръ касался ихъ самихъ.

— Это что за фантазіи такія?—голосили они, сердито покручивая свои длинные усы.—Ишь, что выдумалъ! Вырѣзывать цѣлое мѣстечко! Гдѣ это видано, гдѣ это слыхано? И за что? Чѣмъ провинились противъ него эти бѣдные жидаки? А если провинились, — то наложи на нихъ штрафъ, или прикажи отдуть ихъ кагальныхъ батожьемъ, и будетъ съ нихъ. А то—пушками! Нѣтъ, пане добродѣю, мы этого не позволимъ. Ты себѣ князь, но мы, пане добродѣю, тоже не пни какіе нибудь, чтобы хладнокровно смотрѣть, какъ ты будешь изводить нѣсколько сотъ человѣческихъ душъ. Они хоть и жидаки, недовѣр-

ки, но все-таки люди: имъ жизнь тоже мила, какъ каждому изъ насъ. Не скоты же они безсловесные, да и скота не будешь рѣзать безъ всякой надобности, а такъ себѣ, для фацеции. Иѣтъ, какъ себѣ хочешь, а мы этого не позволимъ.

— Что же мы, однако, сдѣлаемъ?—спросилъ кто-то.

— Мы вотъ что сдѣлаемъ,—откликнулся на этотъ вопросъ одинъ изъ голосившихъ. Это былъ нѣсколько уже знакомый читателямъ хорунжій, должникъ р. Сахно и постоялецъ шинкаря Гершки.—Хстите, панове, выслушать мой планъ?

— Говори, пане хорунжій, говори, мы слушаемъ,—послышалось со всѣхъ сторонъ. Хорунжій крикнулъ, погладилъ свои усы и началъ:

— Ночью, когда всѣ улягутся спать и въ замкѣ будутъ потушены огни, мы подкрадемся къ валу, снимемъ пушки съ лафетовъ, утащимъ ихъ куда нибудь подальше и спрячемъ. Князь захочетъ стрѣлять,—нѣтъ пушекъ, и кончено.

— А часовые?

— Да что часовые? Много ли ихъ? Всего человекъ пять. Мы съ ними въ три мига справимся, свяжемъ, заткнемъ имъ ротъ,—они и не пикнуть. А что, панове, какъ вы находите этотъ планъ?

— Онъ, кажется, хорошъ,—отозвались нѣкоторые не совсѣмъ увѣренно.

— Совсѣмъ не хорошъ,—запротестовалъ какой-то шляхтичъ, старикъ съ сѣдою головою и рыжеватыми усами.—Потому, не будетъ пушекъ, князь прикажетъ стрѣлять изъ ружей, не будетъ ружей—онъ саблями велитъ искрошить ихъ. Стало быть, мы жидкамъ не поможемъ, а себѣ повредимъ: онъ разсердится и въ зашей выгонитъ насъ изъ мѣстечка, — что же мы выиграемъ?

— Панъ Стульдзинскій, ей-Богу, правъ,—замѣтили многіе, даже тѣ, которые за минутой находили планъ хорунжаго хорошимъ.—Что-же однакоже, сдѣлать, чтобы волкъ былъ сытъ и овцы цѣлы?

— Нужно то сдѣлать,—отвѣтилъ панъ Стульдзинскій,—чтобы князь самъ отсталъ отъ своей затѣи.

— А какъ ты это сдѣлаешь?—спросили всѣ.

— Мы вотъ какъ сдѣлаемъ,—отвѣтилъ панъ Стульдзинскій, набивая свою трубку;—мы сегодня же... виновать, не сегодня, потому уже поздно, а завтра утромъ, сейчасъ послѣ ранней мессы, отправимся вѣсѣмъ кагаломъ къ ксендзу-пріору и покорнѣйше попросимъ его поговорить съ княземъ серьезно. Этотъ достойный пастырь, вѣроятно, не откажетъ намъ, потому онъ человѣкъ добрый, святой, къ старозаконнымъ благовольтъ, а съ ихъ раввиномъ даже въ большой дружбѣ живетъ, часто съ нимъ въ религіозные диспуты вступаетъ, такъ какъ онъ знаетъ толкъ и въ ихъ книгахъ: онъ большой эрудитъ и, еслибы не его происхожденіе изъ мелкой шляхты, онъ уже давно былъ бы епископомъ. Князь же очень уважаетъ его и часто слушается его, какъ своего духовника. А потому слово ксендза-пріора будетъ имѣть у князя большой вѣсъ: если онъ скажетъ, что этого нельзя, князь отъ своей затѣи отстанетъ. Такимъ образомъ наши жидки будутъ спасены безъ всякаго бунта съ нашей стороны.

Слова эти весьма понравились шляхтичамъ, находившимъ, что эдакъ въ самомъ дѣлѣ будетъ лучше.

— Панъ Стульдзинскій, ей-Богу, дѣло говорить,—воскликнули они весело, захлопавъ въ ладоши.—То-то и есть: гдѣ сѣдина, тамъ и умная голова. Мы такъ и сдѣлаемъ; но ты, пане добродѣю, долженъ будешь быть и истолкователемъ нашихъ желаній предъ его высокопреподобіемъ, потому ты говоришь, какъ ксендзъ съ каеэдры, мы такъ не сѣумѣемъ. Мы и поставимъ тебя во главѣ депутаціи; ты будешь говорить, а мы—поддакивать,—согласенъ?

— Отчего же нѣтъ?—отвѣтилъ старикъ, польщенный лестнымъ отзывомъ объ его умѣнии говорить.—Мнѣ говорить съ его высокопреподобіемъ не впервые. Хоть я не его парафіи, я однакоже каждый разъ, когда бываю въ мѣстечкѣ, дѣлаю ему визитъ въ его келіи и подолгу бесѣдную съ нимъ, потому бесѣда съ такимъ умнымъ и ученымъ пастыремъ назидательна и для души спасительна. Отъ него всегда уходишь съ просвѣтленнымъ умомъ и облегченнымъ сердцемъ.

— Го, го,—шутили нѣкоторые,—ты, старина, должно быть,

большой грѣховодникъ, когда такъ часто въ ксендзѣ нуждаешься.

— Что я не святой,—возразилъ старикъ,—это мнѣ болѣе, чѣмъ кому либо, извѣстно; но чтобы я былъ грѣшнѣе тѣхъ, которые выдаются съ ксендзомъ только разъ въ году, на реколлекціи—этого, я думаю, не скажетъ вамъ даже мой духовникъ, которому извѣстны всѣ мои грѣхи, вольные и невольные.

Шляхтичи такъ и сдѣлали, какъ посовѣтоваль имъ панъ Стульдзинскій. Выбравъ изъ своей среды семь человекъ болѣе почтенныхъ, они на слѣдующій день отправили ихъ депутаціей къ ксендзу-пріору. Глава же депутаціи, панъ Стульдзинскій, для того, чтобы оправдать высокое мнѣніе шляхтичей о его ораторскомъ талантѣ, приготовилъ цѣлую рѣчь, уснастивъ ее, для вящаго эффекта, латинскими цитатами изъ священнаго писанія, разныхъ акафистовъ и литургій, для чего онъ наканунѣ долго сидѣлъ за латинскимъ молитвенникомъ полоцкихъ іезуитовъ, который онъ всегда возилъ съ собою. Не легко давались ему эти цитаты: онъ ихъ твердилъ, твердилъ, но постоянно путалъ, вмѣсто одного слова скажетъ другое, начнетъ фразу и не знаетъ ея продолженія,—память страшно измѣняла ему. Тѣмъ не менѣе однакоже, онъ крѣпился и не терялъ надежды до самой послѣдней минуты. И только когда онъ съ депутаціей уже очутился предъ дверьми пріорской обители, онъ отчаянно махнулъ рукой: дескать, не совладать мнѣ съ латынью,—и рѣшился говорить просто, какъ Богъ ему на душу положить.

— Будеть достаточно моей честной польщизны; по крайней мѣрѣ, не осрамлюсь,—думалъ онъ, берясь за крестъ отъ звонка.

Ксендзъ-пріоръ принялъ депутацію очень ласково, какъ онъ принималъ всѣхъ, явившихся къ нему за совѣтомъ или съ просьбой. Выслушавъ сдѣланное ему сообщеніе, онъ сказалъ:

— Спасибо вамъ, дѣти мои, что вы во-время сообщили мнѣ объ угрожающей мѣстнымъ старозаконнымъ опасности. Я ничего не зналъ объ ней: князь, при послѣднемъ свиданіи нашемъ, ничего не говорилъ мнѣ о своемъ ужасномъ намѣреніи. Хотя мнѣ трудно вѣрить, чтобы князь способенъ былъ на такое неслыханное преступленіе, ибо, при всѣхъ своихъ слабостяхъ, онъ

все-таки остается добрымъ сыномъ нашей святой церкви, и его помыслы совершенно чисты отъ прискорбныхъ заблужденій нѣкоторыхъ изъ его предшественниковъ, и хотя я склоненъ думать, что его угроза—не болѣе, какъ шутка, которою онъ хочетъ напугать старозаконниковъ, которые чѣмъ-то навлекли на себя его неудовольствіе, я однакоже сегодня же повидаясь съ нимъ и разузнаю, въ чемъ дѣло. Во всякомъ случаѣ вы можете быть увѣрены, что, на сколько хватитъ силъ моихъ, я не допущу ввѣрившагося моему духовному руководительству христіанина до проливанія крови невинныхъ людей.

Глава депутаціи, преклонивъ одно колѣно, поцѣловаль руку просвѣщеннаго пастыря.

— Вашъ же поступокъ, дѣти мои, — продолжалъ ксендзь въ еще болѣе торжественномъ тонѣ, — ваше ходатайство за своихъ ближнихъ, своихъ братьевъ по человѣчеству, наполняетъ мое сердце небесною радостью, ибо я вижу, что сѣмя христіанской любви, которое я сѣю между вами въ качествѣ служителя алтаря, падаетъ на благодарную почву, пускаетъ корни, даетъ всходы и приноситъ плоды. Повторяю вамъ, дѣти мои, то, что я часто говорю вамъ съ высоты церковной кафедры: нѣтъ добродѣтели болѣе высшей, нѣтъ подвига болѣе пріятнаго Господу, чѣмъ любовь къ ближнему, кто бы онъ ни былъ. Истинный христіанинъ долженъ видѣть во всякомъ человѣкѣ, — къ какой религіи сей ни принадлежалъ бы, — своего ближняго, котораго нельзя не любить. Вы своимъ поступкомъ доказали, что вы истинные христіане, а потому я радуюсь за васъ, горжусь вами. Во имя Отца, и Сына, и Духа Святого, благословляю васъ, возлюбленные дѣти мои...

Всѣ члены депутаціи пали на колѣни и преклонили головы, а ксендзь-пріоръ осѣнилъ ихъ троекратно крестнымъ знаменіемъ и отпустилъ.

— А что, панове, — началъ панъ Стульдзинскій, когда депутація возвращалась домой, довольная своимъ поступкомъ и собою и восхищенная пріемомъ и словами ксендза-пріора, — старикъ Стульдаинскій совѣмъ не такой простофія, каковымъ вы, можетъ быть, изволили считать его?

— Качать его! — предложилъ кто-то въ отвѣтъ на вопросъ

старика, имѣвшаго право гордиться своимъ планомъ и его успѣшнымъ выполненіемъ.

— Дѣло!—отеликнули всѣ, и въ тотъ же мигъ подняли старика на руки, стали качать его и подбрасывать, оглашая воздухъ криками: *vivat!*

— Будеть, панове, будетъ! — закричалъ, наконецъ, панъ Стульдзинскій, старымъ костюмъ котораго не могла особенно поправиться оказываемая имъ честь. — Имѣю сообщить вамъ очень важную, очень нужную вещь. Отпустите же меня, панове!

Панове отпустили его.

— Вотъ что я хотѣлъ сказать вамъ,—проговорилъ онъ, тяжело дыша и вытирая платкомъ свое раскраснѣвшее и вспотѣвшее лицо. — Такъ какъ мы вѣдь не знаемъ, чѣмъ дѣло окончится, то, дабы наши жидки не предавались преждевременной надеждѣ и не поплатились потомъ еще болѣшимъ разочарованіемъ, мы ничего не должны говорить имъ о сдѣланномъ нами шагѣ къ ихъ спасенію. Пусть они сами что нибудь предпринимаютъ: не удастся нашъ планъ,—удастся, можетъ быть, ихъ планъ. Вы, панове, согласны съ этимъ?

— Совершенно.

И евреи, съ своей стороны, дѣйствительно предприняли то, что они всегда предпринимали и по сей день предпринимаютъ въ подобныхъ случаяхъ. А именно: на состоявшемся еще вчера засѣданіи кагала постановили: во 1-хъ, держать строгій постъ до полудня, во 2-хъ, чтобы послѣ каждой утренней и вечерней молитвы читали «Отче нашъ, Царь нашъ» и по десяти псалмовъ и, въ 3-хъ, чтобы женщины, не исключая и невѣсты, не надѣвали своихъ украшеній. Средства, какъ изволите видѣть, весьма энергическія, хотя и не очень дорогія.

Л. Леванда.

(Окончаніе слѣдуетъ):

ПОЭТЬ И КУПЕЦЪ.

РОМАНЪ ВЕРТОЛЬДА АУЭРБАХА *.

XX.

«Сантиментальныя путешествія» и Пророкъ.

Остальную часть зимы Ефраимъ провелъ тихо и уединенно въ одномъ сѣверо-германскомъ университетскомъ городѣ; господствовавшая здѣсь научная атмосфера дѣйствовала освѣжительно. Ефраимъ какъ-бы нагонялъ часть безплодно погибшей юности, применивъ къ беззаботной студенческой молодежи; но въ то же время онъ часто чувствовалъ, что внутренно слишкомъ состарился, пережилъ уже слишкомъ много, чтобы имѣть возможность вполне предаваться молодому веселью. Здѣсь онъ перевелъ большую часть эпиграммъ Марціала, но едва начались первые признаки весны, въ немъ снова проснулась страсть къ путешествіямъ. Умывши и освѣживши глаза въ чистой ключевой водѣ классическихъ поэтовъ, онъ могъ теперь снова свободно и прямо смотрѣть на міръ; скоро однако его зрѣніе снова заволокли тѣ сантиментальныя туманы, которые въ то время висѣли надъ всею Германіею. Она находилась наканунѣ всемірно-историческаго кризиса, людскимъ умомъ лихорадочно овладѣвало то самое странное стремленіе къ таинственному, то самое смѣлое порываніе разоблачить то, что до тѣхъ поръ оставалось покрытымъ священной тайной, и надъ всѣмъ этимъ носилась томитель-

* См. „Восходъ“ кн. IX.

ная тоска, боязливость, мучительный анализъ. Это было похоже на угрожающую тишь передъ страшной бурей.

— Ты повторилъ ошибку столькихъ евреевъ, которые непосредственно изъ своей еврейской улицы лѣзутъ въ чертоги такъ называемыхъ высшихъ сословій, — говорилъ самъ себѣ Еффраимъ; — а тамъ, наверху могутъ быть только придворные евреи, которымъ милостивые покровители съ благосклонной улыбкой выдаютъ крохи толерантности. Какъ можемъ мы надѣяться пріобрѣсть здѣсь равенство, котораго не даютъ низшему классу даже въ собственной націи? Къ народу, въ которомъ столько хорошихъ задатковъ и здраваго смысла, къ этимъ низшимъ братьямъ должны мы плотно примкнуть; скорбь объ одинаковомъ гнетѣ властителей и устарѣлыхъ предрасудковъ соединяетъ насъ, и только тамъ еще сохранилась въ неприкосновенности и неиспорченности здоровая природная сила.

Еффраимъ мало по малу проѣзжалъ до юга Германіи, онъ снова привыкъ выражать всѣ свои мысли и чувства въ поэзіи; онъ жилъ тою возвышенною двойственною жизнью, которая собственнымъ внѣшнимъ существованіемъ питаетъ другое, глубоко скрытое въ себѣ. У него былъ планъ написать по примѣру Тассо большую героическую поэму „Разрушеніе Иерусалима“. Величавые и живые образы возникали въ его душѣ, борьба на смерть героической націи грандіозно возставала передъ его глазами. Какими мелочными и ничтожными представлялись ему теперь всѣ заботы и огорченія его жизни, имѣвшія источникомъ взгляды дѣвушки и улыбку ея румяныхъ губъ! Какъ жаждалъ онъ отправиться на востокъ, къ развалинамъ Салема, и тамъ надъ гробомъ великой націи, который еще стоитъ на поверхности земли, никѣмъ не опускаемый въ нее для вѣчнаго успокоенія—тамъ прогнѣть такую похоронную пѣсню, чтобы ангелы въ небѣ заплакали вмѣстѣ съ нимъ и люди научились понимать и любить другъ друга; на опренинутыхъ столбахъ Сіона хотѣлось ему излить глубочайшую скорбь своей души и или умереть, или проснуться для новой жизни.

Если бы ему удалось выразить мелодическими словами скорбь о

гибели своего народа и свои собственные безконечныя муки, то эта скорбь и терзаніе его сердца нашли бы себѣ спасительный исходъ; но это предвкусеніе существованія и поэзіи, вознесшихся на высочайшую ступень, было все, что онъ могъ приобрѣсть себѣ: онъ уже не былъ въ состояніи собрать все свои умственныя и духовныя силы для какого нибудь одного подвига; его скорбь была не цѣльная, нераздѣльная, текущая изъ одной большой раны; она сочилась подъ тысячью булавочныхъ уколовъ мелкой и мизерной доли.

По примѣру Монтескье съ его „Персидскими Письмами“, Вольтера съ его письмами объ Англіи и д'Аржана (d'Argens) съ его „Письмами Еврейскими“, Ефраимъ намѣревался тоже написать еврейскія письма и для этого хотѣлъ приобрѣсть себѣ совершенно свободную поэтическую точку зрѣнія: еврей времени Христа или даже времени Давида путешествуетъ по христіанскимъ землямъ въ Германіи и описываетъ ихъ нравы и учрежденія. Въ этомъ заключалось много счастливыхъ данныхъ для многосторонней пропіи.

Путешествовать въ экипажѣ было неудобно, потому что при этомъ способѣ передвиженія приходилось иногда въ продолженіи многихъ часовъ держать въ головѣ какую нибудь мысль безъ возможности занести ее на бумагу. Ефраимъ оставилъ свои книги въ одной маленькой резиденціи и пошелъ по лѣсамъ и горамъ пѣшкомъ.

Ему встрѣтилась одна нищая, шедшая босикомъ и державшая башмаки въ рукахъ, чтобы сберечь ихъ. Она попросила „христіанскаго подаванія“; Ефраимъ опустилъ руку въ карманъ и подалъ ей горсть денегъ, не считая, со словами: „это подаваніе еврейское, потому что я еврей“. Какъ радовался онъ, что разъяснилъ бѣдной женщинѣ предразсудочную нелѣпность выраженія, самого по себѣ невиннаго!

Одною изъ своеобразностей Ефраима было то, что онъ давалъ деньги тѣмъ нуждающимся, которые проходили мимо него безмолвно; онъ въ этихъ случаяхъ помогалъ охотнѣе и щедрѣе, чѣмъ въ тѣхъ, когда его объ этомъ просили.

Повстрѣчался ему на дорогѣ разнощикъ-еврей съ мѣшкомъ на спи-

нѣ, съ навѣшенными на руку пестрыми платками, съ пришитою на лѣвой сторонѣ его кафтана круглою желтою тряпочкой; повидимому, онъ на ходу совершалъ молитву. Когда этотъ человѣкъ смиренно поклонился нашему путешественнику, сердце Ефраима сильно забилось, онъ присоединился къ еврею, и ему было пріятно, хотя бы и посредствомъ обмана, выказать жалкому бѣдняку благосклонное расположеніе знатнаго богача; поэтому онъ привѣтливо спросилъ у еврея, какъ идутъ его дѣла.

— Чтобъ оно пропало, это просвѣщеніе!—сказалъ разнощикъ;—нынче крестьянинъ сталъ умнѣй и сообразительнѣй, никакого съ нимъ торговаго дѣла не сдѣлаешь.

Ефраимъ старался доказать, что просвѣщеніе — Мессія евреевъ, что съ нимъ настанутъ для нихъ и лучшія времена, когда они уже не будутъ обязаны носить желтую нашивку на лѣвой сторонѣ груди.

— Эта нашивка моя орденская лента,—сказалъ разнощикъ,—для меня она милѣе и дороже всякаго генеральскаго ордена отъ нашего императора. Тамъ, на томъ свѣтѣ, этотъ орденъ будетъ значить больше всякихъ другихъ. Можетъ быть, въ прежнее время его носили и другіе люди, только потомъ смыли его съ себя водою крещенія...

При этихъ словахъ разнощикъ посмотрѣлъ на Ефраима очень пристально, потому что принималъ его за крещеннаго еврея; тѣмъ не менѣе онъ спросилъ его, не желаетъ ли онъ купить или продать что нибудь, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, поспѣшилъ разстаться съ нимъ.

Продолжая свой путь, Ефраимъ погружался въ жизнь cadaго дерева, встрѣчавшагося ему; онъ представлялъ его себѣ зарождающимся, развивающимся и умирающимъ; умъ его проникалъ въ каждую хижину, мимо которой онъ проходилъ, и сливался съ жизнью обитавшихъ въ ней людей; но постоянно присутствовавшая въ немъ мысль о смерти заставляла его привѣтствовать все прекрасное, всѣ горы и долины, одновременно съ первымъ разомъ и въ послѣдній разъ; здо-

роваая со всёми этимъ, онъ, какъ умирающій, говорилъ ему и вѣчное прости...

Это своеобразное пресыщеніе жизнью не позволяло ему наслаждаться вполне и свободно своимъ путешествіемъ... Какъ больной, котораго вынесли изъ его комнаты на шумную улицу, смотрѣлъ бы съ изумленіемъ и растерянностью на все это движеніе и суету, точно также Ефраимъ чувствовалъ на душѣ своей мучительное бремя и не имѣлъ силы сбросить его. Стоя на вершинѣ величественной, полной чудной свѣжести горы, онъ глядѣлъ внизъ грустно и сурово, потому что его внутренній глазъ не улавливалъ въ этомъ царствѣ величія и свободы ничего, кромѣ задыхающагося отъ усталости и терпящаго всякія обиды и униженія еврея.

„Прочь отъ меня эти печальныя картины!“ сотни разъ говорилъ онъ себѣ, но сердце его снова возвращалось туда же, и онъ привѣтливо кланялся, когда проѣзжалъ черезъ городъ или деревню, гдѣ евреи стояли на дорогѣ въ нарядныхъ платьяхъ, празднуя свою субботу; онъ радовался, что имъ все-таки не отказывали въ солнечномъ свѣтѣ и воздухѣ и что они могли празднично нарядиться въ жизни, полной горя и гоненій. У содержателей гостинницъ онъ постоянно справлялся всяческими окольными путями, жили ли въ ихъ городѣ евреи; чуть ктонибудь обращалъ на него усиленное вниманіе, онъ думалъ, что его инкогнито открыто; особенно страшился онъ этого въ тѣхъ случаяхъ, когда на него пристально смотрѣлъ какойнибудь еврей, ибо одна изъ своеобразныхъ чертъ этого народа заключается въ томъ, что два еврея часто узнаютъ другъ друга только по манерѣ оглядывать одинъ другаго при встрѣчѣ. Въ назойливомъ любопытствѣ и приставаши многихъ евреевъ, которые черезъ нѣсколько минутъ послѣ перваго знакомства начинаютъ разспрашивать васъ обо всѣхъ вашихъ дѣлахъ и подробностяхъ—во всемъ этомъ Ефраимъ каждый разъ, какъ случалось ему сходитья съ такими людьми, видѣлъ только симпатическую семейную черту, благодаря которой страждущіе узнаютъ другъ друга и сближаются между собою и которая даетъ имъ право требовать интимнаго сближенія

съ ними отъ всякаго знакомаго. Ефраимъ чувствовалъ себя склоннымъ тоже подчиниться этой чертѣ, когда два происшествія снова заставили его вернуться на болѣе общую точку зрѣнія.

Онъ проходилъ по еврейской улицѣ одного очень населеннаго города средней Германіи. На узкомъ пространствѣ, сдавленномъ съ обѣихъ сторонъ высокими домами, не было ничего, кромѣ душной и гнилой атмосферы, шума и суеты, споровъ и торгашества; ни одинъ солнечный лучъ не проникалъ туда вполнѣ свободно; Ефраимъ смотрѣлъ вверхъ на безчисленное количество окошекъ, за которыми сотни людей влачили свое жалкое существованіе; онъ оглядывался вокругъ себя и видѣлъ, какъ въ темныхъ подвалахъ кипѣла самая разнообразная мелочная торговля. Вдругъ онъ увидѣлъ статнаго старика, голова котораго была увѣнчана бѣлоснѣжными кудрями, а изъ-подъ высокихъ бровей ярко свѣтили черные глаза. „Въ блескѣ этихъ глазъ, — сказалъ себѣ Ефраимъ, — покоится лучъ изъ вѣчно творящаго духа божьяго; принадлежи ты къ другому сословію, ты, можетъ быть, пользовался бы высокими почетомъ, какъ поэтъ, генераль или государственный человѣкъ“. И онъ вдругъ нарисовалъ себѣ весь жизненный путь этого человѣка. Старикъ сейчасъ же замѣтилъ, что онъ сдѣлался предметомъ наблюденія и, привѣтливо поклонившись, спросилъ: „Что покупаете, господинъ графъ?“ — „Ничего“, — отвѣчалъ Ефраимъ и поспѣшилъ уйти изъ еврейской улицы.

Въ другой разъ, будучи въ одномъ маленькомъ городѣ, онъ увидѣлъ толпу народа передъ таможеню и, подойдя ближе, узналъ, что незадолго до того одинъ изъ его единовѣрцевъ взялъ на аренду еврейскую таможенную пошлину и для того, чтобы извлекать отсюда хорошіе барыши, поступалъ съ неслыханною жестокостью. Между тѣмъ, какъ Ефраимъ разговаривалъ объ этомъ съ нѣсколькими другими, арендаторъ подошелъ къ его экипажу и крикнулъ: „Ты тоже долженъ заплатить мнѣ!“ Ефраимъ поскорѣе уѣхалъ.

Это барышничанье собственнымъ позоромъ возмущало его больше всего, онъ хотѣлъ совершенно отстраниться отъ этихъ гадостей и самъ

впалъ въ ту ошибку, которую такъ часто порицалъ въ другихъ—обобщилъ и поставилъ на первомъ планѣ отдѣльные случаи наглости и низости, забывъ тысячи другихъ проявленій благородства и доброты.

Въ одно изъ своихъ странствій пѣнкомъ онъ встрѣтилъ одного молодого крестьянина, верхомъ на лошади, тащившей домой плугъ; юноша звучно и весело пѣлъ пѣсню, и эхо далеко разносило ее по окрестнымъ горамъ. Ефраимъ пошелъ рядомъ съ нимъ; видъ цвѣтущаго, свободнаго юноши дѣйствовалъ освѣжительно, точно вѣяніе горнаго воздуха. Крестьянинъ спросилъ нашего путешественника; не ради ли завтрашняго церковнаго праздника пришелъ онъ въ ихъ деревню, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, гордо замѣтилъ, что часто въ этотъ день пріѣзжаютъ сюда многіе важные господа и находятъ очень хорошее помѣщеніе у его дядюшки, содержателя гостиницы „Орла“. Ефраимъ общалъ тоже остаться...

Здѣсь наконецъ хотѣлъ онъ сбросить съ себя весь прахъ, насквѣсившій на него изъ книгъ и съ развалинъ Іерусалима. Въ буколическомъ настроеніи онъ написалъ стихотвореніе:

Heil euch Erlen, Eschen, Linden!
Berg und Thäler, seid gegrüsst!
Lasst mich hier die Freuden finden,
Die ich in der Stadt' vermisst.

Nehmt mich auf in eure Hütten,
Jhr beglückten Schäfer ihr!
Jhr von unverdorben Sitten,
Welch ein Leben führt man hier! *

И т. д. въ томъ же родѣ.

Скоро послѣ того, какъ Ефраимъ остановился въ трактирѣ, между двумя крестьянами, игравшими въ кости, завязалась ссора, къ которой затѣмъ присоединились и другіе присутствующіе; въ общей перебранкѣ

* Т. е. «Привѣтъ вамъ, ольхи, ясени, липы! Привѣтствую васъ, горы и долины! Дайте мнѣ найти здѣсь ту радость, которую я тщетно искалъ въ городѣ. Примите меня, счастливые пастухи, въ ваши хижины; какую чудную жизнь ведутъ здѣсь, между вами, неспорченными людьми!»

то и дѣло слышались слова „жидъ“, „жидовство“ и т. п. остроты и каламбуры на эти слова... Ефраимъ краснѣлъ и блѣднѣлъ; видно, какой-то злорадный демонъ наталкивалъ его на подобныя вещи... Всѣ разошлись, а онъ долго еще сидѣлъ, опершись головой на обѣ руки, погруженный въ глубокую задумчивость. Въ комнатѣ оставалась, кромѣ него, только одна маленькая дѣвочка; она стала на противоположномъ концѣ стола и съ любопытствомъ осматривала незнакомца. Ефраимъ подозвалъ ее къ себѣ, посадилъ на колѣни и поцѣловалъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ.

— Матильда.

Онъ спустилъ ребенка на полъ, закрылъ лицо руками, и внутренній голосъ заговорилъ въ немъ: „Къ чему еще быть евреемъ? Развѣ не достаточно тяжко быть просто человѣкомъ, этимъ половиннымъ созданиемъ, связаннымъ по рукамъ и по ногамъ въ этомъ жалкомъ, ни на что не годномъ мирѣ?“ Передъ нимъ стояла бутылка съ виномъ, онъ не могъ проглотить ни одной капли.

На слѣдующее утро его разбудилъ звонъ колоколовъ. Онъ улыбнулся при мысли, что его наканунѣ могли привести въ недовольное и печальное настроеніе простые слова, которыя скоро могутъ исчезнуть, потому что часто въ жизни человѣчества, какъ и въ жизни отдѣльных людей, господствующія понятія нѣкоторое время находятся въ обращеніи въ видѣ извѣстныхъ оборотовъ рѣчи съ характеромъ поговорокъ и пословицъ, но потомъ они расплавливаются и на мѣсто ихъ чеканятся новыя съ изображениями властителей даннаго времени; народъ же любитъ старую монету и не такъ легко привыкаетъ къ новой.

Ефраимъ пошелъ вмѣстѣ съ набожнымъ населеніемъ деревни въ церковь; ему хотѣлось помолиться. На кафедрѣ маленькій человѣчекъ въ черной рясѣ проповѣдывалъ гнусливымъ тономъ „о живыхъ фарисеяхъ и тѣхъ проклятыхъ евреяхъ, которые распяли Спасителя“. Почти вся проповѣдь была сшита изъ отдѣльныхъ библейскихъ стиховъ. „Съ этимъ вызовомъ на свѣтъ давно минувшаго грѣха евреевъ,—разсуждалъ про себя, Ефраимъ—находится въ тѣсной связи демонъ нена-

висти, къ которому примыкають гнетъ, ухудшеніе нравовъ и, какъ послѣдствіе ихъ, общее пресрѣніе; когда же это кончится?" Онъ вспомнилъ о старомъ народномъ обычаѣ, про который слышалъ еще въ дѣтствѣ—ставить на вѣчный покой мечъ палаца послѣ того, какъ имъ было отрублено сто головъ; вспомнилъ—и въ умъ его зашевелился вопросъ: когда поставятъ на вѣчный покой этотъ казнящій мечъ вѣры и взаимнаго враждебнаго осужденія? Развѣ не умерщвлены уже имъ тысячи и тысячи людей?

Послѣ проповѣди прочли объявленіе, что всѣ крестьяне мужскаго пола отъ шестнадцати до шестидесяти лѣтъ обязаны въ слѣдующій вторникъ явиться съ лопатами и заступами въ замокъ вельможнаго помѣщика для отбыванія барщины.

— Когда это кончится?— снова спросилъ себя Ефраимъ; — современемъ должны же уничтожиться всѣ эти, отжившія свой вѣкъ, барщины!

Послѣ обѣдни, по старому обычаю, началась стрѣльба въ цѣль изъ лука. Сперва мишенью поставили турка, и стрѣлки цѣлились въ застежку на его чалмѣ. Затѣмъ поставили фигуру еврея; толпа загоготала при видѣ смѣшной рожи съ длинной бородой, спускавшейся до середины груди, гдѣ черное пятно означало мѣсто, куда слѣдовало цѣлиться; со всѣхъ сторонъ такъ и сыпались насмѣшки и остроты. Ефраимъ безмолвно удалился.

Человѣкъ богатый и пользующійся почетомъ можетъ добродушно улыбаться, когда публично издѣваются надъ его мнимой бѣдностью или ничтожностью, а въ интимномъ кругу—даже надъ его личностью; но тотъ, кто добивается признанія другими его достоинствъ и на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ преграды—тотъ приходитъ въ глубокое уныніе и негодованіе отъ подобныхъ насмѣшекъ и оскорбленій. Въ этомъ заключается причина щекотливой чувствительности столькихъ евреевъ, ищущей себѣ въ общественныхъ и личныхъ отношеніяхъ той деликатности, которую рѣдко можно найти у людей счастливыхъ и веселыхъ.

На сколько легче сдѣлалось Ефраиму разорвать связь съ такъ на-

звасаемыми высшими сословіями! Въ своемъ недовольствѣ онъ видѣлъ тамъ только людей, которыхъ нерекраивали на разные лады и обезображивали ножницы моды; здѣсь былъ предъ нимъ народъ, водимый на помочахъ и тѣнащійся блестящими дѣтскими игрушками. Онъ вспомнилъ о великомъ человѣкѣ съ великой душой и могучей рукой *, который разрѣзалъ пополамъ почочи въ воспитаніи ребенка и народа и потребовалъ, чтобы всѣмъ было предоставлено двигаться свободно, куда кто желаетъ; напрасно заботливыя бабушки и тетуски приходили въ ужасъ отъ этого нововведенія и съ воплями клялись, что ребенка разобьютъ себѣ голову, если пустить его бѣгать безъ войлочной шляпы съ ватной подкладкой и патриархальной няньки — всѣ ихъ протесты оставались безплодными.

Ефраимъ все болѣе и болѣе преодолювалъ свое мрачное отчаяніе. Теперь онъ раздѣлялъ уже европейское человѣчество не на евреевъ и христіанъ, а на господъ и рабовъ; теперь народъ представлялся ему уже не ребенкомъ, а угнетеннымъ — который въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ считаетъ себя свободнымъ, потому что видитъ людей, стоящихъ еще ниже его, которыхъ онъ можетъ тѣснить и оскорблять: крѣпостные крестьяне давили лакеевъ императора — евреевъ.

На альпійскихъ горахъ видѣлись ему теперь Синай и Голгофа; тамъ обиталъ великій пророкъ, и отправиться на поклоненіе къ нему составило снова цѣль и задачу жизни и странствій Ефраима; онъ не блуждалъ уже больше въ воздухѣ, какъ спугнутая птица.

Съ радостнымъ сердцемъ сидѣлъ Ефраимъ въ лодкѣ, перевозившей его на островъ св. Петра — пріютъ Жанъ-Жака Руссо. Было свѣжее осеннее утро, туманъ мало по малу разсѣвался и, точно изъ облаковъ, появился прелестный островокъ въ красноватомъ и желтоватомъ вѣнцѣ своихъ деревьевъ. Ефраимъ засталъ Руссо за ботаническими занятіями; замѣтивъ незнакомца, философъ робко посмотрѣлъ на него.

— Такой-ли вы человѣкъ, чтобы безъ всякихъ предразсудковъ

* Жанъ-Жакъ Руссо. *Перев.*

выслушать еврея?—спросилъ Ефраимъ, смѣло и безъ обиняковъ под-
ходя къ нему.

— Мнѣ доставляетъ удовольствіе своеобразный строй каждаго
цвѣтка, — съ улыбкой отвѣчалъ Руссо; онъ посмотрѣлъ на цвѣтокъ,
бывшій въ его рукахъ, потомъ поднялъ голову, нѣсколько минутъ при-
стально наблюдалъ незнакомца и наконецъ сказалъ: — Салемъ алейкимъ!

Это заключительное привѣтствіе, при которомъ Руссо протянулъ
гостю руку, заставило Ефраима улыбнуться, потому что онъ не ожи-
далъ быть принятымъ подобно праотцу Аврааму.

— Я прихожу къ вамъ не изъ патриархальныхъ хижинъ, — снова
заговорилъ онъ, — меня заставила это сдѣлать моя мачиха-родина, от-
толкнувшая меня и предоставляющая влачить жалкое и печальное суще-
ствование; всюду, гдѣ только раздастся колокольный звонъ, слышу я,
какъ тысячи желѣзныхъ языковъ посылаютъ мнѣ, еврею, презрѣніе, не-
нависть и злобную насмѣшку. Вы не должны препятствовать тому, что-
бы всѣ люди съ удрученною душою приносили свои муки и скорби на
алтарь храма вашего сердца. Къ вамъ пришелъ я на поклоненіе, обни-
маю ваши колѣни и благодарю Бога за то, что Онъ далъ мнѣ наконецъ
найти человѣка!

— Да, я снова человѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ меня принудили
бѣжать изъ ядовитой атмосферы городовъ, — отвѣчалъ Руссо. — Чѣмъ
больше человѣкъ живетъ въ обществѣ, тѣмъ сквернѣе становится онъ.
Но нетерпимость, это проклятіе человечества, лежитъ тяжелымъ гне-
томъ не на однихъ только евреяхъ; и я тоже изгнанъ тиранніею чело-
вѣческаго общества, потому что отказываюсь думать и чувствовать
такъ, какъ предписываютъ сильные міра сего. Но я все-таки твердо
держусь руководящей мысли всей моей жизни — что среди испорчен-
ности и извращенности нашего общества человѣку возможно, должно
быть возможно устраивать свое существованіе сообразно съ собствен-
ными твердыми принципами, съ законами разума.

— А еврею?—спросилъ Ефраимъ.

— Еврею?—задумчиво продолжалъ Руссо. — Въ древнія времена

вы, евреи, ставили вашего Иегову въ параллель съ другими богами; продолжаютъ-ли амстердамскіе раввины учить, что и внѣ вашей церкви можно обрѣсти спасеніе?

— Наши отцы церкви учатъ, что праведные люди всѣхъ націй причастны вѣчному блаженству.

— Терпимость да господствуетъ относительно всѣхъ тѣхъ, которые сами проповѣдуютъ терпимость, ибо исключительная національная религія немислима при существованіи чистаго общественнаго договора.

Ефраимъ схватилъ руку Жанъ-Жака и горячо поцѣловалъ ее; философъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и, быстро отдернувъ руку, сказалъ:

— Не возмутительно, что эти жалкіе люди угнетаютъ и гонятъ именно тѣхъ, кто призванъ свободно и гордо поднимать голову, и никому не выказываютъ раскаго почтенія?

И онъ исчезъ въ кустахъ.

Ефраимъ стоялъ, какъ растерянный, и чувствовалъ только одиночество своего сердца; но въ глубинѣ души его возникла мысль, что тщетно искать исцѣленія себѣ во внѣшнемъ мірѣ, въ другомъ человѣкѣ; только тотъ, кто носитъ храмъ въ самомъ себѣ, находитъ его и въ свѣтѣ; только тотъ, кто приноситъ миръ съ собой, находитъ его и среди другихъ.

Ефраимъ хотѣлъ съ этихъ поръ пользоваться плодами только своихъ собственныхъ внутреннихъ дѣйствій.

Одно старое воспоминаніе снова воскресло въ немъ; онъ сошелъ съ колеи обыкновенной жизни и уже не могъ снова попасть на нее; магической силой влекло его въ Отаити, это Эльдorado первобытной простоты, туда, гдѣ проявляется во всей своей прелести неиспорченная, чистая природа человѣка.

Съ радостнымъ волненіемъ читалъ и перечитывалъ онъ соблазнительныя описанія этой обѣтованной страны, въ ту пору воспламенявшей воображеніе всей молодежи и показывавшей ей вѣсть съ Руссо идеаль

человѣка въ дикарѣ, такъ называемомъ человѣкѣ природы, стоящемъ внѣ цивилизаціи; чтеніе все болѣе и болѣе усиливало его намѣреніе ѣхать. Приближалась зима, онъ рѣшился провести ее въ кругу своихъ близкихъ и затѣмъ навѣки проститься съ ними; одновременно съ весною природы онъ хотѣлъ вступить въ новую весну своей жизни.

XXI.

Бродяга.

Засовы стучать, желѣзная дверь со скрипомъ поворачивается на своихъ петляхъ, мы входимъ къ Ефраиму въ тюрьму. Тутъ сидитъ онъ, погруженный въ глубокую задумчивость, и въ головѣ его продолжаютъ смутно и беспокойно носиться происшествія послѣднихъ дней; онъ не можетъ понять, какъ у него явилась безумная смѣлость — переночевать по пути еще разъ въ той резиденціи, гдѣ онъ провелъ нѣсколько времени въ шумномъ придворномъ обществѣ. Здѣсь, въ одной гостинницѣ, онъ нашелъ Тревирано мечущимъ банкъ и съ кучей золота предъ нимъ; Ефраимъ подошелъ и устремилъ глаза на своего прежняго пріятеля; тотъ рѣзко и обращаясь, какъ къ человѣку совершенно незнакомому, спросилъ, чего ему надо, и Ефраимъ отвѣчалъ, что съяжетъ это завтра. Но на слѣдующее утро его стащили съ постели и отвели въ тюрьму по обвиненію въ обманной неуплатѣ еврейской пошлины. Почти апатически отправился онъ туда, потому что видѣлъ справедливую кару неба въ томъ, что именно здѣсь, гдѣ совершилъ онъ столько грѣховъ, арестовали его.

Три дня уже сидѣлъ онъ въ сводчатой комнатѣ, куда дневной свѣтъ проникалъ сквозъ маленькое, защищенное двумя рѣшетками окно, и испытывалъ ужасное ощущеніе заживо похороненнаго...

Въ настоящую минуту онъ лежитъ на войкѣ, разсматриваетъ свою руку, ея позы и развѣтвленія жилъ и думаетъ о томъ, что онъ долженъ сохранять эту руку для того, чтобы она въ концѣ концовъ сдѣлалась добычею червей; о томъ, какъ странно, что все это переживаемое, ощу-

щаемое человѣкомъ и составляющее предметъ его стремленій находится только тамъ, куда тащатся это тѣло и эта рука; и вслѣдъ за тѣмъ онъ погрузился въ двигающую всѣмъ этимъ силу—душу человѣка. Почти до одурѣнія довели его закружившіяся въ головѣ мысли, и чтобы заглушить внутренній шумъ свой, онъ началъ пѣть. Вдругъ изъ находившейся подъ его помѣщеніемъ комнаты донесся къ нему голосъ. Онъ легъ на полъ и услышалъ еврейскій синагогальный напѣвъ; онъ тотчасъ же сталъ вторить, а нижній обитатель на голосъ той же мелодіи спросилъ, кто это сидитъ надъ нимъ. Ефраимъ вздрогнулъ отъ испуга. Испытанное имъ ощущеніе было такое же, какъ въ ту минуту, когда на маскарадномъ балѣ невидимыя уста впервые заговорили съ нимъ. Но какая разница между его тогдашнимъ и теперешнимъ положеніемъ! Онъ однако отвѣчалъ тотчасъ же и на тотъ же напѣвъ то, что находилъ возможнымъ сказать, такъ какъ все еще не рѣшилъ—слѣдуетъ ли ему сознаться предъ судомъ, что онъ дѣйствительно еврей, и поэтому боялся, не шпіонъ ли это разспрашиваетъ его. И такимъ образомъ переговаривались оба арестанта, распѣвая еврейскія мелодіи и не внушая сторожу никакихъ подозрѣній, потому что сидящему въ тюрьмѣ не запрещается пѣть сколько ему угодно. Товарищъ Ефраима по заключенію былъ, какъ оказалось, посаженъ по той же причинѣ, что и Ефраимъ. Не прошло и часа съ тѣхъ поръ, какъ началась эта речитативная бесѣда, а ужъ они не имѣли ничего больше сказать другъ другу, потому что не могли видѣть другъ друга, а это уничтожаетъ всякую возможность продолжительнаго разговора. Послѣ этого они каждое утро спрашивали одинъ другого, каково проведена ночь, состоялось ли какое нибудь рѣшеніе по ихъ дѣлу—и затѣмъ каждый предавался своимъ собственнымъ мыслямъ... Одно извѣстіе, сообщенное Ефраиму сотоварищемъ, очень изумило его: онъ узналъ, что тюремный надзиратель—крещеный еврей; легко могло быть, что находившійся подъ нимъ арестантъ и былъ этотъ самый надзиратель, и поэтому онъ совсѣмъ пересталъ отвѣчать на предлагавшіяся снизу вопросы. Надзиратель былъ ему противенъ и своею приторною любезностью и еврейскими фразами, которыми онъ

всякій разъ здоровался со своимъ арестантомъ. Къ этимъ христіанамъ съ еврействующимъ жаргономъ Ефраимъ всегда питалъ отвращеніе, потому что въ этомъ видимомъ приспособленіи къ слушателю скрываются большою частью насмѣшка и желаніе подразнить. При этомъ еще Ефраима оскорбляло, что съ нимъ обращались, какъ съ торгашомъ-жидомъ; онъ держалъ себя гордо и говорилъ мало.

Но съ этихъ поръ онъ началъ относиться къ тюремщику привѣтливѣе; ему казалось, что онъ уже встрѣчалъ гдѣ-то это плутовское лицо съ сѣдыми волосами и съ серебряными серьгами въ ушахъ.

— Скажите, не встрѣчались мы съ вами когда нибудь? — спросилъ онъ однажды.

— Еще бы! И не одинъ, а десятки разъ... Я зналъ господина Ку, когда онъ былъ еще совѣтъ маленькій... Въ Бреславлѣ, Берлинѣ и здѣсь мы видѣлись уже прежде, но я разскажу вамъ мою исторію отъ аефа до послѣдней буквы. Гдѣ мой отецъ живетъ теперь — этого я не знаю, но прежде жилъ онъ въ Величкѣ, въ Польшѣ. Дѣла у него были всегда полонъ ротъ съ утра до вечера. Утромъ онъ отправлялся на рынокъ и зѣвалъ торговкамъ въ лицо такъ, что онѣ наконецъ поневолѣ принимались и сами зѣвать. Вечеромъ, только что становилось темно, онъ обѣгалъ всю еврейскую улицу и затворялъ всюду ставни. А когда возвращался домой, то и тутъ еще приходилось работать—ссориться и драться съ моею матерью, которая, по его мнѣнію, точно также какъ и мы, дѣти, должна была зарабатывать себѣ хлѣбъ. Восми лѣтъ отъ роду я былъ уже стукальщикомъ при синагогѣ. Вы вѣдь знаете, что у евреевъ надо три раза въ день стучать колотушкой въ стѣны всѣхъ домовъ, призывая этимъ въ синагогу. Плохо и тяжело приходилось мнѣ... Когда отецъ умеръ, мать собрала всѣ свои пожитки и отправилась съ нами въ Германію, но на дорогѣ умерла. Я былъ старшій и нанялся служить у подрядчика, поставлявшаго лошадей въ первую силезскую войну; одинъ швабъ изъ Аугсбурга прозвалъ меня Шнауцер-

ле *. Внослѣдствіи я часто пріѣзжалъ въ Бреславль съ женой и дѣтьми; въ Бреславлѣ меня знаютъ также хорошо, какъ въ моемъ собственномъ карманѣ.

— Гдѣ же теперь ваше семейство?

— У дѣдушки.

— У дѣдушки?

— Ну, да, и гдѣ бы это ни было, имъ всемъ очень хорошо. Вотъ только мою Матильду никакъ я не могу забыть. Это было такое милое, такое доброе дитя! Мнѣ говорили, что будто бы глупая дѣвушка лишила себя жизни, потому что носила въ себѣ еще одну лишнюю жизнь, но я этому не вѣрю, не вѣрю!

Шнауцерле вдругъ задумался... Знай Ефраимъ, какъ близко касались его самого печаль этого человѣка и его умершее дитя — (такъ какъ утопившаяся Матильда была именно дочь Шнауцерле) — онъ не перевелъ бы разговора на другіе предметы, чтобы утѣшить бѣднаго отца; теперь же онъ продолжалъ спрашивать его о дальнѣйшихъ приключеніяхъ, и гдѣ они въ первый разъ встрѣтились.

Оказалось, что Шнауцерле былъ въ домѣ отца Ефраима въ тотъ вечеръ наканунѣ Пасхи, когда старика Бу „потасили въ даровое помященіе“, какъ выразился рассказчикъ. Приключенія, пережитыя Шнауцерле, были самаго разнообразнаго свойства: онъ служилъ въ трупнѣ вольтижеровъ, потомъ пилилъ дрова по четыре гроша въ день, наконецъ былъ даже священникомъ...

— Скажите, — спросилъ его Ефраимъ, — кто это сидитъ взаперти подо мной?

— Это геръ, зовутъ его Хулицкій; завтра прикуютъ его къ тележкѣ, оттого что онъ не въ состояніи заплатить штрафъ. Это такое упрямое созданіе — точно глупая вляча. Да вѣдь вы должны знать его...

— Не помню.

* Schnauzerle — уменьшительное отъ слова Schanz; значить — рыльце.

— Ну, такъ я наведу васъ на слѣдъ. Помните рабби Хананеля, что долго жилъ у васъ въ домѣ? Вотъ съ этимъ-то Хулицкимъ онъ и совершилъ чудо: въ одинъ день сдѣлалъ его старше на нѣсколько тысячъ лѣтъ.

— Я васъ не понимаю.

— Я его тоже не понимаю, — со смѣхомъ отвѣчалъ Шнауцерле; — Хулицкаго рабби Хананель сдѣлалъ изъ еврея христіаниномъ. Тоже недурная штука! Хулицкій знаетъ всѣ наши религиозные обычаи и обряды; одно только никакъ не лѣзетъ въ его толстую башку — никакъ не можетъ выучиться низко присѣдать, а это вѣдь самое главное.

Ефраимъ былъ глубоко потрясенъ тѣмъ, что встрѣтилъ здѣсь прозелита своего прежняго учителя, и хотѣлъ, чтобы Шнауцерле тотчасъ же сообщилъ ему объ этомъ; но тотъ, разъ началъ рассказывать о своихъ приключеніяхъ, продолжалъ:

— Въ первые два года Семилѣтней войны я служилъ также въ кавалеріи, но скоро биннулъ это, оттого что увидѣлъ, что у инвалиднаго солдата такая же доля, какъ у собаки мясника, которая притащить на бойню для большихъ господъ цѣлаго теленка, устанеть такъ, что еле волочить ноги, и за всю свою работу не получить даже обглоданной кости.

— Развѣ вы въ то время уже перемѣнили религію?

— Я нѣсколько разъ перемѣнялъ. Одно время это было выгодное дѣло: пруссаки вѣдь пальчики облизываютъ, когда скушаютъ еврейскую душу; только они платятъ скверно — десять талеровъ, много-много двѣнадцать. Лучше всѣхъ заплатилъ мой послѣдній креститель — тотъ іезуитъ, черезъ котораго я получилъ тоже теперешнее мое мѣстечко.

— И вамъ нисколько не совѣстно такъ играть религію?

— Если бы моя религія хотѣла удержать меня при себѣ, ей слѣдовало бы сообразить, что масла и всего другого нельзя добывать иначе, какъ за деньги. Отъ той, чужой религіи я по крайней мѣрѣ хотѣ

задатокъ какойнибудь получилъ. Я уплатилъ всю мою еврейскую пошлину, сдѣлался христіаниномъ и приобрѣлъ еще кой-какія деньги... Доску надо буравить въ самомъ тонкомъ мѣстѣ. Еслибъ съ султаномъ можно было поговорить толкомъ, я, пожалуй, сдѣлался бы туркомъ или гайдукомъ.

— Вы, стало быть, никогда не упрекали себя въ томъ, что винули еврейство?

— Держаться за еврейскую религію, — со смѣхомъ отвѣчалъ Шнауцерле, — все равно, что взнуздывать клячу за хвостъ. Еврейская религія — выслужившая свой срокъ военная лошадь: ее слѣдуетъ держать въ почетѣ, а продолжать еще ѣздить на ней — не годится.

— А о будущей жизни вы никогда не думаете?

— Здѣшняя жизнь — наличныя деньги; ну, а та, другая — это долгъ просто на слово, или письменное обязательство безъ надежнаго обезпеченія; можетъ быть, заплатятъ, можетъ быть — нѣтъ..

— Вы говорили, кажется, что мы видѣлись съ вами прежде и здѣсь, въ этомъ городѣ?

— Да, конечно, только я былъ замаскированъ. Помните мавра Мулеи у шеваля? Это былъ я. Помните вашего отца на маскарадномъ балѣ? Это былъ я. Я васъ достаточно предостерегалъ, но есть люди, которые хоть сто разъ говори; „тутъ лежитъ камень“ — они не повѣрятъ, пока сами не спотынутся о него...

Шнауцерле еще нѣсколько времени говорилъ о своихъ приключеніяхъ, которыя были только новыми вариациями на старую тему; когда наступили сумерки, онъ удалился.

Шутовскія выходки этого человѣка вызвали въ Ефраимѣ только меланхолическое настроеніе. Онъ поставилъ стулъ на столъ, взлѣзъ туда и смотрѣлъ на усыпанное яркими звѣздами небо. Какъ разъ надъ его головой горѣлъ своимъ голубоватымъ пламенемъ Юпитеръ.

— О, эти звѣзды! — говорилъ онъ почти громко; — онѣ міры, обитаемые, какъ наша земля, и еще обширнѣе, чѣмъ она... Вонъ тамъ вра-

щаются миллионы этихъ мировъ, и наша земля ничто иное, какъ капля въ морѣ, въ которой копошится кучка червяковъ, называемыхъ человечествомъ; я поднимаюсь со звѣзды на звѣзду, изъ міра въ міръ. Держись крѣпко, духъ мой, не трепещи передъ безконечностью! Видишь, ты стоишь здѣсь и глядишь внизъ на эту ничтожную землю, гдѣ спорять и борются между собой націи и религіи, пока смерть не страхнеть ихъ оттуда, какъ листья съ дерева. Вотъ тутъ и тамъ построили они свои хижины—видишь, какъ они бѣгаютъ и хлопчутъ, какъ они веселятся, ненавидятъ и любятъ, голодаютъ и роскошничаютъ!.. Вотъ среди безчисленныхъ песчинокъ морского берега, подъ крошечнымъ камнемъ лежитъ пойманная муха... слышишь, какъ она стонетъ и негодуетъ? Этотъ камень—твоя тюрьма, а эта муха—ты самъ. Лигуй, моя душа, высоко надъ мірами, ты свободна!.. О, вѣчность, о, непредѣльная! Если бы люди познали тебя, они полубовно раздѣлили бы между собою поровну землю. Но нѣтъ, каждый изъ нихъ требуетъ всего этого пространства для одного себя... Когда же начнется жизнь, и міръ, и свобода? Смерть, ты единственный спаситель!..

На слѣдующее утро Шнауцерле повелъ его къ допросу. Уже десять дней, проведенныхъ въ заточеніи, Ефраимъ готовился къ этому. Онъ хотѣлъ рѣзко и съ достоинствомъ доказать судьѣ, что не одинъ онъ, а большинство христіанъ проживаетъ по фальшивымъ паспортамъ, такъ какъ ихъ метрическія свидѣтельства пишутся на имя Христа и т. п. Но очутившись теперь передъ судьей, онъ вдругъ ощутилъ непреодолимый страхъ и трепеть. Въ мысляхъ онъ уже сотни разъ подвергал сомнѣнью право государственныхъ властей распоряжаться судьбой всѣхъ подданныхъ, даже раціональность мирового порядка; но теперь этотъ гордый противникъ власти стоялъ смиренно и униженно, потому что въ первый разъ въ жизни находился онъ передъ судьей, въ очевидномъ противорѣчій съ государственнымъ законамъ, обвиненный въ поддѣлкѣ документа. Притомъ же Ефраима съ дѣтства пріучали смотреть на каждаго чиновника съ почтеніемъ и смиреніемъ, и даже теперь,

въ такомъ зрѣломъ возрастѣ, у него не хватало духу выступить открыто и смѣло.

Судья изготовилъ цѣлую сѣть преступленій и терзалъ ею Ефрайма; тутъ были и покушеніе на права дворянства, и обманъ, и поддѣлка документовъ и т. п. Подсудимый обнаружилъ совершенное отсутствіе твердости и бодрости: онъ сознался во всемъ, потому что жаждалъ выйти изъ тюрьмы и начать нести наказаніе; при этомъ онъ еще убѣждалъ себя въ душѣ, что можетъ и будетъ смотрѣть съ улыбкой на всѣ происки, всѣ дѣйствія этого жалкаго человѣчества. Судья, повидимому, былъ очень изумленъ этими дсбровольными признаніями.

Только въ одномъ остался Ефраймъ непоколебимымъ: онъ не выдалъ имени человѣка, изготовившаго ему фальшивый паспортъ, и настоятельно требовалъ очной ставки съ Тревирано, которому онъ былъ обязанъ этимъ доносомъ. Судья утверждалъ, что не знаетъ никого съ такимъ именемъ; Ефрайму не возвратили и его книгъ, хотя онъ молилъ объ этомъ чуть не со слезами.

Несравненно мрачнѣе и душнѣе показалось Ефрайму его уединеніе, когда послѣ допроса его снова привели въ тюрьму; онъ какъ бѣшеный бѣгалъ по ней,—но въ концѣ концовъ все-таки долженъ былъ успокоиться. Ни одной свободной мысли не могъ онъ больше найти въ своей головѣ, на душѣ у него было такъ, какъ будто вся его внутренняя жизнь прикована къ цѣпи, послѣдніе концы которой прикрѣплены къ кучѣ судебныхъ документовъ...

Однажды утромъ его снова потребовали въ допросную комнату. Тамъ на столѣ лежали ножные бандалы. Судья вошелъ и объявилъ подсудимому, что онъ обязанъ уплатить нѣсколько сотъ талеровъ и судебныя издержки и сверхъ того—въ продолженіи года тащить телѣжку; вслѣдъ за тѣмъ онъ передалъ Шнауцерле бандалы, приказавъ надѣть ихъ на преступника. Ефраймъ стоялъ съ широко-раскрытыми глазами и проводя рукою по лбу; ему казалось, что тамъ, въ головѣ, какая-то чудовищная крыса вдругъ впилась своими ядовитыми зубами въ его мозгъ. Но это длилось всего нѣсколько секундъ. Съ быстротою молніи

онъ снова началъ громко хохотать, пробудившееся сознание поставило его выше самого себя, и теперь, совершенно просвѣтленный, смотрѣлъ онъ съ этой высоты на необычайно-странныя сплетенія нитей его жизни. Передъ нимъ стоялъ человѣкъ, уже столько лѣтъ тревожно блуждавшій по свѣту, столько ночей борвшійся съ демонами и побѣждавшій ихъ—и вотъ его заковывали, какъ вора, въ кандалы! Не было ли это удивительнымъ изобрѣтеніемъ творческаго духа поэта? Онъ воображалъ себя поставленнымъ въ еще болѣе усложненныя положенія, онъ уже не понималъ, кто и что онъ такое—врачъ или больной, поэтъ или стихотвореніе; онъ не могъ рѣшить, кѣмъ онъ сдѣлался.

Судья принялъ это волненіе и этотъ хохотъ Еффраима за припадокъ помѣшательства, о которомъ онъ уже слышалъ отъ Шнауцерле. Еффраима снова отвели въ тюрьму. По его желанью ему разрѣшили письменно увѣдомить родственниковъ и близкихъ о постигнутой его судьбѣ. Шнауцерле уже до того неоднократно намекалъ ему, что всѣ люди становятся слѣпы и нѣмы, когда имъ закрываютъ золотомъ глаза и ротъ; но Еффраимъ или не понималъ, или не хотѣлъ понимать эти намеки. Теперь тюремщикъ снова обратилъ его вниманіе на то, что люди „держатъ руку сжатою въ кулакъ только до тѣхъ поръ, пока не видятъ, что другой хочетъ положить въ нее деньги; тогда рука мгновенно раскрывается“. Наконецъ Шнауцерле кинулъ всякіе обвиняки, высказался открыто и прямо, и Еффраимъ уполномочилъ его употребить все, что онъ имѣлъ, на подкупъ и т. п.; онъ просилъ только оставить ему книги и такую сумму, на которую можно было бы доѣхать на почтовыхъ до Бреслава.

Вечеромъ того же дня Шнауцерле съ торжествомъ принесъ Еффраиму паспортъ въ Бреславль; онъ сдѣлалъ расчетъ всѣмъ деньгамъ, отданнымъ его арестантомъ въ его распоряженіе, и божился, что не удержалъ собственно для себя ни гроша... Черезъ нѣсколько минутъ тюремная дверь была открыта, но Еффраимъ захотѣлъ непремѣнно провести тутъ еще одну ночь. Съ грустью оставилъ онъ на слѣдующее утро это мѣсто, два раза возвращался сюда, уже будучи на лѣстницѣ, смо-

трѣль на эти стѣны, эту мебель, на которыхъ такъ долго покоился его взглядъ, думалъ о безчисленномъ количествѣ своихъ преемниковъ, которые подобно ему будутъ томиться и мучиться здѣсь—и только теперь появились на его глазахъ слезы.

Первымъ дѣломъ Ефраима послѣ выхода изъ тюрьмы было освободить также своего товарища по заточенію, Хулицкаго... Хулицкій оказался какой-то одичавшей натурой, и когда онъ со смѣсью гордости и униженія поблагодарилъ Ефраима за выкупъ изъ тюрьмы, тотъ отвѣчалъ:

— Лучше не имѣть ничего, чѣмъ только жалкій остатокъ.

Дѣйствительно, въ Ефраимѣ была та жажда расточительности, которая овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ видитъ себя погибшимъ и въ порывѣ скорби и негодованія отбрасываетъ онъ себя всякую оставшуюся у него опору, чтобы сдѣлаться совершенно безпомощнымъ. Хулицкій хотѣлъ присоединиться къ своему освободителю, но тотъ, смѣясь, отстранилъ его.

Въ компании своихъ книгъ отправился Ефраимъ въ Бреславль. У одной рѣчки, встрѣтившейся ему по пути, онъ вышелъ изъ экипажа и долго смотрѣлъ въ это прозрачное зеркало на свои черты, которыхъ не видѣлъ уже такъ давно. Нѣсколько разъ онъ отворачивался и потомъ снова принимался смотрѣть; ему казалось, что онъ видитъ старика съ совершенно незнакомымъ ему лицомъ.

XXII.

Возвращеніе на родину.

Слишкомъ десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ефраимъ не былъ въ той хорошо знакомой ему гостинницѣ города Deutsch-Lissa, въ которомъ онъ остановился теперь по пути въ Бреславль. Здѣсь онъ написалъ письмо своимъ братьямъ, отправилъ его съ нарочнымъ и въ сильной усталости, съ тысячью мыслей, бродившихъ въ его головѣ, кинулся въ постель...

Спалъ онъ довольно долго. Стукъ въ дверь и голосъ, звавшій его по имени, разбудилъ его. Онъ вскочилъ, отворилъ—и въ ту же секунду былъ въ объятяхъ своего брата Натана. Но тутъ же, точно испуганный внезапной мыслью, отскочилъ, присѣлъ на свою кровать и стеклянными глазами смотрѣлъ на брата.

— Какъ тебя зовутъ въ настоящее время?—спросилъ онъ.

— Я твой братъ; что тебѣ за дѣло, подъ какимъ именемъ я значусь въ метрическихъ книгахъ?

— Ты вѣдь теперь тоже принадлежишь къ той компаніи, которая занимается взиманіемъ еврейской пошлины; ну, каково же тебѣ живется въ ней?

Натану пришлось употребить много деликатности и нѣжности, чтобы мало по малу привести брата къ откровенному разсказу обо всемъ, что произошло съ нимъ за это время въ его внутренней и внѣшней жизни. О всѣхъ своихъ разочарованіяхъ, огорченіяхъ, невзгодахъ Ефраимъ разсказывалъ съ холоднымъ равнодушіемъ, съ внутреннею послѣдовательностью: очевидно онъ хотѣлъ, чтобы его принимали за человѣка, который давно уже похоронилъ чувства любви и дружбы, довѣріе къ людямъ и стремленіе дѣлать людей счастливыми, и теперь проходилъ, холодный и безчувственный, мимо ихъ полуразрушенныхъ надгробныхъ камней.

— Я протягиваю къ тебѣ братскую руку, какъ нищій,—заклучилъ онъ свой разсказъ,—дай мнѣ столько платя и денегъ, сколько понадобится мнѣ до тѣхъ поръ, пока я доберусь до такъ называемыхъ дивныхъ. Тамъ я уже не буду нуждаться въ вашихъ чеканенныхъ деньгахъ и вашей чеканеной вѣрѣ. Или, быть можетъ, ты тоже такъ далеко ушелъ во своемъ христіанствѣ, что тебя оставляетъ безчувственнымъ твое несказанное страданье? Быть можетъ, ты тоже относишься со злорадствомъ и злобой къ еврею, который есть твой родной и кровный братъ?

— Ты всегда хочешь, чтобы другіе забывали, что ты еврей, а самъ никогда не забываешь этого,—рѣзко возразилъ Натанъ, и тутъ

же мягко прибавилъ:—посмотрись въ зеркало, вѣдь ты совсѣмъ боленъ; поѣдемъ со мной въ Бреславль, тамъ ты выздоровѣешь.

Почти апатически согласился Ефраимъ вернуться на родину.

— А что,—сказалъ онъ брату, сидя съ нимъ въ экипажѣ, который везъ ихъ въ Бреславль,—что если бы мы возжи дали въ руки лошадямъ, а сами впряглись бы въ коляску?

— Въ этомъ случаѣ нужны были бы возжи другого рода,—отвѣчалъ Натанъ съ улыбкой и пристально глядя на брата.

— Да, другая религія,—замѣтилъ Ефраимъ.

Онъ захотѣлъ понюхать табакъ, но открылъ табакерку крышкой внизъ и рассыпалъ табакъ. Это заставило его громко захохотать, а Натанъ снова устремилъ на него пристальный взглядъ и покачалъ головой.

Не проѣхали они еще и версты, какъ Ефраимъ вдругъ выскочилъ изъ экипажа и побѣжалъ обратно. Натанъ звалъ его, но тотъ не слушалъ и все бѣжалъ, пока не упалъ, споткнувшись о кучу камней. Братъ поспѣшилъ къ нему, поднялъ его; кровь текла у него изъ лба, острые камни разрѣзали лицо. Черезъ нѣсколько минутъ Ефраимъ снова выскочилъ изъ экипажа, но на этотъ разъ Натанъ уже не обернулся, хлопнулъ бичомъ и побѣжалъ дальше; Ефраимъ сълъ въ оврагѣ на краю дороги и со слезами смотрѣлъ вослѣдъ брату; когда экипажъ сталъ исчезать изъ глазъ, онъ побѣжалъ за нимъ, плача и крича, но Натанъ не слышалъ. Коляска тихо побѣжала въ гору, Ефраимъ напрягъ послѣднія силы и, задыхаясь, догналъ ее; братъ, не сказавъ ни слова, протянулъ ему руку и помогъ снова усѣсться.

— Моя жена очень рада твоему пріѣзду,—заговорилъ наконецъ Натанъ,—она тебя знаетъ давно. Помнишь Розу Пецгольдтъ, дочь нашего учителя чистописанія? Это и есть моя жена.

Ефраимъ закусилъ губы, вспомнивъ свою первую дѣтскую любовь.

— Я остановлюсь у нашего брата Майера,—сказалъ онъ, и послѣ небольшой паузы, съ совершенно здравымъ и свѣтымъ сознаниемъ

спросилъ:—Скажи, ты теперь чувствуешь себя совершенно *al pari* съ христіаниномъ?

— Совершенно,—отвѣчала Натанъ Фридрихъ.

— А я,—продолжалъ Ефраимъ—никакъ не могу дойти до этого; даже съ такимъ христіаниномъ, который мнѣ очень близокъ, чувствую я себя какъ бы взысканнымъ его милостью, обязаннымъ ему благодарностью и смиреннымъ почтеніемъ. Мнѣ хотѣлось бы когда нибудь подраться съ христіаниномъ. Давай, сдѣлаемъ это—вѣдь ты христіанинъ?

Натанъ снова грустно посмотрѣлъ на брата и всячески старался успокоить его.

Передъ городскими воротами стояла женщина въ траурѣ; она протянула руки къ подѣхавшимъ. Натанъ остановилъ лошадь, Файльхенъ вошла въ коляску и съ горькимъ плачемъ упала на грудь брата. Она гладила его по лицу, нѣжно смотрѣла въ глаза его... На вопросъ Ефраима, почему она въ траурѣ, Файльхенъ отвѣчала, что она уже полгода какъ овдовѣла, и тогда же вернулась на родину. Она умоляла брата поселиться у нея, говорила, что они заживутъ мирною, безмятежною жизнью, рассказывала, какъ она устроила у себя въ домѣ комнату для него, представляла въ самыхъ соблазнительныхъ краскахъ, какъ она будетъ ухаживать за нимъ, все дѣлать за него. Но Ефраимъ холодно отвѣтилъ ей:

— Лучше всего было бы, Файльхенъ, если бы ты вышла замужъ; я не хочу, чтобъ люди указывали на нашъ домъ и говорили: „Тутъ живутъ двое обанкротившихся вдовухъ“. Нѣтъ, нѣтъ... притомъ же я и не останусь здѣсь.

Проѣхавъ ворота, Ефраимъ взялъ сестру за руку и сказалъ:

— Помнишь ты еще библейскую исторію о Руфѣ? Когда благодная мать, совѣтъмъ обнищавъ, вернулась изъ странствія въ Вифлеемъ, весь городъ съ изумленьемъ смотрѣлъ на нее и спрашивалъ: „Неужели это Амороза?“ Она же отвѣчала: „Не называйте меня больше Аморозой, зовите Долорозой, ибо Господь послалъ мнѣ много горя

и мученій“. Если бы мнѣ можно было, подобно Руфи, хоть собирать колосья, стоя босикомъ на нивѣ! Я пришелъ къ вамъ нищимъ, не дайте мнѣ умереть съ голоду, мое имя Іовъ.

Всѣ замолчали.

Первая вѣсть, полученная Еффраимомъ на порогѣ его родного города, была вѣсть о смерти, уже за три года до того, его старшаго брата Майера.

XXIII.

„Страданія Вертера“.

Нѣсколько дней пролежалъ Еффраимъ въ постели и не допускалъ къ себѣ никакихъ гостей. Въ бреславльской еврейской общинѣ ходили самыя баснословныя рассказы о приключеніяхъ и теперешней наружности Еффраима; онъ подозрѣвалъ, что служить пищею для всяческихъ насмѣшекъ, и потому-то не хотѣлъ видѣть никого. Только когда ему доложили о приходѣ Филиппины, онъ улыбнулся и попросилъ ее войти. Она была все то же веселое, смѣлое и граціозное существо. Много поразказала она Еффраиму изъ случившагося за время его отсутствія какъ въ городѣ, такъ и въ ихъ собственной семьѣ; между прочимъ сообщила и о Тайбхенѣ, женѣ его брата, Хаима-Ахиллеса:

— Представь себѣ, что она одно время убѣгала отсюда съ однимъ гусарскимъ офицеромъ, красавцемъ, „настоящимъ Адонисомъ!“ Подобныя наклонности и приключенія вѣдь тоже составляютъ *nécessaire* барыни *haute volée*... Тайбхенъ училась и верхомъ ѣздить... Давала она также большіе обѣды и вечера, и „господа христіане“ бывало, какъ наѣдятся у нея досыта, начинаютъ трунить и издѣваться надъ нею. Никогда не приглашала она къ себѣ еврея, потому что, какъ она обыкновенно выражалась, — «я *responsible* за ихъ нарушенія *bon-ton*»; и «господа христіане» тоже никогда не должны были замѣчать по ея обстановкѣ и окружающимъ, что она еврейка... Да, очень жаль, что Тайбхенъ нѣтъ больше здѣсь; она очень забавляла меня, и я одна была у нея „*en faveur*“. Ея образованность я могу сравнить только

съ однимъ—если бы актриса выходила на сцену только съ одной нарумяненной щекой. Чуть не полдня проводила она, сидя совѣсьмъ одна на диванѣ, декольте и съ собачкой на волѣняхъ, упражняясь въ аристократическихъ приемахъ и движеніяхъ... Больше всего мнѣ было жаль твоего брата, добраго Хаима-Ахиллеса, которому было страшно неловко и тяжело въ знатныхъ обществахъ, гдѣ ему самому приходилось разгрызывать знатнаго барина. Только приходя ко мнѣ, онъ вздыхалъ свободно... Въ настоящее время онъ съ Тайбхенъ въ Парижѣ.

Первый выходъ Ефраима изъ дому былъ къ брату Натану. Онъ засталъ его одного, жена была въ гостяхъ. Натанъ показалъ ему съ безмятежнымъ довольствомъ мирнаго собственника свой комфортабельный домъ, садъ и т. п., познакомилъ съ сыномъ, шестилѣтнимъ мальчикомъ-красавцемъ... Гуляя по саду, Ефраимъ вдругъ остановился, топнулъ ногою и сказалъ:

— Видишь, братъ, ты стоишь здѣсь на собственной землѣ, это все неотъемлемо принадлежитъ тебѣ—а я? Я могу сказать вмѣстѣ съ Христомъ: „Мнѣ негдѣ преклонить голову“. Развѣ листь, срываемый мною съ дерева, цвѣтокъ, срываемый на лугу—мой? Хоть самый небольшой клочокъ земли хотѣлось бы мнѣ имѣть своею собственностью... Прошу тебя, Натанъ—или Фридрихъ, какъ теперь зовутъ тебя; прости, я еще не могу привыкнуть,—прошу тебя, дай мнѣ такой клочокъ, я заплачу тебѣ за него зубомъ изъ моего рта, выбирай любой между ними... Не смѣйся, я уже не дитя... а между тѣмъ, не заключается ли глубокое значеніе уже въ томъ, что дѣти такъ любятъ имѣть у себя огороженные садики?.. О, владѣть землею великое дѣло, правда?

— Ты немножко поздно пришелъ къ убѣжденію въ необходимости и пріятности обладанія землею, — возразилъ Натанъ-Фридрихъ. — Какъ тебѣ хорошо извѣстно, въ твоемъ теперешнемъ общественномъ положеніи ты не могъ бы сдѣлаться землевладѣльцемъ; но смотри на мое, какъ на свое собственное, распоряжайся имъ...

— А, я понимаю,—перебилъ Ефраимъ,—какъ еврей, я не имѣю права владѣть землею. Я позабылъ, что это солнце, свѣтящее надъ

нами—христіанское солнце, эти птицы—христіанскія птицы, эти цвѣты и трава—христіанскіе, исключительно христіанскіе...

Послышался скрипъ садовой калитки. „Моя жена!“—сказаль Нантъ. Ефраимъ вздрогнулъ: Роза не могла появиться передъ нимъ болѣе не кстати, чѣмъ именно теперь, когда въ его ухахъ еще рѣзко звучала вопіющая дисгармонія противоположностей между различными религіями.

Роза, о которой Ефраимъ слышалъ уже много хорошаго отъ Филиппины, очень привѣтливо протянула руку своему деверю. Онъ съ робостью поднялъ глаза и взглянулъ на величественную и прелестную фигуру этой женщины. Но мало по малу робость покинула его, онъ пристально всматривался въ ея черты; онъ были тѣ же, что запечатлѣлись нѣкогда въ его юношескихъ мечтахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ было въ нихъ нѣчто совсѣмъ иное... Свѣтлая привѣтливость Розы не позволила ему долго предаваться размышленіямъ. Во всемъ ея существѣ было столько разсудительнаго спокойствія и ясности, столько мудрости, что сходящійся съ нею человѣкъ чувствовалъ себя непосредственно привлекаемымъ къ ней и перенесеннымъ въ свѣтлую и чистую атмосферу.

— Странно, — сказалъ ей Ефраимъ, когда они остались наединѣ, — судьба такъ странно разлучила насъ, и вотъ теперь возвратила мнѣ васъ, какъ сестру.

— Я радостно привѣтствую васъ, какъ брата, — отвѣчала она, снова протягивая ему руку.

Ефраимъ опустилъ глаза и замолчалъ.

— Вы, какъ я слышала, — заговорила она снова, — пишете такіе чудесные стихи... Могу я васъ попросить дать мнѣ какіе нибудь изъ нихъ?

— Всѣ, если вамъ угодно.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, я не настолько нескромна, чтобы просить такъ много. Только объ одномъ прошу: дайте мнѣ слово, что никогда не напишете стиховъ на женя—ни въ похвалу, ни въ порицаніе. Если не пообѣщаете этого, то я буду бояться просто и откровенно говорить

съ вами, обращаться совѣмъ по родственному, потому что постоянно будетъ преслѣдовать меня мысль: „вотъ онъ это подхватилъ и записалъ“. Что же, даете слово?

— Если желаете, даю охотно...

Болѣзненный вопль вырвался внезапно изъ груди многихъ нѣмецкихъ юношей и дѣвушекъ: пистолетный выстрѣлъ, покончившій жизнь молодого Иерусалема *, вызвалъ сотни отголосковъ. То тутъ, то тамъ раздавались такіе же выстрѣлы, вонзался кинжалъ въ страдальческую молодую грудь—и одной душой становилось на свѣтѣ меньше.

Со слезами и нервическою дрожью поглощалъ Ефраимъ „Страданія молодого Вертера“. Онъ былъ уже въ такомъ зрѣломъ возрастѣ, такъ давно переступилъ юношескіе годы, а между тѣмъ неодолимо подчинялся обаянію этой книги. Ему казалось, что авторъ похитилъ его задушевиѣйшія мысли и чувства, все пережитое имъ—и показалъ это свѣту, только въ болѣе грандіозномъ видѣ, съ большею глубиною... Онъ гнѣвался на автора за это похищеніе, онъ говорилъ себѣ, что только онъ, онъ самъ имѣлъ право сорвать передъ свѣтомъ повязку со своихъ ранъ и или истечь кровью, или воскреснуть свѣжимъ, освобожденнымъ, увѣнчаннымъ лаврами... Но скоро онъ возвысился къ чисто-человѣческому, тутъ удвоились біенія его сердца, онъ благодарилъ творческій духъ поэта, который изъ такой дали подслушалъ, самъ почувствовалъ малѣйшія движенія его духа... И онъ все читалъ, читалъ до конца, и съ глубокимъ вздохомъ закрылъ книгу... Теперь онъ увидѣлъ своего двойника, онъ долженъ былъ умереть...

Въ саду Натана-Фридриха собралась почти вся семья. Разговоръ шелъ о бѣдномъ молодомъ офицерѣ, застрѣлившемся наканунѣ и у котораго на столѣ нашли раскрытаго „Вертера“. Отъ этого бесѣда перешла и на книгу... Всѣ присутствовавшіе высказали свои мнѣнія, одинъ Ефраимъ молчалъ. Роза подошла къ нему и дружески сказала:

* Здѣсь дѣло идетъ о самоубійствѣ, послужившемъ для Гете внѣшнимъ поводомъ къ сочиненію „Страданій молодого Вертера“.

— Отчего вы молчите? Вѣроятно считаете насъ недостойными узнать и ваше мнѣніе?

— О, нѣтъ, нисколько, — отвѣчалъ онъ съ улыбкой и потомъ заговорилъ: — Во всей этой книгѣ я вижу только послѣдніе слѣды средневѣковаго любовнаго сентиментальничанья. Праздный и эгоистическій человѣкъ ищетъ все свое счастье и всю цѣль своей жизни только въ любви, и такъ какъ одна любовь не можетъ удовлетворить его, то онъ несчастливъ, одна нога его постоянно въ воздухѣ, и онъ не знаетъ, куда поставить ее. Этотъ Вертеръ — безсильная натура, одержимая неодолимой страстью; въ немъ мы видимъ обнаруженными всѣ настроенія, мы слѣдимъ за всѣми ихъ измѣненіями, подобно тому, какъ въ легендѣ объ одной нѣмецкой царской невѣстѣ разсказывается, что можно было видѣть, какъ по ея горлу текло красное вино, которое она пила... Но если бы Вертеръ женился на Лоттѣ, онъ былъ бы еще гораздо несчастливѣе, потому что только тогда увидѣлъ бы надлежащимъ образомъ, сколько еще пустоты въ его жизни и „сколько покоится въ немъ силъ, гнѣющихся совершенно безплодно“. Вслѣдствіе того, что мы нигдѣ не можемъ развиваться свободно, нигдѣ не чувствуемъ полноты нашего бытія, — мы ищемъ себѣ спасенія въ идиаллическомъ любовномъ воркованіи и становимся, должны становиться жертвою постыднаго обмана. Въ греческой древности любовь тоже существовала, но она не высасывала всѣхъ жизненныхъ соковъ молодого человѣка; отечество, свобода, слава, публичныя совѣщанія мудрецовъ и публичное обсужденіе государственныхъ дѣлъ — все это занимало сердце и голову юноши точно также, какъ и зрѣлаго человѣка, и никто не могъ помѣшаться настолько, чтобы ради пары черныхъ или голубыхъ глазъ желать перевернуть весь міръ вверхъ ногами. Эта любовная эпидемія, которою болѣетъ большинство глуже чувствующихъ современниковъ нашихъ, есть ничто иное, какъ слѣдствіе узкой ограниченности и извращенности нашихъ житейскихъ и государственныхъ отношеній. Оттого что у насъ нѣтъ возможности нигдѣ свободно вытянуть руки, мы цѣпляемся ими за шею дѣвушки и, руководимые малодушнымъ эгоизмомъ, хотимъ найти тамъ

все то, что только можетъ дать односторонне наполненная жизнь. Повсюду происходитъ броженіе; мнѣ постоянно кажется, какъ будто міръ хочетъ выскочить изъ собственной кожи — до такой степени всёѣмъ скверно. Любовнымъ воркованіемъ ничего не добьешься; обручальныя кольца на пальцахъ мужчинъ и женщинъ ничто иное, какъ звенья большой цѣпи, къ которой приковано все человѣчество...

„Всѣмъ этимъ я хочу сказать только, что это поглощеніе своей жизни интересами одной личности или одного тѣснаго кружка—виной тому, что весь міръ держать въ клеткѣ нѣсколько человѣкъ, и сидящіе въ ней рады, когда хозяева просовываютъ къ нимъ сквозь рѣшетку кусочекъ сахару. Наступитъ когда нибудь время, когда каждый человѣкъ, свободный и непринужденный, въ равномѣрномъ развитіи всѣхъ своихъ жизненныхъ силъ, будетъ чувствовать себя существующимъ въ гармоніи великаго цѣлаго. Любовь и семейная жизнь составляютъ корень и высшую точку всего наслажденія бытіемъ; при господствѣ свободы будетъ гораздо меньше несчастно-любующихъ, потому что любовь перестанетъ уже быть *va-banque* жизни, а въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ будетъ лопаться, останется у человѣка еще достаточно путей для наслажденій и дѣятельности. Можетъ быть, и тогда будутъ люди отчаявающіеся, но какая неизмѣримая разница между самоубійствами Катона и Вертера!.. Ахъ, какъ счастливъ тотъ, кто можетъ умирать прекрасной смертью!

Ефраимъ отеръ потъ на лбу.

— Только, Бога ради, не говорите ни слова о самоубійствѣ!—воскликнула Файльхенъ;—по моему, для остающихся въ живыхъ нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ видѣть, что близкій имъ человѣкъ самъ наложилъ на себя руку. Ужъ въ смерти отъ болѣзни есть столько печальнаго, такъ что даже не хочешь и не можешь вѣрить, что этого человѣка нѣтъ уже на свѣтѣ... Но самоубійство! О, когда я объ этомъ думаю, мнѣ всегда кажется, будто у меня въ мозгу поворачиваютъ раскаленнымъ желѣзомъ.

— Вы слишкомъ разгорячились, — сказала Роза, подавая Ефраимъ

му стаканъ воды съ сахаромъ, — выпейте. Благодарю васъ, что вы были такъ добры, высказали намъ ваше мнѣніе; я понимаю, что нельзя быть сообщительнымъ со вслѣпимъ. Вы такой добрый, что, конечно, будете еще очень счастливы.

Ефраимъ, улыбаясь, принялъ отъ нея воду; Натанъ сталъ ходить по саду; Филиппина, для которой этотъ разговоръ былъ слишкомъ серьезенъ, повела рѣчь о другихъ предметахъ.

— О, малодушіе, малодушіе! — говорилъ Ефраимъ самому себѣ, когда опять остался одинъ; — подъ маской, которою я хотѣлъ обмануть другихъ, я заглядывалъ глубже въ себя и нашелъ тамъ истину; ибо это истина — что любовь преходяща, а свобода вѣчна...

Съ странною смѣсью разнообразныхъ ощущеній присоединилъ Ефраимъ „Страданія Вертера“ къ остальнымъ своимъ книгамъ.

XXIV.

Старый Холостякъ.

Въ успокоившейся послѣ всяческихъ тревоженій жизни остается еще не мало пріятностей и занятій: съ точностью знаешь состояніе термометра всякій день, слѣдишь за барометрическими измѣненіями, ждешь появленія новыхъ овощей, имѣешь точныя свѣдѣнія о томъ, сколько на твоей улицѣ строится новыхъ домовъ и какъ далеко вчера и сегодня подвинулись строительныя работы, кто вчера обѣдалъ у господина коменданта, и т. д., и т. д. Все это вещи, много способствующія препровожденію времени; а тутъ еще разныя семейныя новости, и когда при этомъ еще поправляешь племяннику его школьныя работы или спрашиваешь у него урокъ — то жалѣешь, что сутки имѣютъ всего двадцать четыре часа...

Такъ и Ефраимъ проводилъ годы въ спокойномъ однообразіи холостой жизни. Усердиѣе и серьезнѣе, чѣмъ когда либо, работалъ онъ теперь по нѣскольку часовъ въ день въ конторѣ своихъ братьевъ, потому что этимъ зарабатывалъ себѣ деньги на житье, а Файльхенъ и

Роза употребляли всѣ усилія, чтобы ему жилось безмятежно и спокойно. Много грустнаго было въ томъ признаніи, которое онъ однажды сдѣлалъ своему брату Натану-Фридриху: „Только теперь вижу я, что созданъ былъ собственно для того, чтобы мою жизнь направляли другіе; идти по уже предначертанному, опредѣленному пути—это мое дѣло... Я просыпаюсь уже вечеромъ, я проспалъ лучшее время моей жизни; хочу сказать „добраго утра“, а на дворѣ ночь.

Теперь, въ спокойномъ состояніи духа, Ефраимъ чувствовалъ многіе свои недуги и ослабленіе физическихъ силъ, и теперь, когда жизнь уже ничего не давала ему, онъ долженъ былъ прилагать самыя большія старанія для сохраненія ея. Изъ всего этого онъ, однако, создавалъ свою собственную философію и объяснилъ ее Филиппинѣ въ слѣдующихъ словахъ:

— Я снова начинаю читать жизнь по складамъ, я разлагаю слова существованія на слоги и буквы, мнѣ нѣтъ больше надобности въ дняхъ, годахъ и большихъ періодахъ; я держусь только минуты, вторая одна намъ принадлежитъ... Эта мысль—та желѣзная микстура которую я заставляю принимать мой духъ, и она дѣйствуетъ еще лучше, чѣмъ вотъ эта, изъ аптеки.

Желѣзную микстуру, прописанную ему докторомъ, онъ носилъ постоянно при себѣ и принималъ ее аккуратно въ опредѣленные часы, и когда онъ однажды пришелъ къ Филиппинѣ, она быстро сняла съ кушака висѣвшую на немъ связку ключей, „потому что,—сказала она,— я боюсь, что мой кузень-желѣзоѣдъ когда нибудь проглотитъ мои ключи“.

— Ничего я не боюсь такъ, какъ помѣшательства, —сказалъ ей однажды Ефраимъ.—Быть совершенно бессмысленнымъ существомъ—это должно быть ужасно и отвратительно! Отчего застрѣливаютъ только бѣшеныхъ собакъ, а не дѣлаютъ этого и съ помѣшанными людьми? Каждой деревнѣ и каждому городу слѣдовало бы имѣть свой инвалидный домъ, въ который поступали бы всѣ старые люди безъ различія—мужчины и женщины, богатые и бѣдные; тамъ каждый изъ нихъ могъ

бы жить и умирать сообразно своимъ потребностямъ и средствамъ, а молодые наслаждались бы жизнью весело и свободно, и никакая сухая вѣтвь не кормила бы зеленого и цвѣтущаго міра; только молодости принадлежить жизнь и свѣтъ; отчего люди не умирають, какъ цвѣты, послѣ того, какъ они отцвѣли?.. Часто, когда я остаюсь одинъ, миллионы демоническихъ мыслей врываются въ мой мозгъ, и голова моя кружится, я едва держусь на ногахъ, крикъ невольно вырывается изъ моей груди, — и тогда мой голосъ пугаетъ ихъ, и они, какъ мыши, спѣшатъ спрятаться въ своихъ норахъ. О, какъ долго и мучительно тянется ночь! Когда душа и тѣло напрасно ищутъ сна, тогда возстають передо мной привидѣнія минувшихъ дней, неосуществившихся плановъ, и все это такъ мертво и такъ живо! Я отбрасываю все прошедшее, я хочу будущаго; намѣренія, надежды, желанія появляются и привѣтствуютъ меня — и все, все погибло. Когда я лежу ночью въ постели, совершенно покойно, не шевеля ни однимъ членомъ, съ закрытыми глазами, не видя ничего — моя фантазія бродитъ далеко, далеко, тревожная, безъ цѣли... Часто уноситъ она меня на недосыгаемыя высоты, я думаю о религіи, Богѣ, смерти, и тутъ я испытываю такое ощущеніе, какъ будто голова моя вдругъ ударилась о желѣзную крышу, или я полетѣлъ въ бездонную пропасть...

И онъ продолжалъ говорить въ томъ же тонѣ. Филиппина наконецъ перебила его:

— Съ твоей стороны совсѣмъ нелюбезно говорить мнѣ такія печальныя и мрачныя вещи; ты мучишь себя и меня. — Она положила руку на лобъ своего кузена, котораго точно преобразило это прикосновеніе, и продолжала: — Я думала, что ты совершенно счастливъ и покоенъ.

— Я вѣдь все потерялъ.

— Это ровно ничего не значить, — съ улыбкой возразила она; — если бы у меня сегодня отняли одну руку, я бы завтра радовалась, глядя на другую, оставшуюся въ цѣлости; вѣдь могло же случиться такъ, что Богъ судилъ бы мнѣ и родиться съ одной рукою!.. Ахъ, если бы я могла и всѣхъ остальныхъ людей сдѣлать такими же довольными и веселыми!..

Она вдругъ схватила свою лютню и подь аккомпаниментъ ея запѣла бывшую тогда въ модѣ грустную пѣсню: „Ты выстрадалъ, выстрадалъ много!“ Но не кончивъ еще одной строфы, громко захохотала, закричала: „все это глупости!“ и весело запѣла старую пѣсню о безмятежномъ и свѣтломъ покоѣ. Эта мелодія, эти слова упали небесной росой на душу Ефраима; съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ слушалъ онъ ее и потомъ сталъ рассказывать, какъ онъ наружно ведетъ обычную жизнь стараго холостяка, въ душѣ же его постоянное волненіе и юношеская свѣжесть... Онъ заговорилъ и о своихъ стихотвореніяхъ.

— Не могу я понять, какъ это сочиняютъ стихи?— замѣтила она.

— Это я могу тебѣ пояснить примѣромъ, взятымъ изъ прошедшаго воскресенья. Утромъ я взглянулъ въ окно, вижу — проливной дождь. Въ эту минуту звонили къ обѣднѣ. Тутъ я замѣтилъ, что дочка моего сосѣда то подыметъ глаза на небо, то обдернетъ и оправитъ свое нарядное воскресное платье. Я вспомнилъ разговоръ съ Файльхенъ, которая много лѣтъ тому назадъ описывала душевное наслажденіе чело-вѣка, идущаго въ церковь къ обѣднѣ; но тутъ же почувствовалъ я зудъ насмѣшки и, перенесаясь въ настроеніе моей теперешней сосѣдки, сочинилъ эпиграмму:

«Wenn Gott doch gutes Wetter gönnte,
Dass man zu Kirche gehen könnte!
Man lebet ärger als ein Heide —
Wer sieht mich hier zu Haus'in meinem neuen Kleide?» *

... Такъ проходило время Ефраима. Большую часть свободныхъ часовъ онъ проводилъ у Файльхенъ, Розы и Филиппины. Общества мужчинъ онъ избѣгалъ и находилъ удовольствіе только здѣсь, среди женщинъ, гдѣ сносили его раздражительность, не иѣшали ему считать себя гениальнымъ чело-вѣкомъ, какъ это бывало въ годы его юности. Послѣ женщинъ болѣе всего любилъ онъ водить компанію съ незнако-мыми людьми, потому что при подобныхъ бѣглыхъ встрѣчахъ никто не

* Т. е. „Ахъ, если бы Богъ послалъ хорошую погоду, чтобъ можно было пойти въ церковь! А то живешь хуже всякаго язычника! Кто увидитъ меня здѣсь дома въ моемъ новомъ платьѣ?“

нигль ни права, ни случая проникать въ глубину его души, прикасаться тамъ къ ея странностямъ и особенностямъ. Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что близкіе люди легко вызывали въ немъ страхъ и недовѣріе, и онъ сердился на своего доктора за то, что докторъ хотѣлъ излечить его отъ этого недуга. Докторъ испугался, когда Ефраимъ припомнилъ ему однажды изреченіе талмуда: „Если бы мы знали, какіе демоны постоянно носятъ вокругъ насъ въ воздухѣ, то у насъ не было бы возможности свободно дышать, или мы сходили бы съ ума“.

Натанъ поблѣднѣлъ, когда докторъ высказалъ ему свои опасенія на счетъ Ефраима. Ефраимъ, однако, казался бодрѣе и веселѣе, чѣмъ когда либо, потому что теперь ему, точно птицелову, доставляло особенное удовольствіе — ловить вырывавшіяся у него и у другихъ остроты и другія летучія мысли. Но онъ съ грустью замѣчалъ крайнее ослабленіе своей памяти: то, что онъ хотѣлъ удержать, въ одну минуту улетало и дѣвалось Богъ знаетъ куда; это стремленіе удерживать всѣ свои и чужія умственные проявленія убивало даже его сонъ. Часто въ то время, когда онъ лежалъ въ постели съ закрытыми глазами и волшебное покрывало начинало разстилаться также надъ его умственнымъ зрѣніемъ, вдругъ въ головѣ его рождалась какая нибудь выдающаяся мысль; онъ хотѣлъ удержать ее, не нарушая физическаго покоя своего, глубоко запечатлѣвалъ въ душѣ, чтобы не позабыть, но когда снова просыпался, этой мысли не было, въ умѣ своемъ онъ не находилъ ничего. кромѣ общихъ мѣсть, кромѣ сухой вѣтки, неспособной уже зазеленѣть и зацвѣсти.

По цѣлымъ часамъ стоялъ часто Ефраимъ передъ зеркаломъ и смотрѣлъ на свое лицо. Когда однажды Филиппина спросила его о причинѣ этого занятія, онъ сказалъ:

— Видишь ли, когда я не вижу около себя никакого посторонняго предмета и разсматриваю только свое собственное изображеніе, которое отвѣчаетъ мнѣ тѣмъ же, тогда для меня наиболѣе легко отрѣшиться отъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ предметовъ и погрузиться въ самое общее и чистѣйшее бытіе; ты не можешь представить себѣ, какое высо-

кое наслажденіе—перестать быть именно этою личностью, Ефраниомъ, а быть существомъ вообще.

— Ты правъ, я не могу себѣ это представить, да и не хочу; я довольна въ моей собственной кожѣ и жду безъ всякаго нетерпѣнія ту минуту, когда начну летать по свѣту въ видѣ духа; но я тоже любительница зеркала. Для меня было бы невозможно провести цѣлый день въ комнатѣ, гдѣ нѣтъ ни одного зеркала. И это не изъ тщеславія,—нѣтъ, мнѣ просто недостаетъ чего-то: комната безъ зеркала — слѣпая. Первое, что слѣдуетъ сдѣлать, когда меблируешь комнату — повѣсить въ ней зеркало; отъ этого она дѣлается тотчасъ же обитаемою, ты говоришь себѣ: здѣсь были или есть человѣческія лица, смотрѣвшія сюда. Меня всегда сильно трогаль еврейскій похоронный обычай — занавѣшивать зеркала въ домѣ, гдѣ есть мертвецъ. Ты знаешь, отчего въ церквяхъ и синагогахъ нѣтъ зеркалъ?..

Въ этой жизни, полной лихорадочныхъ движеній и насильственного внутренняго анатомированія, бывали однако и свѣтлые моменты, въ которые Ефранимъ ясно сознавалъ гармоническое созвучіе всѣхъ своихъ жизненныхъ силъ, какъ духовныхъ, такъ и тѣлесныхъ. Въ такія минуты онъ радовался своей радости и въ душѣ подбодрялъ себя на то, чтобы еще наслаждаться жизнью. Но въ этомъ ощущеніи удовольствія отъ такого сознанія собственно и заключалось его наслажденіе, потому что въ дѣйствительности ему рѣдко удавалось то, къ чему онъ стремился и что познавалъ душою.

— Мое счастье и мое несчастье въ томъ, что я не старѣюсь, — сказалъ онъ однажды Филиппинѣ. — У другихъ людей зрѣлый возрастъ ниѣтъ свои сумерки, какъ дѣтство — свой разсвѣтъ. Я же, на мою бѣду, все продолжаю хранить въ себѣ юношескую живость. О, какъ сладокъ закатъ жизни, когда спускающаяся теплота уже не позволяетъ намъ видѣть предметы въ опредѣленныхъ очертаніяхъ! Снова безмятежно уснуть, жить беззаботною жизнью ребенка... Но я хочу умереть молодымъ.

Въ такомъ настроеніи онъ однажды написалъ стихотвореніе по поводу своего пятидесятилѣтняго дня рожденія, въ которомъ просилъ боговъ дать ему насладиться жизнью прежде, чѣмъ потухъ свѣтъ его очей. „Пусть — ,восклицалъ онъ,— улетають далеко все печали, подтачивающія нашу жизнь; пусть разносятся быстрыми вѣтрами заботы о будущемъ времени и пусть только радости и наслажденія обрываютъ меня. Мальчижь, подай мнѣ свѣжихъ розъ!“ и т. д.

Все это были, однако, одни слова; никогда не вѣнчалъ Ефраимъ розами своей головы, которую украшала изящно заплетенная косичка, и когда онъ выпивалъ стаканъ вина, его тошнило и качало; но въ нѣмецкой литературѣ то было время вакхическихъ дифирамбовъ. Въ сущности эти притязанія и возгласы Ефраима были, можетъ быть, и справедливы, но такъ какъ онъ могъ переносить ихъ въ поэзію только съ олимпийскими атрибутами, то поэзія эта оставалась вѣчно разъединенною съ его жизнью, онъ былъ не способенъ изобразить и поэтически просвѣтить непосредственное и первобытное въ его жизни; вся эта классическая искусственная поэзія ежедневно уличалась жизнью во лжи.

Поэтому часто пѣвалъ Ефраимъ свое „Прощаніе съ музами или Лебединую Пѣсню“:

„Meine Haare
Grauen schon,
Fünzig Jahre
Sind entflohn.

—
Meinen Busen,
Welch' ein Schmerz.
Fliehen Musen,
Witz und Scherz.

—
Musen! Leiden
Bracht ihr mir
Seht, wir scheiden
Für und für“ *.

* Т. е. „Мои волосы уже сѣдѣють, пятьдесятъ лѣтъ минуло. Какая скорбь въ моей груди! Бѣгутъ музы, бѣжитъ острота и шутка. Музы! Вы заставляли меня страдать, теперь мы расстаемся съ вами навсегда...“

Но давно извѣстно, что значать на самомъ дѣлѣ эти прощальныя посланія поэтовъ къ музамъ. Измѣна такому рѣшенію всегда такъ сладостна и очаровательна и можетъ считаться до такой степени однозначною съ вѣрностью, что поэтъ очень часто и охотно возвращается къ ней съ улыбкой раскаянія.

Перев. Петръ Вейнбергъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ *.

Увеличеніе платежей для взыскапія съ херсонскихъ колонистовъ долга ихъ казны.—Неосуществимость этого по крайней бѣдности колонистовъ.—Увеличеніе податей Екатеринославскихъ колонистовъ на погашеніе недоимки. — Стѣсненіе меламдовъ.—Устройство запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ.

Основываясь на данныхъ, полученныхъ по вопросу о взыскапіи съ колонистовъ увеличенныхъ платежей, департаментъ полагалъ: а) взыскапіе недоимки разсрочить на срокъ, какой, безъ крайняго обремененія, окажется возможнымъ; б) дознаться, въ какой мѣрѣ возможно было возвысить съ земледѣльцевъ окладъ на пополненіе казеннаго, по ихъ водворенію, долга и нельзя ли съ 1860 г., вмѣсто 1 р. 49⁶/₇ к. — обложить ихъ сборомъ по 2 р. съ семейства, и в) о невѣрности исчисленія комитетомъ ежегоднаго оклада сбора съ 832 семействъ по 1 р. 42⁶/₇ к. въ годъ — въ 1,104 р. 28²/₄ к., поставить «на видъ» комитету и заставить его провѣрить численность семействъ, а потомъ обложить ихъ новымъ сборомъ. Муравьевъ утвердилъ заключеніе департамента.

Комитетъ отозвался, что такъ какъ бытъ евреевъ еще не упроченъ, а взыскапіе съ нихъ платежей почти всегда сопровождалось большими затрудненіями, то онъ предпочиталъ бы «ограничиться прежнимъ размѣромъ до улучшенія матеріальнаго быта евреевъ».

Дабы избѣгнуть безцѣльнаго увеличенія недоимокъ, департаментъ находилъ логичнымъ съ херсонскихъ земледѣльцевъ взимать, съ 1860 г., прежній сборъ по 1 р. 42 к.—еще *пять лѣтъ*.

* См. „Восходъ“ кн. IX.

Что же касается екатеринославскихъ колонистовъ, необложенныхъ сборомъ по 1 р. 42 к., то департаментъ счелъ нужнымъ обложить ихъ безотлагательно, со времени минованія ихъ 4-хъ лѣтней льготы—этимъ платежомъ.

Муравьевъ, напротивъ, приказалъ: 1) въ концѣ 1860 г. сообразить объ обложеніи херсонскихъ евреевъ, съ 1861 г.—усиленнымъ сборомъ по 2 р. съ семейства на пополненіе числившагося на нихъ долга по водворенію и 2) немедленно вытребовать отъ комитета свидѣнія о томъ, какая недоимка въ сборахъ на пополненіе казеннаго долга накопилась на екатеринославскихъ поселенцахъ, вслѣдствіе несвоевременнаго обложенія ихъ этимъ сборомъ и въ какое время она можетъ быть взыскана, разложеніемъ ея на извѣстное число лѣтъ.

Комитетъ отвѣтилъ, что на поселившіеся разновременно въ Екат. г. 219 семействъ по 1861 г. начтено было недоимки 5,967 р., что эти земледѣльцы «пережили въ колоніяхъ: неурожай, падежъ скота, повальные болѣзни, цынгу, холеру и войну», а всѣ эти невзгоды не только не дали имъ укрѣпить хозяйства, но «подорвали всѣ ихъ средства и почти въ конецъ разорили ихъ», а;потому «несчастное ихъ положеніе» было причиною, что колоніальное начальство не могло своевременно обложить ихъ сборомъ на пополненіе долга по водворенію; что одновременное съ нихъ взысканіе накопившейся недоимки совмѣстно съ окладами, составлявшими по 7 р. въ годъ съ семейства — «крайне ихъ обременить», тѣмъ болѣе, что «скудные общественные доходы колоній не покрывали общественныхъ нуждъ», а дополнялись по уравнительной раскладкѣ сборомъ. По этимъ причинамъ комитетъ настаивалъ на уменьшеніи сбора на погашеніе долга съ 7 р.—на 2 р. 80 к. въ годъ съ семейства, съ разложеніемъ уплаты на 25 лѣтъ со времени истеченія даннаго имъ 5-лѣтняго льготнаго срока.

Муравьевъ, отказавъ въ ходатайствѣ комитета, предписалъ обложить; съ 1861 г., по 1 р. съ семейства въ уплату означеннаго долга, да принять мѣры къ пополненію начтенной на 218 семействъ недоимки — непременно въ теченіе оставшихся 4-хъ льготныхъ, для евреевъ, лѣтъ.

Касательно взысканія долга съ херсонскихъ поселенцевъ посредствомъ возвышеннаго обложенія ихъ съ 1861 г. по 2 р. въ

годъ,—комитетъ, по наступленіи срока, донесъ, что, судя по ихъ «матеріальному благосостоянію» и тому, что въ теченіи двухъ лѣтъ съ нихъ безнедоимочно были взысканы всѣ казенные платежи и значительныя недоимка по разнымъ сборамъ за прежніе года,—надбавка 57¹/₄ к. къ окладу на пополненіе казеннаго долга «оказывалась для нихъ не отяготительною». Муравьевъ усумнился въ правильности сужденія комитета, а спросилъ объ этомъ заключеніе новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора.

Послѣдній не встрѣтилъ препятствія къ обложенію херсонскихъ колонистовъ увеличеннымъ сборомъ до 2-хъ р. въ годъ. Между тѣмъ подати съ евреевъ-земледѣльцевъ были уже возвышены на 32 к съ души, или на 1 р. 50 к. съ семейства. Кромѣ того комитетъ, указывая на крайнее истощеніе евреевъ-земледѣльцевъ, удостоверялъ, что очищеніе ими текущихъ казенныхъ платежей достигалось лишь самыми строгими принудительными мѣрами. Сопоставляя эти факты съ мнѣніями комитета и генераль-губернатора, департаментъ отвергалъ своевременность увеличенія оклада по 57¹/₂ к., а полагалъ не измѣнять на 1862 г. оклада, съ тѣмъ однакожь, чтобы комитетъ представилъ объ этомъ министерству соотвѣтственныя соображенія въ исходѣ 1862 г. Замѣнившій Муравьева А. А. Зеленой одобрилъ это мнѣніе департамента.

Вскорѣ послѣ того обнаружилось, что департаментъ совершенно правильно возставалъ противъ увеличенія сбора, ибо комитетъ самъ же донесъ, что *«жары и засухи произвели такой неурожай, что 8 колоній едва вернули сѣмена, а въ прочихъ никакого урожая не было, сѣнокошеніе было настолько плохое, что комитетъ нашелся вынужденнымъ разрѣшить колонистамъ продать лишній скотъ, а имъ выдалъ на посылъ и продовольствіе весь запасный хлѣбъ 1569 четв., распорядился купить для нихъ сѣменнаго хлѣба на 3026 р. 84 к., да спрашивалъ еще позволенія министерства на отпускъ «бѣднѣйшихъ для заработковъ и на снабженіе ихъ паспортами безъ взысканія за нихъ пошлинь въ пользу богоугодныхъ заведеній».* Зеленой утвердилъ всѣ распоряженія комитета; предположеніе же о безошлинныхъ паспортахъ оставилъ безъ послѣдствій, и отсрочилъ увеличеніе сбора еще на годъ, въ томъ вниманіи, что бывшимъ «неурожаемъ хлѣбовъ и травъ», херсонскіе еврей-земледѣльцы очутились въ такомъ «край-

немъ положеніи, что для обезпеченія ихъ продовольствія до новаго урожая потребовалась помощь правительства, а вслѣдствіе этихъ неблагопріятныхъ причинъ они не только «не были въ состояніи безнедоимочно уплачивать дежавшіи на нихъ по водворенію долгъ въ увеличенномъ размѣрѣ, но едва-ли внесутъ своевременно и оклады текущихъ платежей».

Въ 1863 г. по засвидѣтельствованію комитета, также не представлялось возможности возвысить окладъ казеннаго долга до болѣе вѣрнаго упроченія хозяйства, *«сильно потрясеннаго неурожаемъ двухъ предшествовавшихъ годовъ»*, ибо евреи по «бѣдственному ихъ состоянію»,—не только не могли уплачивать безнедоимочно казенные платежи, но «вновь постигшіи ихъ неурожай разстроилъ ихъ до того, что они не очистили даже окладовъ первой половины года»; возвышеніе же оклада казеннаго долга могло послужить только «къ увеличенію недоимокъ, взысканіе которыхъ влекло за собою надолго разстройство хозяйства и обезсилывало матеріальные способы къ поддержанію и безъ того непрочнаго быта поселянъ». Это заявленіе подтвердилось, между прочимъ, и тѣмъ, что къ 1863 г. на херсонскихъ еврейскъ-земледѣльцахъ состояло недоимки 17,935 р. 99¹/₂ к., не взирая на то, что «продали лишній скотъ, израсходовали на довольствіе весь запасный хлѣбъ (1569 четв.), купили для нихъ хлѣба на 3026 р. 83 к. и снабдили ихъ безпроцентною, на 8 лѣтъ, ссудою—13,099 р. 37 к. изъ переселенческаго капитала». Выводъ этотъ побудилъ Зеленаго отложить вопросъ объ увеличеніи оклада сборовъ уже *«на неопредѣленное время»*.

Одесскій комитетъ, не понявъ правилъ 4 мая 1859 г. объ обученіи еврейскихъ дѣтей, устранилъ изъ еврейскихъ селеній Екатеринославской губ. всѣхъ наставниковъ, какъ не принадлежащихъ къ числу экзаменованныхъ меламадовъ. Между тѣмъ колонисты, по недостатку средствъ не въ состояніи были нанимать патентованныхъ учителей. Поэтому комитетъ просилъ министерство разрѣшить учить дѣтей временно-безпатентнымъ меламадамъ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ раввина. Министерство разъяснило: что комитету не было никакого повода воспрепятствовать обученію еврейскихъ дѣтей меламадамъ, которые по прежнему продолжали содержаться колонистами изъ своихъ скудныхъ источниковъ.

Министерство обратило вниманіе на недостатокъ въ колоніяхъ какъ помѣщенія для храненія запаснаго хлѣба, такъ и самаго запаснаго хлѣба. Съ этою цѣлю оно поручило комитету, во 1-хъ, ввести, съ 1861 г., у евреевъ-земледѣльцевъ Екатеринославской губерніи душевую въ запасъ ссыпку хлѣба, который хранился бы у надежныхъ домохозяевъ, или на чердакахъ и въ подвалахъ общественныхъ молитвенныхъ домовъ и сельскихъ управленій, а во 2-хъ, приступилъ бы къ устройству магазиновъ, въ болѣе людныхъ колоніяхъ, на счетъ оброчнаго за излишнія земли сбора (онъ достигъ до 33,975 р. 28³/₄ к.), съ тѣмъ, чтобы израсходованныя деньги возмѣстились изъ доходовъ коробочнаго сбора, мірскихъ статей и общественныхъ запасекъ. Точно также и по херсонскимъ колоніямъ, гдѣ ежегодно собирались значительныя мірскія суммы, министерство требовало, чтобы комитетъ непременно устроилъ, гдѣ было необходимо, магазины, ибо хлѣбные запасы тамъ помѣщались въ частныхъ и общественныхъ зданіяхъ, безъ ручательства за ихъ цѣлость.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, комитетъ отозвался, что въ херсонскихъ колоніяхъ запасный хлѣбъ хранился въ магазинахъ лишь 9 колоній, а въ остальныхъ—въ амбарахъ или на чердакахъ сельскихъ приказовъ; въ екатеринославскихъ же колоніяхъ никакихъ магазиновъ не было, да и ржи, для образованія запаса, не собиралось. Строить магазины комитетъ думалъ, на первый разъ, въ екатеринославскихъ колоніяхъ—семь, каждый для двухъ колоній, а впослѣдствіи для каждой колоніи отдѣльно. Въ херсонскихъ колоніяхъ онъ проектировалъ сначала выстроить пять магазиновъ, постепенно, первоначально въ болѣе людныхъ поселеніяхъ и хозяйственнымъ способомъ. Въ Екат. губ. предполагалось производить постройку на счетъ поселенческаго для устройства евреевъ-земледѣльцевъ капитала, котораго было болѣе 70,000 р.; ссуду эту комитетъ рассчитывалъ уплатить изъ доходовъ съ общественныхъ запасекъ колоній, установленіемъ особаго на это сбора, по 1 руб. съ семейства, впредь до окончанія построекъ во всѣхъ 14-ти колоніяхъ и до полного погашенія ссуды; въ Херсонской же губерніи отнести потребный на это расходъ (за исключеніемъ колоній Львовой и Ефенгара, у которыхъ не было никакихъ денежныхъ средствъ),—на счетъ мірскихъ средствъ.

Департаментъ согласился съ предположеніями комитета относительно матеріала и мѣстъ постройки магазиновъ, но счелъ нужнымъ освободить евреевъ отъ обязательной работы натурою, какъ освобождены были государственные крестьяне отъ такихъ работъ, при постройкѣ для нихъ магазиновъ. Обложение екатеринославскихъ колонистовъ особымъ сборомъ по 1 руб. съ семейства департаментъ также отвергъ, ибо министерствомъ ранѣе еще разрѣшено было средства на магазины пополнять заимообразно изъ поселенческаго капитала. Департаментъ отклонилъ также намѣреніе комитета строить магазины хозяйственнымъ способомъ.

Утвержденное Муравьевымъ мнѣніе департамента сообщено было, для исполненія, комитету, который, послѣ нѣсколькихъ на-поминаній, представилъ смѣты и планы, переданные техническо-строительной комиссіи, а по ея заключеніямъ министерство предписало комитету постепенно построить магазины вмѣстимостію:

1	на	500	четв.	въ	2704	р.	38 ³ / ₄	к.
2	»	600	»	»	2892	»	8 ³ / ₄	»
3	»	800	»	»	3028	»	66 ¹ / ₄	»
4	»	1000	»	»	2986	»	74 ³ / ₄	»
5	»	1200	»	»	3218	»	38 ¹ / ₂	»

4100 четв. въ 14830 р. 26¹/₂ к.

Для обрисовки, въ какомъ положеніи находились въ это время еврейскія колоніи, обратимся къ отчету о нихъ за 1860 годъ.

Къ 1861 году въ надѣлѣ у евреевъ было земли въ губерніяхъ: Херсонской—89,939 дес. 2164 саж. и Екатеринославской—30,484 д. 639 саж. Итого 120,424 дес. 403 саж.; мірскихъ же оброчныхъ статей было въ обѣихъ губерніяхъ 94—на 21,589 р. 83 коп.

Запасныхъ участковъ, образовавшихся изъ четвертой части земли, отведенной въ надѣлъ евреямъ при учрежденіи новыхъ колоній, къ 1860 г. состояло 21 на 4,101 р. 66 коп.

Денежные сборы и повинности евреевъ-земледѣльцевъ заключались 1) въ казенныхъ; 2) въ земскихъ; 3) въ сборѣ на пополненіе казеннаго по водворенію долга, и 4) на содержаніе колониальнаго управленія. Казенные сборы состояли изъ подушной и

оброчной подати, съ добавочными на содержаніе дорогъ и водяныхъ сообщеній съ души по 3 р. 66 к. Общій земскій сборъ по 60 к. и съ земли $1\frac{1}{2}$ к. за десятину. Сборъ на пополненіе казеннаго долга взыскивался съ евреевъ-земледѣльцевъ въ колоніяхъ стараго водворенія по 1 р. $42\frac{1}{2}$ к. съ семействъ, обязанныхъ платежомъ этого долга, а въ колоніяхъ новаго водворенія по 7 р. съ семейства. Сборъ на содержаніе управленія по 21 к. съ души, вышедшей изъ льготы. Первые три сбора поступали въ казну, а послѣдній—въ попечительства по дѣламъ еврейскихъ поселеній на ихъ содержаніе. Помянутыми сборами въ 1860 г. обложены были только еврей-земледѣльцы Херсонской губерніи, такъ какъ екатеринославскимъ земледѣльцамъ, поселеннымъ въ 1846 г. и вышедшимъ въ 1857 году изъ 10-ти лѣтней льготы, — предоставлена была еще пятилѣтняя льгота.

Въ 1860 г. по херсонскому попечительству поступило: оклада — 14,488 р. 65 к., недоимокъ 690 р. 92 к., итого 15,079 р. 57 к.; осталось въ недоимкѣ къ 1861 году 1,632 р. $40\frac{1}{2}$ к. Всѣхъ сборовъ по земскимъ повинностямъ поступило оклада — 3,863 р. $64\frac{1}{2}$ к.; недоимки 21 р. $17\frac{1}{2}$ к.; итого 3,884 р. 82 к.

Въ 1860 году ссуднаго, по водворенію, долга поступило въ селеніяхъ Херсонской губерніи: оклада — 1,104 р. 28 $\frac{1}{2}$ к. и недоимокъ 1,104 р. 28 $\frac{1}{2}$ к. Сбора на содержаніе колоніальнаго управленія поступило—1,562 р. 61 к. Общій итогъ всѣхъ поступившихъ въ 1860 году денежныхъ сборовъ съ евреевъ-земледѣльцевъ Херсонской губерніи составлялъ 21,631 р. 28 $\frac{1}{2}$ к. На ревизскую душу, вышедшую изъ льготы, по 2 р. 22 $\frac{3}{4}$ к. Общій же итогъ недоимокъ по всѣмъ сборамъ составлялъ 1,784 р. $1\frac{1}{4}$ к.; — на ревизскую душу по 23 $\frac{1}{2}$ к. На содержаніе въ Большомъ Нагарговѣ лечебницы по 15 к. съ ревизской души ожидалось въ 1860 г. 1,470 р. 22 к., а поступило 1,455 р. 67 к.

Въ 1860 году евреями-земледѣльцами Херсонской губерніи отправлены были натуральныя повинности подводами: для развѣздовъ по дѣламъ службы 1,507 на 2,925 р., для перевозки военныхъ принадлежностей—141 на 106 р. 25 к.; для арестантовъ—237 на 212 р. 75 к., итого 1,885 на 3,244 руб. Отведено было квартиръ для войскъ 1,375. Вообще исправленіе земскихъ натуральныхъ повинностей евреямъ-земледѣльцамъ Херсонской губерніи

стоило 3,247 р., противъ предшествовавшаго года менѣе на 1,268 р. 60 коп., на каждое ревизское семейство около 1 р. 29 к., а на каждую ревизскую душу 37 к.; въ колоніяхъ же Екатеринославской губерніи повинности отбывались натурою рѣдко.

Къ 1860 году состояло ревизскихъ душъ евреевъ-земледѣльцевъ въ Херсонской губерніи 8,691 мужч. и 8 241 женщ. Общее же число наличныхъ душъ къ 1861 г. оставалось 9,162 муж., 8,704 жен.

Въ екатеринославскихъ селеніяхъ къ 1861 г. состояло ревизскихъ душъ 5,119 муж., 4,733 жен. Общее же число наличныхъ душъ къ 1861 г. составляло 5,456 муж., 4,841 жен. Сверхъ того, поселенныхъ уже евреевъ, но не причисленныхъ еще въ земледѣльцы по неокончанію объ нихъ переписки считалось: 248 муж. и 205 жен. душъ.

Къ 1861 г. оставалось семействъ въ Херсонской губ. 1,778, а Екатеринославской—864, итого 2,642 семействъ; противъ предшествовавшаго года болѣе на 44 семейства; среднимъ числомъ въ каждомъ семействѣ было 5 душъ мужескаго пола.

Къ 1860 году образцовыхъ хозяевъ, нѣмецкихъ колонистовъ въ колоніяхъ считалось: херсонскихъ — 115, а екатеринославскихъ—60, итого 175; въ 1860 г. допущено къ поселенію новыхъ нѣмецкихъ колонистовъ въ херсонскихъ селеніяхъ—26, къ 1861 г. оставалось нѣмецкихъ колонистовъ: херсонскихъ — 139 и екатеринославскихъ—60, итого 199 семействъ.

Со времени учрежденія сбора для образованія капитала на устройство пріютовъ для убогихъ, увѣчныхъ и неимущихъ евреевъ-земледѣльцевъ (съ 1854 года), при выдачѣ паспортовъ и билетовъ, этого сбора къ 1860 г. было 3,250 р. 64½ к., а въ 1860 г. поступило 1,974 р. 36 к., итого 5,225 р. ½ к.

При синагогахъ и молитвенныхъ домахъ считалось въ селеніяхъ Херсонской губерніи: приходовъ 14, раввиновъ 14,—одинъ приходъ и раввинъ на 1,274 души обоего пола душъ. Обученіемъ дѣтей занимались меламды за плату отъ родителей по условію. Къ 1861 г. состояло въ херсонскихъ селеніяхъ: наставниковъ 99, учившихся 945; въ сложности приходилось—учениковъ по 1 на 9 наличныхъ мужескаго пола душъ и почти по 10-ти на одного наставника. Обученіе дѣтей въ сложности обошло родителямъ въ

8,055 р. Въ Екатеринославской губ. къ 1861 г. состояло учащихъ 145. — Въ отчетахъ говорится, между прочимъ, по этому поводу: «Умственное развитіе евреевъ стояло выше развитія окружающихъ ихъ поселянъ», но «направленіе не вполнѣ соответствовало желаемой цѣли—сдѣлать изъ нихъ хорошихъ» земледѣльцевъ: «большое вліяніе на вредное развитіе наклонностей евреевъ имѣли меламды, не освобожденные отъ фанатическихъ принциповъ, не согласныхъ часто съ правилами, требовавшимися отъ земледѣльца».

Изъ всего населенія евреевъ-земледѣльцевъ Херсонской губ. 9,162 мужскаго и 8,704 женскаго пола душъ подверглись тюремному заключенію за проступки 5-ти муж.; подсудимыхъ было на свободѣ 83 муж., 3 жен., итого 91; противъ предшествовавшаго года болѣе на 22 человѣка, а въ сложности одинъ на 196 душъ обоого пола. Изъ екатеринославскихъ 5,456 мужскаго и 4,841 женскаго пола душъ къ 1860 году было въ тюремномъ заключеніи 1, въ 1860 г. прибыло 2, изъ нихъ 1 былъ осужденъ; къ 1861 г. въ заключеніи осталось 2, — противъ предшествовавшаго года болѣе 1 чел.; а въ сложности одинъ на 5,148 обоого пола душъ. Къ 1860 г. состояло подъ опекою нерадивыхъ по хозяйству евреевъ-земледѣльцевъ Херсонской губерніи, причисленныхъ къ рабочимъ упряжамъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ сельскихъ начальниковъ — 51; въ 1860 г. прибавилось—2, а убыло по исправленіи и устройствѣ хозяйствъ — 3; осталось подъ опеками къ 1861 г. 50 челов.

Недостатки евреевъ отчеты приписываютъ «прежнимъ ихъ навыкамъ, приобретеннымъ въ мѣщанскомъ званіи и направленнымъ не къ земледѣлію, а болѣе къ мастерству, руководѣлію, ремесламъ и преимущественно къ мелочнымъ торговымъ оборотамъ», требовавшимъ, по ихъ «убѣжденію, меньшаго труда и дававшимъ больше средствъ къ жизни». Хотя, по словамъ отчета эти «понятія и глубоко вкоренены» въ евреяхъ-земледѣльцахъ,— среди нихъ были занимавшіеся ремеслами и торговыми оборотами, но на «первомъ планѣ у нихъ стояло земледѣліе», нерѣдко даже «обнаруживали желаніе приобрести познанія въ хорошей обработкѣ земли и въ улучшеніи земледѣльческихъ орудій»; самая «нравственность у нихъ выше нравственности собратьевъ, добывавшихъ пропитаніе внѣ колоній». Впрочемъ, еврей-земледѣльцы

вели вообще «жизнь трезвую, не развратную, а за мелкими их проступками мѣстное начальство бдительно слѣдило, и не оставило ни одного изъ нихъ безъ наказанія».

Питейныхъ домовъ было, въ 1860 г., въ еврейскихъ селеніяхъ губерній: Херсонской—14, — по одному заведенію на 654 души мужскаго пола, а Екатеринославской — 13, по одному заведенію на 419 душъ; употребили еврей-земледѣльцы въ 1860 году на напитки: въ Херсонской губерніи — 12,629 р., а въ Екатеринославской — 4,469 руб.

Всѣхъ селеній, въ которыхъ жили еврей-земледѣльцы, въ 1860 году состояло: въ Херсонской губерніи — 21, и въ Екатеринославской — 16, итого 37. Къ 1861 г. поселенческихъ домовъ, вмѣстѣ съ общественными было: въ селеніяхъ херсонскихъ — 2,091, въ томъ числѣ каменныхъ — 949; изъ землянаго кирпича—442, изъ жженаго кирпича—2, чамурныхъ—579; плетневыхъ—119; а въ екатеринославскихъ—696; въ томъ числѣ: изъ кирпича жженаго—11; изъ землянаго—576; чамурныхъ—70; плетневыхъ—37; деревянныхъ—2, итого 2,787.

На поляхъ еврей-земледѣльцы засѣяли хлѣба: въ Херсонской губерніи озимаго—3,043³/₄ дес. 1,999 четв., 3 чек., яроваго — 4,654 дес. 2,669 четв., 6 чек., итого 7,697³/₄ дес. 4,669 четв., 1 чек.,—противъ предшествовавшаго года менѣе: озимаго—195¹/₂ дес. 297 четв., 3 чек., яроваго — 468 дес., 355 чек., на душу мужскаго пола по 4 четверика и 4 гарнца. Отъ посѣвовъ собрано хлѣба: озимаго — 16,602 четв., 4 чек., яроваго—19,913 четв., 7 чек., итого 36,521 четв., 3 чек.,—противъ предшествовавшаго года болѣе озимаго хлѣба — 14,823 четв., 5 чек. и яроваго — 13,803 четв., 2 чек. Изъ всего урожая на каждую наличную душу обоего пола приходилось по 2 четверика и почти по 3 гарнца. Въ 1860 году на поляхъ евреевъ-земледѣльцевъ Херсонской губерніи «истреблено саранчюю» хлѣба на 185¹/₂ десятинахъ 673 четв., на 4,763 руб. Въ екатеринославскихъ колоніяхъ посѣяно хлѣба: озимаго на 349¹/₂ дес. 256 четв., яроваго 4,465 дес. 2,783 четв., 2 чек., итого 4,814¹/₂ дес. 3,039 четв., 2 чек., — противъ предшествовавшаго года болѣе на 99 десятинахъ 67 четвертей, а яроваго менѣе на 484 десятинахъ 176 четв., 6 чек. Изъ посѣяннаго хлѣба приходилось на душу почти по 4 четверика и 5 гарнцевъ.

Отъ посѣвовъ собрано хлѣба: озимаго 1,339 четв., 6 чек., яроваго 8,293 четв., 1 чек., итого 9,632 четв., 7 чек., — противъ предшествовавшаго года болѣе 1,100 четв., 6 чек. и яроваго 1,774 четв., 1 чек. Изъ всего урожая на каждую наличную обого поля душу приходилось по 7 четв., 3¹/₄ гарнца.

Урожай хлѣба въ 1860 году, какъ въ херсонскихъ, такъ и въ екатеринославскихъ селеніяхъ, вообще былъ *«удовлетворительный»*; въ особенности въ херсонскихъ селеніяхъ, гдѣ повсемѣстно родилось хлѣба почти *«самъ девять»*. Урожай въ Екатеринославской губерніи хотя и не былъ столь значителенъ, такъ какъ яровой хлѣбъ мѣстами, гдѣ не было дождей, далъ отъ 1¹/₂—3-хъ, а овимый не болѣе самъ 5; но по сравненію съ урожаемъ предшествовавшаго года, въ которомъ во многихъ мѣстахъ не возвратились даже сѣмена, считался хорошимъ. Хотя урожай 1860 года и былъ значительно лучше урожая предшествовавшихъ годовъ, но земледѣльцы, въ теченіи тѣхъ годовъ «испытали столь значительныя бѣдствія, ослабившія ихъ матеріальное благосостояніе, что этотъ годъ не могъ вознаградить ихъ потерь». Въ 1860 году собрано въ еврейскихъ колоніяхъ Херсонской губерніи сѣна 1.002,685 пудовъ, соломы 808,081 пудъ, и въ Екатеринославской губерніи сѣна 320,741 пудъ, соломы 134,162 пуда, — противъ предшествовавшаго года сборъ сѣна и соломы увеличился: въ селеніяхъ херсонскихъ—на 1.336,613 пудовъ и въ екатеринославскихъ—на 186,796 пуд. Посѣвъ озимаго хлѣба на 1861 г. евреи производили въ Херсонской губерніи на 3,005¹/₂ дес. 1,975 четв., 7 чек. и въ Екатеринославской — на 390 дес. 276 четв., итого на 3,395¹/₂ дес. 2,251 четв., 7 чек. Восходы озимаго хлѣба оказались *«вездѣ удовлетворительными»*. Среднія цѣны на хлѣбъ въ земліе мѣсяцы были: за четверть ржи.— отъ 2 р. 30 к. до 6 руб.; пшеница отъ 5 р. 25 к. до 8 р. 50 к., а овесъ 1 р. 80 к. до 3 р. 80 к.

Въ 1860 году посѣяно было картофеля колонистами: херсонскими—329 четв., 7 чек. и екатеринославскими—817 четв., итого 1,146 четв., 7 чек.,—противъ предшествовавшаго года менѣе на 316 четв., 1 чек. Собрано картофеля въ селеніяхъ: херсонскихъ 765 четв. и екатеринославскихъ 1,369 четв., итого 2,134 четв., противъ предшествовавшаго года болѣе въ селеніяхъ: херсонскихъ

289 четв., 1 чек. и менѣе въ екатеринославскихъ 272 четв. Гороху, фасоли, чечевицы и проч. посѣяно было въ 1860 году, въ селеніяхъ: херсонскихъ—50 четв., 4 чек., 3 гарн. и екатеринославскихъ—141 четв., 1 чек., итого 191 четв., 5 чек., 3 гарн.,—противъ предшествовавшаго года въ селеніяхъ обѣихъ губерній болѣе — 127 четв., 6 чек. и 5 гарн. Собрано овощей въ селеніяхъ: херсонскихъ—69 четв., 6 чек. и екатеринославскихъ—226 четв., 1 чек., итого 296 четв., 2 чек.,—противъ предшествовавшаго года по обѣимъ губерніямъ болѣе на 249 четв., 4 чек., посѣяно было льну и конопли евреями-земледѣльцами: херсонскими—25 четв., 1 чек. и екатеринославскими — 181 четв., 1 чек., 4 гарнца, итого 206 четв., 2 чек., 4 гарн.; собрано въ селеніяхъ: херсонскихъ—110 четв., екатеринославскихъ—434 четв., 5 чек., 1 гарн.,—противъ предшествовавшаго года болѣе на 217 четв. и 1 гарнецъ.

Въ 10 общественныхъ плантаціяхъ, заведенныхъ при селеніяхъ Херсонской губерніи, къ 1861 году состояло: лѣсныхъ деревьевъ 11,838, тутовыхъ — 22,610, виноградный садъ, а въ немъ 900 кустовъ. Кромѣ того въ школахъ и питомникахъ было деревьевъ: лѣсныхъ—6,099, тутовыхъ—20,620, въ садахъ, при домахъ сельскихъ начальниковъ и при домахъ земледѣльцевъ: фруктовыхъ и тутовыхъ — 20,735; лѣсныхъ — 3,943. Въ селеніяхъ Екатеринославской губерніи при домахъ и палисадникахъ было 77,020 деревьевъ.

Въ 1860 году въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской занимались хлѣбопашествомъ 8,683 мужскаго пола душъ. Въ 1860 году во всѣхъ селеніяхъ считалось:

	Херсонскихъ.			Екатеринославскихъ.		
	Число.	Противъ предшествовавшаго года		Число.	Противъ предшествовавшаго года	
		болѣе.	менѣе.		болѣе.	менѣе.
Лошадей	1925	222	—	1904	29	—
Рогатаго скота	3553	—	226	3323	1344	—
Молодаго и мелкаго скота	2398	—	1392	—	—	—
Общественныхъ жеребцовъ	6	1	—	3	—	—
Бугаевъ	28	—	3	17	—	—
Овецъ	—	—	—	1850	—	981

Въ колоніяхъ Херсонской губерніи было также гулевого рогатаго скота 2,628 штукъ (отъ 1-го до 3-хъ лѣтняго возраста), а продано было, вслѣдствіе неурожая и отсутствія корма: лошадей 239, рогатаго скота 1,003, овецъ 653, на сумму 20,718 р.; наконецъ пало 1,038 штукъ.

Отлучившимся изъ селеній для заработковъ евреямъ-земледѣльцамъ въ 1860 году выдано паспортовъ: по губерніямъ:

	Противъ предшествующаго года.	
	Число.	Мѣнѣ.
<i>Херсонской.</i>		
Годовыхъ	73	20
Полугодовыхъ	268	614
<i>Екатеринославской.</i>		
Билетовъ	907	120

Къ 1861 году оставалось капитала мірскихъ кассъ: херсонскихъ—10,308 р. 62½ к. и екатеринославскихъ—5,399 р. 97 к., итого 15,707 р. 59½ к., а общественныхъ суммъ въ колоніяхъ: херсонскихъ—8,186 р. 36 к. и екатеринославскихъ—549 р. 57 к., всего 8,735 р. 93 к.

Въ 1860 году водворено въ губерніяхъ: Херсонской—16, Екатеринославской—17 семействъ. Незначительный успѣхъ въ водвореніи произошелъ, большею частію, потому, что одни за всѣми требованіями не прибывали къ водворенію, дабы не участвовать въ работахъ по постройкѣ домовъ; а другіе, прибывъ и не видя домовъ, — отлучились неизвѣстно куда.

Къ 1860 г. капитала для переселенцевъ было на лицо: а) въ комитетѣ—22,709 р. 3¼ к. и въ долгу—27,072 р. 91½ к., въ 1860 году поступило: отъ разныхъ мѣстъ на водвореніе евреевъ 430 р. и въ возвратъ ссудъ 3,799 р. 11¼ к.

Сельскихъ начальниковъ въ еврейскихъ селеніяхъ было: херсонскихъ — 15, а екатеринославскихъ — 5; на ихъ содержаніе употреблено было изъ оброчныхъ суммъ 4,453 р. 86¼ к.

Всѣхъ должностныхъ лицъ по сельскимъ приказамъ состояло къ 1860 г. 49, а къ 1861 году—53. Въ сельскихъ приказахъ состояло писарей: изъ евреевъ-земледѣльцевъ—18, изъ другихъ сословій — 3. На содержаніе должностныхъ лицъ и писарей сель-

скихъ приказовъ херсонскихъ и екатеринославскихъ колоній было израсходовано 6,666 р. 10 к.

Въ заключеніе отчета, Гаммъ между прочимъ заявилъ, что казенныя подати и другіе сборы за 1860 годъ поступили не только за тотъ годъ, но еще и въ счетъ недоимки, числившейся на еврейхъ-земледѣльцахъ Херсонской губерніи; что продовольственный капиталъ противъ предшествовавшаго года увеличился до 3,559 руб. 20 коп.; что обороты вспомогательныхъ кассъ принесли пользу еврейамъ-земледѣльцамъ и наконецъ, что домо-строительство въ селеніяхъ съ году на годъ «улучшалось, а постройка переселенцами новыхъ домовъ изъ камня и жженого кирпича, вмѣсто ветхихъ чамурныхъ и плетневыхъ, свидѣтельствовала, что евреи чувствовали потребность въ прочной осѣдлости», а это давало право надѣяться, что «привыкнувъ къ полевымъ работамъ, они сами помогутъ сдѣлать изъ нихъ хорошихъ земледѣльцевъ».

В. Никитинъ.

(Продолженіе будетъ).

ПРОРОКИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭТЮДЪ ЭДУАРДА РЕЙССА.

Предлагаемый читателямъ этюдъ представляетъ собственно введеніе къ книгамъ Пророковъ въ знаменитомъ переводѣ Библии страсбургскаго профессора Рейсса.

Трудъ Рейсса, сдѣлавшійся классическимъ и всемірно-извѣстнымъ, представляетъ одно изъ тѣхъ колоссальныхъ умственныхъ созданій, которымъ по истинѣ можетъ гордиться нашъ вѣкъ. Не даромъ авторъ посвятилъ ему всю свою славную трудовую жизнь*.

Въ немъ, можно сказать, Библия нашла, наконецъ, истинно-достойнаго истолкователя.

Дать міру хорошій научный переводъ, чистый отъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ, есть уже несомнѣнно великая заслуга. Правда, существуютъ превосходные переводы, сдѣланные Мендельсономъ, Мюрстомъ, Когеномъ и т. д. Но то обстоятельство, что эти переводы сдѣланы евреями, лишало ихъ авторитета въ глазахъ не-евреевъ. Рейссъ же не только далъ настоящій переводъ Библии, сдѣланный по еврейскимъ текстамъ, а сдѣлалъ

* Великому протестантскому экзегету теперь восемьдесятъ одинъ годъ (онъ родился 18-го іюля 1804 г.), и, не смотря на это бремя лѣтъ, онъ продолжаетъ свою литературную и профессорскую дѣятельность, начатую болѣе полувѣка тому назадъ. Въ молодости онъ былъ ученикомъ Гегауза въ Галле и Сильвестра де-Соси въ Парижѣ; потомъ онъ самъ становится основателемъ величайшей современной экзегетической школы и первымъ европейскимъ авторитетомъ въ рациональной теологической наукѣ, передъ которымъ преклоняются такіа сѣтила какъ Ренанъ, Кюленъ, Альбертъ Ревиль, Вельгаузенъ и т. д.

еще нѣчто гораздо большее, до сихъ поръ невиданное. Онъ расположилъ содержащіяся въ Библии литературныя произведенія въ хронологическомъ порядкѣ, соединилъ между собою тѣ, которыя носятъ одинъ и тотъ же характеръ, старался опредѣлить авторовъ каждаго изъ нихъ, тщательно отдѣляя и разъединяя тѣ труды, которые почему-то были соединены вмѣстѣ и приписывались одному и тому же лицу.

Для того, чтобы читатель могъ хоть сколько нибудь судить о грандіозности задачи, достаточно будетъ дать подробное содержаніе великаго труда Рейсса.

Вся Библия *) у него раздѣлена на семь частей. Первая часть—*Исторія евреевъ отъ завоеванія Палестины до изгнанія.*

Сюда входятъ: Судьи, книги Самуила и книга Царей. Тексту предшествуетъ превосходный очеркъ древней исторіи еврейскаго народа (pp. 3—81) и обширное критическое введеніе (pp. 85—148).

Кромѣ того самъ текстъ тутъ, какъ и во всѣхъ прочихъ книгахъ, снабженъ множествомъ объяснительныхъ примѣчаній филологическаго, историческаго и историко культурнаго характера.

Вторая часть—*Пророки*, въ двухъ томахъ. Кромѣ обширнаго общаго введенія ко всѣмъ Пророкамъ, переводъ котораго мы представляемъ здѣсь читателю, всѣ отдѣльныя творенія снабжены также критическими введеніями, опредѣляющими ихъ эпоху, ихъ литературный характеръ, дающія ихъ оцѣнку и т. д.

Третья часть—*Священная Исторія и Законъ*, два тома, изъ которыхъ добрая половина перваго тома (pp. 1—271) занята обширнѣйшимъ введеніемъ необычайнаго интереса, въ которомъ изложена, помимо критическихъ взглядовъ автора, и исторія рациональной критики вообще. Эта часть обнимаетъ Пятикнижіе и книгу Іошуа.

*) La Bible nouvellement traduite sur les textes originaux avec une introduction a chaque livre des notes explicatives sur l'ancien testament et un commentaire complet sur le nouveau testament. Paris. Librairie Sandoz et Fehbaber, 1874—1881. Сюда такимъ образомъ входитъ и новый Заветъ, котораго касаться мы не станемъ.

Четвертая часть. *Священная летопись Иерусалима*, куда входят хроники или Пароломононь.

Пятая часть—*Лирическая поэзія*, куда входят Псалмы и Элегіи или Плачь Іерміагу. Тексту предшествуетъ прекрасное изслѣдованіе о древнееврейской поэзіи. Какъ дополненіе къ лирической поэзіи является отдѣльно изданная Пѣснь Пѣсней.

Шестая часть — *Религіозная и нравственная часть философіи евреевъ*. Сюда входят книга Іова, которой предшествуетъ удивительное введеніе, Изрѣченія Соломона, Экклезіастъ, Экклезіастикъ (книга Бенъ-Сираса), Мудрость Соломона Іоне, Товій-Сузанна, Исторія пажей царя Дарія, книга Баруха и наконецъ молитва Малаши—все, исключая первыхъ трехъ и Іоне, книги апокрифическія.

Наконецъ седьмая часть—*Литература политическая и полемиическая*. Сюда входят: Руѣ, книги Маккавеевъ, Эсфирь, книга Даниила, Юдиѣ, Исторія Бела и Змѣя и письмо Іерміагу.

Все это вмѣстѣ составляетъ десять томовъ, не считая отдѣльнаго введенія, предшествующаго всему изданію. Если къ этому прибавить восемь томовъ, посвященныхъ Новому Заѣту—то читатель пойметъ, что называя этотъ трудъ колоссальнымъ, я нисколько не преувеличивалъ. Это по истинѣ цѣлая энциклопедія теологической науки, неисчерпаемый источникъ для самыхъ требовательныхъ ученыхъ.

Предлагаемый этюдъ великаго протестантскаго экзегета покажетъ многимъ, сколько глубокаго интереса для исторіи культуры и развитія человѣческихъ идей представляетъ серьезное изученіе нашихъ великихъ литературныхъ памятниковъ, по своимъ литературнымъ достоинствамъ, по своей глубокой поэзіи могущихъ соперничать съ лучшими классическими произведеніями древности и далеко превосходящими ихъ въ томъ, что касается величія ихъ нравственныхъ идеаловъ *. Не надо

* Мы должны прибавить, говоритъ Рейссъ (*Poesie Epique etc.* pp. 14—15), что лирическая поэзія евреевъ, которая впрочемъ, какою мы ее знаемъ теперь, имѣетъ мало точекъ соприкосновенія съ поэзією Грековъ, Римлянъ и даже Арабовъ, имѣетъ право на первое мѣсто среди всѣхъ названныхъ по возвышенности идей и благородству чувствъ.

забывать при этомъ, что библія и Апокрифы составляютъ часть нашей великой древней литературы, большинство произведеній которой безвозвратно погибло.

I.

Книги пророковъ составляютъ, съ точки зрѣнія новѣйшей науки, самую важную часть еврейской литературы. Другіе народы имѣли своихъ законодателей, своихъ поэтовъ, своихъ историковъ, точно также, какъ и евреи; и если, вслѣдствіе мотивовъ, о которыхъ мы не имѣемъ надобности распространяться здѣсь, священному кодексу евреевъ придаютъ самую большую важность, то тѣмъ не менѣе аналогія между соответствующими родами произведеній другихъ народовъ очень значительна и легко замѣчается. Но нельзя сказать того же относительно литературныхъ памятниковъ, изученію которыхъ посвящена настоящая книга. Здѣсь разница радикальна, или, лучше сказать, гений другихъ народовъ, даже наиболѣе благопріятствуемыхъ въ этомъ отношеніи, не произвелъ ничего, что могло бы выдержать сравненіе съ произведеніями еврейскихъ пророковъ, если даже, оставивъ въ сторонѣ ихъ религіозную тенденцію, мы станемъ ихъ оцѣнивать единственно съ точки зрѣнія эстетической. Правда, что даже для самого еврейскаго народа законъ * *преимуществуетъ* передъ пророками, и послѣдствіи сдѣлался основой всей національной жизни. Книги пророковъ занимаютъ тамъ только второе мѣсто и ихъ роль въ сохраненіи и развитіи еврейскаго народа не очень значительна. Но для тѣхъ, кто изучалъ ходъ исторіи, освѣтивъ ее свѣтомъ критики, понятіе о роли этихъ двухъ агентовъ совершенно измѣняется. Пророки являются для нихъ истинными создателями еврейской національности, разсматриваемой съ точки зрѣнія того, что ей дало такое высокое мѣсто среди народовъ, давшихъ направленіе судьбамъ человѣчества, между тѣмъ, какъ законъ уже сослужилъ свою службу, и не распространилъ своего дѣйствія дальше границъ того узкаго круга, гдѣ онъ зародился.

* Въ собирательномъ смыслѣ, или, лучше сказать—Пятикнижіе. Пер.

Но для того, чтобы книга, которую мы предлагаемъ читателямъ, была хорошо понята и оцѣнена по своему истинному достоинству, необходимо прежде всего стараться установить вѣрное понятіе о пророчествѣ. Ибо относительно этого предмета существуютъ народные и традиціонные предрасудки, противъ которыхъ трудно устоять даже самимъ ученымъ. Кромѣ того, пророчество имѣетъ свою исторію. Оно не всегда было однимъ и тѣмъ же; оно прошло черезъ различные фазисы, изъ которыхъ намъ вполнѣ извѣстны только самые послѣдніе. Оно существовало много вѣковъ, не оставивъ ясныхъ слѣдовъ, исключая немного смутныхъ воспоминаній, сохраненныхъ преданіемъ. Только позже пророчество въ литературномъ творествѣ нашло вѣрное средство—сохранить о себѣ точныя воспоминанія и передать потомству сокровище своихъ идей и своихъ принциповъ. Мы можемъ считать для себя неоцѣнимымъ счастьемъ то обстоятельство, что произведенія этихъ мощныхъ пионеровъ религіозной и нравственной культуры Израиля дошли до насъ, если не цѣликомъ, то по крайней мѣрѣ въ столь большомъ количествѣ и почти въ непрерывной серіи. Можно сказать, что это — почти самые древніе памятники, какіе мы имѣемъ по древне-еврейской литературѣ; они особенно принадлежать къ тѣмъ литературнымъ памятникамъ, которыхъ достоверность можетъ быть очень легко установлена и принята съ большимъ довѣріемъ, исключая нѣкоторыхъ незначительныхъ изъятій относительно того или другого элемента. Наконецъ, въ общемъ можно сказать, что это единственные документы современныхъ имъ событій, по которымъ еще можно справляться. Тѣмъ болѣе необходимо дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое были эти авторы, и узнать, каково было ихъ положеніе среди ихъ современниковъ, кака была у нихъ цѣль, какими способами дѣйствія они располагали, каковъ былъ источникъ и характеръ ихъ ученія и какимъ могъ быть результатъ ихъ вѣковаго труда.

Прежде, чѣмъ приступить къ нашимъ изслѣдованіямъ, мы просимъ нашихъ читателей отказаться (если въ этомъ еще есть надобность) отъ общепринятаго мнѣнія, которое представляетъ себѣ пророковъ людьми, имѣвшими будто бы свою главную

миссією — предсказывать будущность. Это мнѣніе можетъ буквально опираться на томъ, что перспектива позднѣйшихъ судьбъ Израиля положительно составляла предметъ ихъ заботъ. Но въ основѣ оно главнымъ образомъ вытекаетъ изъ невѣрнаго толкованія ихъ писаній, и особенно изъ общепринятаго термина, которыми ихъ обозначаютъ. Дѣйствительно, на общепотребительномъ языкѣ, пророкомъ называютъ того, который будто бы предсказываетъ то, что случится, все равно — идетъ ли просто дѣло о результатѣ извѣстныхъ, насущныхъ данныхъ, или же о случайныхъ, наугадъ сдѣланныхъ предположеніяхъ. Ложнымъ пророкомъ будетъ тотъ, котораго предсказанія не осуществятся. Мы скоро увидимъ, насколько это опредѣленіе далеко отъ истины и особенно — насколько оно ниже истиннаго достоинства еврейскаго пророчества.

Пророчество у еврейскаго народа гораздо древнѣе дошедшей къ намъ пророческой литературы. Эта послѣдняя есть только самое прекрасное его выраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ самое достовѣрное, и предполагаетъ цѣлый рядъ фактовъ, опытовъ и трудовъ, которые очень важно знать для того, чтобъ понять этотъ единственный въ своемъ родѣ литературный сборникъ. Наше изученіе исторіи еврейскаго народа привело насъ къ взгляду, что пророчество столь же древне, какъ и самъ народъ. Ибо для насъ этотъ послѣдній существуетъ только со времени выселенія изъ Египта; только въ эту эпоху онъ, такъ сказать рождается, и мы не знаемъ рѣшительно ничего положительнаго относительно предшествовавшей его судьбы. Рассказы книги Бытія касаются отдѣльныхъ только личностей, и между прочимъ относятся къ эпохѣ до того отдаленной отъ той, о которой мы говоримъ, что не остается никакой возможности для какихъ либо хронологическихъ вычисленій. Эта же эмиграція изъ Египта, первенствующее событіе еврейской исторіи, была направляема пророкомъ, человѣкомъ ясно обозначеннымъ этимъ именемъ * и которому его преемники не могли дать болѣе блестящаго доказательства своего благоговѣнія, какъ наградивъ его титуломъ, носить который считали честью для са-

* Осеа, XII, 14. Второзак. XVIII, 15, XXXIV, 10. Иерем. VII, 25, XV, 1.

михъ себя. Моисей былъ первымъ пророкомъ, и постоянная, неизмѣняемая традиція благодарнаго потомства его прославляла какъ такового; или, другими словами, онъ для Израиля былъ первымъ творцомъ религіи истиннаго Бога, Творца міра, справедливаго и святаго. Ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что прежде это еще не было религіею его народа, который и позже съ трудомъ воспринялъ ее вполне. Необходимы были усилія двадцати поколѣній пророковъ, чтобы привить чистый спиритуалистическій принципъ монотеизма народу, прежде погруженному въ варварство номадной жизни, и съ большою трудностью развивавшемуся помощью земледѣлія и лучшей соціальной организаціи. Свидѣтельства самыя неоспоримыя доказываютъ существованіе у древнихъ евреевъ политеизма какъ въ Египтѣ, такъ и въ теченіе всего періода, предшествовавшаго завоеванію Палестины *. Что же касается послѣдовавшихъ вѣковъ, то нѣтъ почти страницы, какъ въ книгѣ Судей и лѣтописяхъ Царей, такъ особенно въ писаніяхъ самихъ пророковъ, которая не повторяла бы той же жалобы съ выраженіемъ негодованія или отчаянія. Грубое суевѣріе прибѣгало къ всякаго рода гадателямъ ** и отдавало себя покровительству домашнихъ идоловъ ***. Оно дошло до такого помраченія, что старалось умиротворить божество, или же выражало ему благодарность или свое благоговѣніе человѣческими жертвоприношеніями †.

И даже тогда, когда привязанность къ національному богу изгоняетъ культъ чужестранныхъ боговъ, могущество его считается нераспространяющимся дальше границъ территоріи †*, и массы, не исключая и ихъ главъ, еще нуждались въ видимыхъ олицетвореніяхъ для поддерживанія своей вѣры. Эти олицетворенія или символы, избранные преимущественно въ животномъ

* Амось V, 26. Иос. XXIV, 14, 23. Іезек. XVI; XX; XXIII. Второз. IV 17 и слѣд.; XVI, 21 и слѣд. XVII, 3 и т. д.

** Второзак. XVIII, 10 и слѣд. 1 кн. Самуэля XXVIII. Эзра VIII, 19, 2. 2 кн. Ц. XXI, 6. Мих. III, 6 и слѣд.; V, 11. Іер. XXVII, и т. д.

*** Бытіе XXXI, 19. 1 кн. Сам. XIX, 13. Суд. XVII и слѣд. Ошеа III, 21. Зах. X, 2 и т. д.

† Суд. XI, 31 и слѣд. 2 кн. Сам. XXI. 1 кн. Сам. XV, 33. III кн. Моис. XVIII, 21; XX, 2. 2 кн. Ц. XXIII, 10. Іер. XXXII, 35. Мих. VI, 7 и т. д.

†* 1 кн. Сам. XXVI, 19.

царствъ *, служили скорѣе къ затуманиванію умовъ, чѣмъ для направленія ихъ, такъ какъ масса не могла понять ихъ значенія.

Намъ еще представится случай въ другомъ мѣстѣ поговорить подробно по поводу древнихъ вѣрованій евреевъ; насколько они были независимы отъ ученія пророковъ. Въ настоящую же минуту мы ограничимся важнымъ замѣчаніемъ о томъ, что, не смотря на упорное существованіе политеизма, идолопоклонства, суевѣрія и всѣхъ пороковъ и безумій, явившихся ихъ послѣдствіемъ, истины, которыя проповѣдывалъ раньше Моисей, не затерялись уже больше. Онѣ оставались священнымъ убѣжищемъ для все возрастающаго числа людей, которые посвятили себя ихъ служенію, и непрерывный преемственный рядъ которыхъ обезпечилъ ихъ сохраненіе. Онѣ, правда, проникли въ массу медленно, съ большими колебаніями, но тѣмъ не менѣе завоевывая себѣ все больше и больше пространства. Онѣ сдѣлались девизомъ одной части, и до того твердо вкоренились въ умахъ избранниковъ народа, что въ концѣ сдѣлались достаточно могущественными, чтобы дать этимъ послѣднимъ силы пережить страшныя катастрофы, которыя безъ того стерли бы ихъ навѣки. Мы только что высказали мнѣніе, что серія пророковъ была непрерывна, что Моисей долженъ былъ имѣть непосредственныхъ преемниковъ. Это предположеніе, пожалуй, могутъ найти слишкомъ рискованнымъ. Мы согласимся, что въ повѣствованіяхъ, относящихся къ первымъ вѣкамъ послѣ завоеванія, рѣдко говорится о пророкахъ, и если одинъ или два раза о нихъ упоминается **, то это крайне неясно, такъ что нельзя даже сказать, чтобъ тутъ обнаружилось точное воспоминаніе, тѣмъ болѣе, что даже нѣтъ собственныхъ именъ. Принимая во вниманіе разстояніе, отдѣляющее эти факты отъ эпохи редактированія книгъ, о нихъ рассказывающихъ, нѣкоторые даже склонны были видѣть въ нихъ скорѣе отраженіе теоретическаго понятія, или примѣненіе новѣйшихъ взглядовъ

* Исх. XXXII, Суд. VIII, 27. Числа XXI, 8. 1 кн. Ц. XII, 28. 2 кн. Ц. XVIII, 4 и т. д.

** Суд. VI, 8. 1 Сам. II, 27.

къ исторической эпохѣ, относительно которой положительныя свѣдѣнія были не особенно изобильны. Какъ бы тамъ ни было, не слѣдуетъ однако доводить слишкомъ далеко скептицизмъ въ этомъ отношеніи. Если историки сами признаютъ, что въ тѣ времена слово Іеговы раздавалось рѣдко *, т. е. что истинные пророки были немногочисленны, они знаютъ однако, что эти послѣдніе на популярномъ языкѣ обозначались именемъ, вышедшемъ впослѣдствіи изъ употребленія, и къ которому мы еще возвратимся **. Частое упоминаніе объ оракулахъ и всякаго рода предсказываніяхъ, которые даже въ эпоху, стоявшую гораздо выше по отношенію развитія религиозныхъ идей, считались въ порядкѣ вещей, уже одно достаточно намъ можетъ показать, что и пророчество въ своихъ благородныхъ формахъ не отсутствовало у людей прежнихъ поколѣній, которыя бы пожелали получать поученія болѣе высокаго характера, чѣмъ тѣ, какія могутъ дать человѣческое благоразуміе и ежедневный опытъ.

Мы, однако, не будемъ имѣть надобности держаться однихъ общихъ разсужденій. Исторія этихъ отдаленныхъ временъ сохранила воспоминаніе по крайней мѣрѣ хоть объ одной личности, которой фізіономія достаточно обрисована, чтобы мы могли ее воспроизвести здѣсь. Это пророчица Дебора, эта женщина-эфраимитка, извѣстная во всей странѣ своею мудростью, къ которой приходили за совѣтами изъ близкихъ и далекихъ мѣстностей, во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, какъ позже къ Самуилу †, и которая, въ моментъ грозившей всей націи опасности, сумѣла вдохновить смѣлостью населеніе и скрѣпить для общаго дѣла тѣсный союзъ разслабленныхъ раздѣленіемъ колѣнъ. Еще долго послѣ того указывали, между Рамою и Бесъ-Эль, на старую пальму, подъ которой она обыкновенно сиѣла, когда вокругъ нея тѣснились толпы народныя, и древняя побѣдная пѣснь †*, увѣковѣчившая блескъ ея славы, вмѣстѣ съ тѣмъ по-

* 1 Сам. III, 1.

** 1 Сам. IX, 9.

*** 1 Сам. XXII, 15; XXIII, 2 и слѣд.; XXX, 7, 2. 2 Сам. II, 7; V, 19, 23.

† Суд. IV, 4; сравн. 1 Сам. VII, 15.

†* Суд. 5.

казываетъ намъ, что восторженное религіозное чувство, этотъ характеристическій признакъ пророчества, воодушевляло тѣхъ, которыхъ эта женщина вела въ бой.

Если въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за завоеваніемъ, мы встрѣчаемъ только отдѣльные или слишкомъ смутные факты, для того, чтобы мы могли съ увѣренностью говорить о непрерывности цѣпи пророковъ среди еврейскаго народа, за то мы съ увѣренностью можемъ это утверждать относительно конца періода судей. Нѣкоторые даже видѣли возможность выводить начало пророчества, на сколько его можно было разсматривать какъ учрежденіе постоянное, отъ великой личности, стоящей у начала новой фазы исторіи народа *. Мы хотимъ говорить о Самуилѣ. Этотъ человѣкъ безъ официальныхъ функцій, не будучи ни жрецомъ, ни судьей, несомнѣнно еще во время своей жизни оказывалъ огромное вліяніе на свою среду, такъ какъ позже двѣ спорившія между собою династіи ссылались на него, чтобы установить свое право на царство. А между тѣмъ мы очень мало знаемъ о немъ, о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могли ему дать такой авторитетъ, чисто нравственный, которымъ онъ пользовался въ теченіи всей своей жизни, какъ и ничего не знаемъ о томъ, какъ велика была сфера, на которую распространялось его вліяніе. Нѣкоторые данныя, сохраненныя относительно этого вопроса преданіемъ **, указываютъ на положеніе, аналогичное съ тѣмъ, какое занимала Дебора. Мы видимъ его обходящимъ различныя мѣстности, окружающія его резиденцію; видимъ, какъ онъ судить между тѣми, которые обращаются къ нему въ своихъ спорныхъ частныхъ дѣлахъ; какъ онъ проповѣдуетъ противъ политеизма, и какъ онъ, когда это нужно, освящаетъ религіозными церемоніями борьбу народа въ войнахъ противъ филистимлянъ. Но если бы мы не имѣли ничего, кромѣ этихъ данныхъ, мы бы не осмѣлились требовать для Самуила славу второго Моисея, славу второго основателя этой системы идеаль-

* Дѣян. Ап. III, 24.

** Сам. III, 19 и слѣд.; VII, 15 и слѣд.

ной теократіи *, которой, правда, не удалось сдѣлаться основной политической организаціи, но которая тѣмъ не менѣе кончила тѣмъ, что дала еврейскому народу его могущественную жизненность и обезпечила за нимъ привилегированное мѣсто въ исторіи человѣчества.

Но въ нашихъ библейскихъ текстахъ, по поводу Самуила мы находимъ одинъ фактъ, гораздо болѣе важный, чѣмъ все то, о чемъ мы говорили немного выше. Онъ образовалъ учениковъ, не случайно, не въ томъ смыслѣ, что тотъ или другой усвоилъ себѣ его методу, его принципы, но создавъ то, что условлено называть школою. На самомъ дѣлѣ, въ разсказахъ, его касающихся **, часто говорится о сборищахъ лицъ, называемыхъ пророками, которыя занимали отдѣльные дома или палатки по сосѣдству съ нимъ около Рамы, и которыя, подъ его руководствомъ, предавались разнымъ занятіямъ или упражненіямъ, сопровождавшимъ обыкновенно проявленіе пророчества. Эти данныя, правда, недостаточны для того, чтобы дать намъ понятіе о характерѣ этого учрежденія. Но такъ какъ больше чѣмъ въ одномъ отношеніи они могутъ быть дополнены другими, болѣе богатыми, относящимися къ пророкамъ Эліи и Элишѣ ***, то мы не рискуемъ впасть въ ошибку, если скажемъ, что въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ вѣковъ, въ различныхъ мѣстностяхъ, входившихъ въ составъ территоріи эфраимитовъ и беніаменитовъ, въ Бесъ-Эль, Гилгалѣ, Гибеа, Іерео, должны были существовать общества людей, жившихъ подъ руководствомъ выдающагося учителя временно или постоянно. Лѣтописцы, которые въ настоящее время составляютъ единственные наши источники для знакомства съ этими фактами, довольно скупы въ подробностяхъ, и, по всей вѣроятности, эти общества не пережили частыхъ катастрофъ, которыя разрушили царство Эфраимское. Между тѣмъ до извѣстной степени можно надѣяться соединить

* Ниже читатель увидитъ, что Рейссъ это слово принимаетъ совсѣмъ не въ общепринятомъ теперь смыслѣ. Перев.

** 1 Сам. X, 15; XIX, 19 и слѣд.

*** 2 кн. Ц. II, IV; VI, IX и т. д.

между собою разбросанныя во многихъ мѣстахъ данныя, достаточныя для удовлетворенія законнаго и не слишкомъ требовательнаго любопытства. Если хорошо разобрать всѣ эти данныя, то мы легко увидимъ, что это учрежденіе не имѣетъ ничего общаго съ какими бы то ни было аскетическими тенденціями, подобно восточному или христіанскому монашеству. Мы знаемъ самымъ положительнымъ образомъ, что пророки имѣли женъ, точно также, какъ и ихъ ученики *, такъ что нѣтъ возможности предполагать существованіе большихъ учреждений, имѣвшихъ своимъ назначеніемъ соединить въ себѣ извѣстное число лицъ, которыя бы составляли одну семью.

Можно привести доказательство совсѣмъ противнаго даже для эпохи, когда эти пророческія общества кажутся самыми цвѣтущими **. Мы, однако, полагаемъ, что названіе школъ не безъ основанія имъ присвоено. Члены этихъ обществъ въ книгахъ Царей обозначаются терминомъ *сыновей* пророковъ ***, что указываетъ на подчиненное состояніе, и это особенно подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что учителя привѣтствовали именемъ отца †. Въ другомъ мѣстѣ мы присутствуемъ при одной сценѣ, гдѣ Самуиль, поставленный во главѣ извѣстнаго числа пророковъ, которые *пророчествовали*, очевидно направляетъ ихъ упражненія †*. Вопросъ только состоитъ въ томъ, чтобы знать, въ чемъ именно эти послѣднія состояли. Употребляя немного выше слово *пророчествовать*, мы только буквально привели общепринятый переводъ цитированнаго мѣста; но оно вовсе не передаетъ смысла оригинала, который въ данномъ мѣстѣ говоритъ очевидно не о произнесенныхъ рѣчахъ, а о музыкѣ †**. Это, однако, не значитъ, что музыка была единственнымъ, даже главнымъ занятіемъ, которому предавались пророки; это намъ только напоминаетъ, что она или соединялась съ рѣчью, или же предшествовала ей, какъ для того, чтобы привести слушателей

* 1 Сам. VIII. Кн. Ц. XIII, 11 и слѣд.; XVI, 2. 2 к. Ц. IV. 1 и т. д.

** 2 кн. Ц. IV, 1.

*** Сравн. Амосъ VII, 14.

† 2 кн. Ц. II, 12.

†* 1 Сам. XIX, 20.

†** Сравн. 1 Сам. X, 5.

въ подобающее настроеніе, такъ еще больше для того, чтобы произвести подобное же дѣйствіе на самого оратора, укрѣпляя энергію его чувствъ *. Къ этому послѣднему явленію мы еще возвратимся ниже. Для настоящаго же момента мы прибавимъ, что наше убѣжденіе таково, что эти древнія школы пророковъ не пренебрегали преподаваніемъ чтенія и писанія; но не надо себѣ однако представлять, что это обученіе было организовано независимо отъ нихъ и было доступно каждому. Затѣмъ, мы охотно допускаемъ, что тѣмъ же самымъ традиціоннымъ путемъ школы сохранялись нѣкоторыя медицинскія познанія, которыми тогда владѣли и которыхъ удачное примѣненіе могло легко превращаться въ чудо въ умѣ благодарной массы **.

Все это, однако, имѣетъ только относительную важность, и только очень слабою долею могло содѣйствовать развитію цивилизаціи среди народа, которому трудно было выйти изъ состоянія варварства, нераздѣльнаго съ кочевымъ образомъ жизни, и который въ отношеніи вѣрованій находился тогда почти на такомъ же низкомъ уровнѣ, какъ и его сосѣди. Еще другой элементъ долженъ былъ входить въ систему обученія этихъ школъ: религиозное обученіе и то, что непосредственно отъ него зависѣло, общественная мораль и принципы права. Правда, что только что нами цитированные тексты не говорятъ объ этомъ положительно: но все это до того естественно, оно до того ясно вытекаетъ изъ отнынѣ достаточно констатированнаго сохраненія Моисеевыхъ идей и изъ соединявшей между собою всѣхъ пророковъ Иеговы солидарности, что мы, ни минуты не колеблясь, ищемъ въ учрежденіи Самуила и его продолжателей объясненія этого капитальнаго въ исторіи еврейскаго народа факта. Эта традиція школы передавала отъ одного поколѣнія къ другому, черезъ всѣ измѣнчивости національной судьбы, черезъ всѣ направленія умовъ вѣка, сокровище религиозной вѣры, которая еще составляла принадлежность немногихъ. Въ этой-то школѣ монотеистическое вѣрованіе укрѣплялось, распростра-

* 2 кн. Ц. III, 15.

** Уст. XXXVIII, 21. 2 кн. Ц. II, 19 и слѣд.; IV, 39 и слѣд.; V, 10 и слѣд.

лось и одухотворялось. Тамъ, въ типинѣ и на виду недостатковъ общественнаго строя и разложенія нравовъ, вырабатывались начала общественнаго права, которыя сдѣлались основою реформы, провозглашенной наканунѣ разрушенія монархіи *. Само собою разумѣется, что не всѣ пророки, о которыхъ упоминаетъ исторія, или которыхъ мы знаемъ по ихъ произведеніямъ, вышли изъ этихъ школъ **, и не всѣ молодые люди или другіе индивидуумы, которые присоединялись къ этимъ обществамъ, исполняли публично функціи пророковъ. Сущность та, что вліяніе, оказанное этими обществами, стало распространяться все шире и шире. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только обратить вниманіе на данныя, доставленныя намъ текстами относительно числа *пророковъ* времени Эліи ***, т. е. людей, принадлежавшихъ къ его школь. И не надо упускать изъ виду, что эти данныя относятся къ царству Эфраима, населеніе котораго обыкновенно считаютъ, хотя несправедливо, гораздо ниже въ отношеніи религіознаго развитія, чѣмъ населеніе царства Іуды.

Начиная съ Самуила, упоминаніе о пророкахъ становится все болѣе и болѣе частымъ въ лѣтописяхъ Израиля, между прочимъ, очень скупыхъ на подробности. Отъ этого момента и вплоть до совершеннаго исчезновенія пророчества, т. е. въ теченіи по крайней мѣрѣ шести вѣковъ, нѣтъ поколѣнія, которое не слышало бы или не видѣло пророковъ. Правда, что еще въ теченіи долгаго времени мы знаемъ одни только ихъ имена (да и то не всегда) и нѣкоторыя воспоминанія анекдотическаго характера, которыя капризное преданіе сохраняло до тѣхъ поръ, пока ихъ подобрала исторія. Но эти данныя, не смотря на весь ихъ отрывочный характеръ, достаточны для того, чтобы установить то, что тутъ есть для насъ самаго существеннаго, т. е. непрерывность ряда дѣятелей вдохновенныхъ и преданныхъ дѣлу религіознаго прогресса. Мы можемъ ограничиться нѣсколькими строками въ нашемъ разсмотрѣніи

* 2 кн. Ц. XXII и слѣд. Второзак. IV, 45; XXVIII.

** Сравни. Амось VII, 14.

*** 1 кн. Ц. XXII, 6; XXVIII, 4, 13; XIX, 18. 2 кн. Ц. II, 3, 16; IV, 43.

этой благородной, мощной фаланги. Тѣ изъ нихъ, которые насъ больше всего интересуютъ, такъ какъ мы о нихъ еще можемъ судить по дошедшимъ до насъ ихъ произведеніямъ, будутъ предметомъ особаго изученія.

Во второй половинѣ одиннадцатаго вѣка до нашей эры, мы встрѣчаемъ двухъ пророковъ, Гада и Натана, совѣтниковъ царя Давида *; Ахія, Шемаія и нѣкоторые безыменные были современниками Соломона **. Въ теченіи десятаго вѣка являються послѣдовательно: Иддо, Азарія, Одедь, Ханони, Іегу, Іахавіель, Элэйзеръ ***, не считая многихъ другихъ, болѣе *темныхъ*, которыхъ именъ исторія не сохранила. Они всѣ затемнены славой, окружающей имена Эліи и Элиши †, которыхъ величіе и заслуги легко измѣрить по репутаціи, которую они оставили, или скажемъ лучше—по легендарному ореолу, который отличаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ и который первому, по крайней мѣрѣ, опредѣляетъ мѣсто рядомъ съ Моисеемъ †*. Девятый вѣкъ, если мы должны судить по рассказамъ лѣтописцевъ, становящихся, къ несчастью, все болѣе и болѣе бѣдными въ подробностяхъ, должно предполагать, былъ не такъ плодотворенъ герольдами религіозной идеи. Мы, однако, думаемъ, что тутъ вина скорѣе должна падать на забывчивую неблагодарность послѣдовавшихъ поколѣній, и что Іоне, сынъ Амишшая †**, не былъ единственнымъ продолжателемъ славнаго рода.

За то, если мы не ошибаемся, этому вѣку принадлежить слава самыхъ древнихъ и самыхъ достовѣрныхъ памятниковъ литературной дѣятельности пророковъ, которые онъ намъ оставилъ въ наслѣдство. Очень возможно, безъ сомнѣнія, что уже раньше тотъ или другой изъ пророковъ придумалъ такой способъ распространенія идей, который могъ бы приносить пользу наибольшему кружку людей, и мы тѣмъ бо-

* 1 кн. Сам. XXII. 2 Сам. VII; XII: XXIV. 1 кн. Ц. 1.

** 1 кн. Ц. XI—XV.

*** 1 кн. Ц. XVI. 2 кн. Паралип. XXII—XX.

† 1 кн. Ц. XVII 2 кн. Ц. IX.

†* Мате. XVII и параллельно по Апокалип. XI, 3.

†** 2 кн. Ц. XIV, 25.

лѣ въ правѣ дѣлать подобное предположеніе, что многіе изъ тѣхъ пророковъ, которыхъ мы исчисляли выше, намъ представлены какъ историки, какъ мы это увидимъ въ другомъ мѣстѣ. Древнія литературы испытали столько потерь, средства для сохраненія книгъ были такъ ненадежны, а случаи для ихъ разрушенія были столь многочисленны, особенно если подумать о небольшихъ остаткахъ многихъ дошедшихъ до насъ, что можно было бы поистинѣ удивляться, если бы немногія страницы, пущенныя въ массу еврейскими ораторами, однѣ избѣгли бы общей участи и прошли бы черезъ все вѣка безъ всякой потери. Мы, однако, не настаиваемъ. То, что мы высказали, есть только простое предположеніе *, которому мы придаемъ тѣмъ меньше значенія, что можемъ только радоваться тому, что страшныя несчастья, одно за другимъ поражавшія еврейскій народъ, еще оставили намъ послѣ всего столь богатую коллекцію документовъ, безъ которыхъ намъ рѣшительно не было бы никакой возможности знать что либо положительно относительно исторіи его религіи, т. е. единственнаго предмета, который еще до сихъ поръ не потерялъ своего интереса.

Наши еврейскія бібліи содержатъ въ третьей своей части книги пятнадцати пророковъ, расположенныя довольно-таки произвольнымъ образомъ. Прежде всего помѣщены три, такъ называемые большіе пророка, потому что доставшіяся отъ нихъ книги гораздо болѣе объемисты; затѣмъ идутъ двѣнадцать маленькихъ пророковъ, которыхъ ученые Синагоги соединили въ одну книгу. Мы должны сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно этого расположенія. Прежде всего, оно идетъ отъ сравнительно новой эпохи. Талмудъ даетъ намъ относительно этого вопроса указаніе, представляющее извѣстный интересъ. Согласно талмуда, Іерміагу и Іезеккіэль сначала занимали первое мѣсто. Этотъ фактъ объясняется безъ большихъ затрудненій. Произведенія этихъ двухъ великихъ корифеевъ профетизма, которыя относились, между прочимъ; къ самой замѣчатель-

* Обратить, однако, вниманіе на 1 кн. Паралипом. XXIX, 29. 2 кн. Паралип. IX, 29, и т. д.

ной и самой важной эпохѣ для еврейской общины, основанной послѣ изгнанія, будучи собраны, расположены и пущены въ свѣтъ самими ихъ авторами, или же на ихъ глазахъ, могли легко быть разсматриваемы, какъ основа всего сборника, которую послѣдующія поколѣнія дополняли, какъ могли—или посредствомъ разыскиваній и открытій болѣе древнихъ произведеній, или же посредствомъ присоединенія новѣйшихъ сочиненій. Относительно специального сборника Двѣнадцати кажется, что первые, приводившіе въ порядокъ эту коллекцію—имѣли въ виду соблюдать хронологическій порядокъ. Во всякомъ случаѣ они въ этомъ не очень успѣли, и уже александрійскіе греческіе переводчики внесли туда другой порядокъ. Это доказываетъ, что критическая наука тѣхъ временъ уже не обладала больше вѣрными свѣдѣніями, для того, чтобы точно установить порядокъ, по которому пророки слѣдовали другъ за другомъ. Безъ сомнѣнія, также вслѣдствіе этого мотива Іешаіагу легко было отдано первое мѣсто передъ Іерміагу. Что касается насъ, то мы не находимъ болѣе справедливаго принципа классификаціи, какъ классификація въ хронологическомъ порядкѣ; она даже предписывается извѣстною необходимостью, такъ какъ разумнѣе текстовъ требуетъ настоятельнѣйшимъ образомъ знанія современной исторіи. Само собою разумѣется, что съ этой точки зрѣнія, дѣленіе на *большихъ* и *малыхъ* пророковъ не имѣетъ никакого *raison d'être*, и мы его не будемъ принимать во вниманіе.

Но мы еще должны сдѣлать многія другія предварительныя замѣчанія относительно порядка, какой мы приняли въ настоящей книгѣ. Прежде всего читатель увидитъ, что туда не входитъ книга Даніэля, которому всѣ наши библіи даютъ мѣсто между Іезеккіэлемъ и Двѣнадцатю, изъ которыхъ, однако, большая часть, согласно несомнѣнному свидѣтельству самихъ текстовъ, гораздо древнѣе. Мы въ этомъ отношеніи слѣдуемъ порядку, установленному Синагогой, ученые которой не причислили этой книги къ пророкамъ. Мы объяснимъ этотъ приѣмъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, ограничиваясь пока указаніемъ на примѣръ и авторитетъ ученыхъ евреевъ, которые не

могутъ быть заподозрѣны въ данномъ случаѣ въ мотивахъ, которымъ современная наука должна бы отказать въ значеніи.

Дальше читатель увидитъ, что мы выпустили изъ сборника книгъ пророковъ книгу Іоне, который во всѣхъ библіяхъ занимаетъ мѣсто среди двѣнадцати маленькxъ пророковъ. Мы, однако, не станемъ объяснять исключеніе этой книги хронологическими расчетами; нѣтъ, тутъ игралъ роль тотъ явный фактъ, что это маленькое произведеніе отличается глубоко отъ всѣхъ другихъ, къ которымъ его присоединили *. Поученіе, для котораго она назначена служить, представляется въ чисто исторической формѣ, и тамъ не встрѣчается ни малѣйшаго ораторскаго элемента, который принадлежалъ бы личности, имя которой оно носить. Оно принадлежитъ такимъ образомъ къ совершенно другого рода литературѣ, и если вообще оно было плохо понято, то это потому, что его примѣшали къ произведеніямъ, которыхъ форма, цѣль и кругозоръ совершенно различны.

Наконецъ, вотъ еще третье предварительное замѣчаніе, и самое важное изъ всѣхъ. Въмѣсто шестнадцати пророковъ нашихъ обычныхъ библій, и не смотря на исключеніе двухъ, о которыхъ мы только что говорили, ихъ найдутъ въ нашей книгѣ цѣлыхъ двадцать, между которыми нѣсколько анонимовъ. Это не значитъ, что мы открыли неизданныя еще произведенія древней еврейской литературы. Случаи такого рода, которые могутъ еще представиться въ греческой или римской литературѣ, для еврейской литературы выходятъ изъ круга возможнаго. Но мы убѣдились, что во многихъ случаяхъ критика древнихъ собирателей безъосновательно соединяла подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ и приписывала одному и тому же автору отрывки изъ различныхъ писателей, частью оставшихся неизвѣстными. (Оказывается особенно, что какъ къ книгѣ ма-

* Авторъ отнесъ эту книгу къ отдѣлу „Нравственная и религіозная философія евреевъ“, куда входятъ: „Іовъ“, „Изреченія“, „Экклезіастъ“, „Эклезіастикъ“ (апокрифическое произведеніе), „Премудрость Соломона“ (апокрифич. произв.), „Исторія Товія“ (апокр.), „Исторію Сузанни“, „Исторіи нашей царя Дарія“, „Книгу Баруха“ и наконецъ „Молитва Манассея“ — все произведенія апокр.

ленькихъ пророковъ, такъ и къ книгѣ Іешаіагу, были присоединены анонимныя произведенія, которыя, вслѣдствіе этого именно, могли прежде составлять нѣчто въ родѣ прибавленій. Впослѣдствіи, потребность имѣть собственное имя автора для каждаго произведенія, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что отсутствіе имени въ такомъ-то произведеніи сближало его съ текстомъ, ему предшествовавшимъ, сдѣлало то, что ихъ стали разсматривать одно какъ продолженіе другого и какъ принадлежавшія одному и тому же автору. Мы заботливо отдѣлили эти анонимныя произведенія, помѣстивъ ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, какія имъ принадлежать по хронологическому порядку *.

Послѣ этихъ замѣчаній, вотъ каковъ будетъ хронологическій порядокъ авторовъ и текстовъ, какимъ мы его сочли возможнымъ возстановить. Другіе мотивы, которыми мы руководствовались, будутъ изложены въ особенныхъ введеніяхъ къ каждому произведенію. Но мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что если, по отношенію ихъ количества, эти мотивы могли казаться достаточными, и если даже очень часто мы имѣемъ ту выгоду, что можемъ опираться въ этомъ отношеніи на единодушное согласіе всѣхъ новѣйшихъ ученыхъ, тѣмъ не менѣе остается нѣсколько сомнительныхъ случаевъ, нѣсколько вопросовъ, не окончательно рѣшенныхъ, пунктовъ даже до того темныхъ, что до сихъ поръ о нихъ существуютъ самыя различныя мнѣнія.

Мы уже сказали выше, что самыя древнія пророческія произведенія, какъ можно полагать, относятся къ девятому вѣку—эпохѣ, когда евреи находились во враждебныхъ столкновеніяхъ съ одними только своими ближайшими сосѣдями. Вслѣдствіе мотивовъ, подверженныхъ однако еще сомнѣнію, мы восходимъ къ такой ранней эпохѣ и относимъ къ ней Іозеля и одного анонима, котораго Іешаіагу сохранилъ намъ отрывокъ **. Съ началомъ восьмага вѣка мы уже находимся на

* Этотъ порядокъ изложенъ немного ниже. Авторъ какъ-то безъ перехода вставляетъ еще предварительныя замѣчанія. Перев.

** Этому анониму авторъ приписываетъ XV и XVI главы изъ Іешаіагу. Перев.

болѣе твердой почвѣ и въ присутствіи классическаго вѣка пророческой литературы. Въ первой половинѣ этого вѣка и до середины его мы встрѣчаемъ Амоса, Ошеу и анонима *, изъ которыхъ всѣ трое заняты преимущественно интересами царства Эфраима, и съ эпохи которыхъ начинаются набѣги ассирійцевъ, сдѣлавшіеся вскорѣ роковыми для еврейскаго народа. За ними, къ концу этого вѣка, идутъ Іешаіагу и Миха, современники катастрофы, которая сокрушила одну часть еврейскаго народа, и свидѣтели первыхъ столкновеній побѣдителей Верхней Азіи съ египетскимъ могуществомъ **.

Намъ остается очень мало страницъ изъ слѣдующаго періода, въ который произошло паденіе ассирійской имперіи: одинъ анонимъ ***, Цефанія, Нахумъ. Эта бѣдность текстовъ, которые могли бы дополнять другъ друга, будь они болѣе многочисленны, создаетъ затрудненія не только для обыкновеннаго читателя, но даже для экзегета-специалиста. Только къ концу седьмаго вѣка контуры событій, вызвавшихъ дѣятельность пророковъ, начинаютъ обрисовываться все болѣе и болѣе яснымъ образомъ. Кромѣ Хабакука, мы имѣемъ Іерміагу, самаго богатаго изъ всѣхъ историческими указаніями, и самаго яснаго относительно манеры, которою у него рѣчь связывается съ событіями. Съ этими двумя писателями мы вступаемъ въ періодъ халдейскій, т. е. въ тотъ періодъ, когда въ

* Автора, по мнѣнію Рейсса, IX, X и XI главъ Захаріи. Перев.

** Эти столкновенія двухъ сильнѣйшихъ имперій древняго востока, которыя съ тѣхъ поръ дѣлаются почти непрерывными до момента ихъ паденія, были гораздо болѣе роковыми для маленькаго еврейскаго царства, чѣмъ непосредственное нападеніе на самую еврейскую территорію. И эти-то внѣшнія причины больше всего послабили и повели къ окончательному паденію славнои, древней Іудеи, чѣмъ всѣ внутренніе разлады. Все несчастье этой маленькой по пространству и непомѣрно великой по своей роли въ цивилизаціи міра страны — было въ ея географическомъ положеніи на пути между упомянутыми двумя враждовавшими имперіями; такъ что всякій почти походъ Ассиріи на Египетъ или Египта на Ассирію сопровождался разгромомъ Іудеи. Несчастные цари ея не знали никогда, съ кѣмъ заключать союзъ во время этихъ хищническихъ походовъ, и почти непрерывно жили между молотомъ и наковальней.

Перев.

*** Автора XII—XIV главъ Захаріи.

Перев.

Западной Азии начинается перевѣсъ вавилонской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начинается паденіе имперіи Фараоновъ. Но второй, т. е. Иереміагу, заставляеть насъ также присутствовать при первомъ разрушеніи Иерусалима и изгнаніи или разсѣянніи его жителей. Къ нему вскорѣ присоединяются пророки періода изгнанія, которые жили и писали далеко отъ родины, одни, размышляя о причинахъ ея паденія, другіе. ища утѣшенія въ перспективѣ скорого ея возстановленія. Во главѣ ихъ идетъ Іезекіаль; за нимъ слѣдуетъ нѣсколько анонимныхъ писателей, изъ которыхъ послѣдній есть уже очевидный свидѣтель первыхъ побѣдъ Кира *. Писатели, которыхъ мы относимъ къ этому рѣшительному для исторіи евреевъ періоду, имѣли какую-то особенную судьбу. Преданіе не сохранило ихъ именъ, и оставленные ими произведенія, изъ которыхъ одно особенно отличается своею объемистостью, своимъ поэтическимъ вдохновеніемъ и возвышенностью своихъ идей, были присоединены къ болѣе древнимъ книгамъ рукою тѣхъ, которые впоследствии собрали все, что осталось отъ этой драгоценной литературы.

Послѣ возвращенія первыхъ поселенцевъ и возстановленія Иерусалима и храма, мы уже слышимъ только нѣкоторые одинокіе голоса пророковъ, составляющіе только слабое эхо тѣхъ, которые раньше стояли во главѣ борьбы за монотеизмъ и теократію противъ растлѣнія языческихъ культовъ и пороковъ общественнаго строя. Въ средѣ маленькой общины, которая возстановляла стѣны Иерусалима, побѣда идей профетизма была отнынѣ совершившимся фактомъ. Горизонтъ политическій сѣзился до крайнихъ размѣровъ, правленіе перешло въ руки жрецовъ, государство сдѣлалось церковью. Маленькіе временные интересы не были такого характера, чтобы снова воодушевить огненное краснорѣчіе; сопротивленіе, прежде столь сильное и упорное, теперь исчезло, а вмѣстѣ съ нимъ и священ-

* Авторъ подъ этимъ анонимомъ подразумѣваетъ такъ называемаго новѣйшею критикою Девторо-Ісаію или Великаго Неизвѣстнаго, которымъ она приписываетъ гл. XIII и почти всѣ другія главы, начиная съ XXXIV. У Рейсса, впрочемъ, этотъ Девторо-Ісаія распадается на нѣсколько анонимовъ. П е р е в.

ное негодованіе порицателей современнаго поколѣнія и патріотическій энтузіазмъ герольдовъ будущаго. Мы только можемъ записать еще четыре имени, и самыя скромныя, и листъ пророческо-писателей будетъ исчерпанъ. Да и то одно изъ этихъ именъ, имя Обадіа, занесено сюда по одному только предположенію, такъ какъ мнѣнія относительно эпохи, въ которую онъ жилъ, очень различны. Изъ трехъ другихъ, Хаги и Захаріагу присутствовали при возстановленіи храма и старались ускорить его окончаніе; третій же, котораго даже имя составляетъ загадку для критики, Малахій, защищаетъ уже интересы алтаря и жречества. Со времени Эзры и Нехеміи начинается абсолютное царство закона, и профетизмъ оставляетъ только бѣглый, еле замѣтный слѣдъ (Нех. VI, 10 и слѣд.).

Затѣмъ водворяется глубокое молчаніе вокругъ этого новаго центра, но полнаго притягательной силы. Забытый всѣмъ міромъ, народъ укрѣпляется, соединяется и подымается до высоты совершенно другаго характера, чѣмъ та, которой онъ достигалъ при самыхъ блестящихъ своихъ царяхъ. Пророки покинули сцену, но ихъ творенія остались, если не совсѣмъ подъ тѣми формами, о которыхъ мечтало ихъ пламенное воображеніе, то по крайней мѣрѣ въ томъ, что оно имѣло существеннаго. Теперь наступилъ вѣкъ строгой законности, холоднаго размышленія, нравственной и практической мудрости. Кабинетный трудъ теологовъ и юрисконсультовъ наслѣдовалъ порывамъ вдохновенія и смѣлой энергіи народныхъ ораторовъ. Нужны были новыя несчастія, испытанія болѣе жестокія, чѣмъ голодъ и война, чтобы пробудить древній пророческій духъ. Но точно также, какъ измѣнилось положеніе, и приемы, которые онъ усвоилъ, стали совершенно другіе. Дѣло уже не шло больше объ угрозы непокорному народу небеснымъ мщеніемъ; теперь онъ именно страдалъ за непоколебимую привязанность къ вѣрѣ своихъ отцовъ. Неистовыя преслѣдованія, которыхъ онъ сдѣлался жертвой, заставили его возвратиться къ этимъ упованіямъ, которыя древніе *видящіе* сумѣли рисовать такими живыми красками и которыя онъ уже успѣлъ на время забыть. Онъ предался созерцанію миража ближайшаго и рѣшительнаго переворота, который измѣнитъ весь видъ вселенной и послѣ

котораго начнется царствованіе сына Давида, нѣкогда ему общанное. Длинный рядъ *апокалипсовъ*, старавшихся превосходить другъ друга фантастическими картинами этихъ великихъ перемѣнъ, поднялъ энергію мучениковъ и создалъ вмѣстѣ съ перспективою новаго порядка вещей также новую теологію, богатую нравственными основами и утѣшеніями. Но это уже не входитъ въ кругъ, которымъ мы должны ограничиться для наступающаго момента; мы предоставимъ себѣ возвратиться къ нему въ другихъ частяхъ этого труда.

II.

Прежде чѣмъ заняться специально самою пророческою литературою, мы на одинъ моментъ должны еще остановиться на нѣкоторыхъ общихъ фактахъ, сохраненныхъ большею частью историческими книгами, и которые хотя и не вполне чужды сферѣ, которую мы должны изслѣдовать, но, однако, относятся больше къ внѣшнимъ формамъ древняго пророчества, къ представленію, какое о немъ имѣла обыкновенная масса.

Скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о названіяхъ, которыми пророки обыкновенно обозначаются въ многочисленныхъ текстахъ, гдѣ о нихъ идетъ рѣчь. По этому предмету мы находимъ одно очень поучительное мѣсто въ исторіи Самуила (1 кн. Сам. IX, 9). «Когда-то,—сказано тамъ,—когда хотѣли идти просить совѣта у Бога, говорили: пойдемъ къ Видящему, ибо называли *видящими* людей, которыхъ теперь называютъ *пророками*». Перемѣна имени обозначаетъ необходимо перемѣну понятія. Пророкъ, въ томъ смыслѣ, какой справедливо впоследствии взялъ верхъ, всегда была личность, которая не только говорила во имя Бога, но также даетъ направленіе народу, и существенно занимается интересами религіи и религіозно-нравственнаго строя, котораго она есть создатель и истолкователь. Здѣсь же мы находимся на совершенно другой почвѣ. Идти спрашивать совѣта у Бога—въ устахъ простой массы могло значить удовлетворить суевѣрное любопытство относительно частныхъ интересовъ самаго ничтожнаго значенія. О такомъ именно случаѣ идетъ дѣло въ приве-

денномъ мѣстѣ. Саулъ посланъ своимъ отцомъ, чтобы отыскать заблудшихся ослицъ. Такъ какъ онъ ихъ не находитъ немедленно, то несетъ свою лепту видящему, который долженъ ему сказать, гдѣ онѣ. Само собою разумѣется, что мы не допускаемъ этого оскорбительнаго для Самуила предположенія, будто онъ занимался ремесломъ гадальщика, какъ это можно бы вывести изъ этого разсказа. Но этотъ послѣдній доказываетъ, что такое занятіе дѣйствительно существовало, что народъ въ него вѣрилъ, что оно служило заработкомъ для людей, пользовавшихся легковѣріемъ другихъ. Видящій считался человекомъ, прозрѣвающимъ то, чего другіе не могутъ видѣть. Мы не имѣемъ надобности привести здѣсь безчисленныя мѣста, гдѣ говорится о различныхъ способахъ гаданія, употреблявшихся у евреевъ, но которые подъ вліяніемъ именно пророковъ въ послѣдствіи были изгнаны и, наконецъ, совсѣмъ исчезли. Намъ достаточно то, что мы констатировали ихъ существованіе

Чѣмъ дальше мы удаляемся въ глубь исторіи, тѣмъ больше находимъ примѣровъ существованія этихъ обычаевъ. Слѣдуетъ полагать, что сами цари имѣли своихъ гадалей или предсказывателей заманчиваго будущаго. Еще гораздо позже видящихъ смѣшиваютъ съ гадалками (Мих. III, 7). Въ послѣдствіи, однако, это названіе получило болѣе благородное значеніе. Различіе между двумя наименованіями стирается, и пророчество, т. е. всякое поученіе, данное устами органовъ Іегосвы стало называться *видѣніемъ*, а подъ этимъ послѣднимъ подразумѣвали сообщеніе, сдѣланное духомъ Бога духу человѣка прямо и непосредственно, черезъ соверпаніе, котораго, однако, не надо себѣ объяснять, какъ состояніе экстаза оратора или поэта. Но обычай преимущественно освятилъ другой терминъ, котораго этимологическій смыслъ лучше выражалъ положеніе тѣхъ, у кого онъ сдѣлался какъ бы официальнымъ титуломъ.

Дѣйствительно, больше чѣмъ вѣроятно, что корень, отъ котораго происходитъ древне-еврейское слово *nabi* (пророкъ), выражаетъ понятіе о торжественной и вдохновенной рѣчи. *Наби* называется *челоткомъ духа* (Оша IX, 7), т. е. направляемымъ, воодушевленнымъ, наученнымъ божественнымъ духомъ. Въ его

уста Господь влагаеть свою рѣчь (Второзак. XVIII, 18, Амось III, 8). Онъ самъ называется устами Иеговы (Перем. XV, 19). Когда Моисей отказывается отъ предлагаемой ему миссии потому, что у него нѣтъ дара слова, Господь ему говорить, что его братъ будетъ ему служить устами, пророкомъ, между тѣмъ какъ онъ, Моисей, будетъ его богомъ (Исх. IV, 16; VII, 1), т. е. тѣмъ, который будетъ его вдохновлять. Мы видимъ, что все болѣе и болѣе общее употребленіе этого второго термина показываетъ точку зрѣнія совершенно различную отъ той, которую мы встрѣчали въ началѣ, при разсматриваніи народнаго примитивнаго взгляда на пророчество, хотя и тамъ мысль о влияніи болѣе высокаго и божественнаго элемента не была исключена.

Эти самыя несовершенныя понятія еще обнаруживаются въ важности, приписанной въ древнее время снамъ, которые разсматривались, какъ способъ откровения (Числа XII, 6. Второзаконіе XIII, 2. Уоэль III, 1, и т. д.). Мы находимъ этому безчисленные примѣры въ традиціонной исторіи, отъ эпохи патріарховъ до самыхъ новыхъ временъ; и пророки не упускаютъ случая указывать на злоупотребленія, которыя очень легко дѣлались этимъ повѣрьемъ (Зах. X, 2. Иерем. XXIII, 25 и слѣд.; XXVII, 9). Вообще здѣсь слѣдуетъ указать на тотъ фактъ, что истинное пророчество, то пророчество, которое такъ ясно и удивительно обрисовывается въ произведеніяхъ, нами изучаемыхъ, было употребляемо не только для того, чтобы прививать народу принципы религіи и нравственности, основанной на страхѣ передъ Богомъ, но также на то, чтобы искоренять массу заблужденій и предрасудковъ, возставать противъ суевѣрныхъ обычаевъ и изгонять эти обычаи, которые такъ же были свойственны древнимъ евреямъ, какъ и всѣмъ другимъ народамъ древности.

Если въ эти отдаленныя времена идеи относительно высшихъ познаній извѣстныхъ людей не были еще очищены, то мы не будемъ удивляться тому, что также и формы, подъ которыми эти люди обнаруживали силу своей таинственной привилегіи, согласовались съ общимъ направленіемъ умовъ. Эти формы придавали предмету окраску, которой мы не встрѣчаемъ

больше въ эпоху, когда пророчество, принимая въ общемъ литературные приемы, не прибѣгало больше къ средствамъ, которыми пользовалось при своемъ возникновеніи. Мы не придаемъ большой важности тому обстоятельству, что пророки первыхъ временъ, можетъ быть, носили особенную одежду, какъ оно, кажется, вытекаетъ изъ разсказовъ Эліи и Элиши. Этотъ обычай былъ позже отвергнутъ и предоставленъ гадателямъ мелкаго пошиба (Зах. XII, 4). Между тѣмъ позднѣйшая традиція продолжала видѣть въ этомъ характеристическую черту пророчества (Посланіе къ евр. XI, 37), и мы видимъ даже, какъ эта традиція снова оживаетъ съ представленіемъ о личности Іоанна Крестителя (Матѳ. III, 4).

Но вотъ другой элементъ, который когда-то сопровождалъ процессъ пророчества, и о которомъ мы уже имѣли случай говорить мимоходомъ. Это употребленіе музыки, вокальной или инструментальной. Объ этомъ положительно говорится въ разсказѣ, касающемся учениковъ Самуила. Въ другомъ мѣстѣ (2 кн. Ц. III, 15) мы видимъ, какъ пророкъ, у котораго просить предсказанія, требуетъ предварительно содѣйствія музыканта, чтобы прійти въ такое настроеніе духа, которое дало бы ему возможность исполнить свою обязанность. Слово, которое обыкновенно употребляется для обозначенія рѣчи пророка, служитъ также для обозначенія пѣнія и игры на инструментахъ (1 кн. Паралипом. XXV, 1 и слѣдующ. Сравни Исходъ XV, 20). Мы, такимъ образомъ, безъ труда допустимъ, что въ началѣ прорицаніе пророковъ совершалось посредствомъ пѣнія или, быть можетъ, даже съ музыкальнымъ аккомпаниментомъ. Во всякомъ случаѣ этотъ обычай видно исчезъ раньше той эпохи, когда пророки начали писать. Но древній обычай оставилъ слѣды довольно глубокіе даже въ самомъ стилѣ пророковъ-писателей, къ которому мы еще возвратимся. Поэтический полетъ ихъ рѣчи и особенно столь частое соблюденіе правилъ симетріи или того, что принято называть параллелизмомъ, представляютъ этому доказательство, котораго нельзя не признать.

Чтобы овладѣть вниманіемъ слушателей и оставить болѣе продолжительное впечатлѣніе въ умахъ, древніе пророки лю-

били представлять то, что они хотѣли сказать, въ символическихъ дѣйствіяхъ, имѣвшихъ цѣлью—поражать чувства и овладѣвать воображеніемъ, и такимъ образомъ, дававшееся потомъ объясненіе этихъ символическихъ представлений болѣе глубоко врѣзывалось въ память.

Такъ пророкъ Цидекія является передъ царемъ Іошафатомъ съ прикрѣпленными къ головѣ желѣзными рогами, чтобы символизировать блестящую побѣду, которую онъ ему предсказалъ (1 кн. Цар. XXII, 11); пророкъ Іохія разрываетъ свой плащъ, чтобы предсказать Горобоаму, что царство Давида будетъ раздѣлено (1 кн. Ц. XI, 29). Такого характера также сцена, происходящая между умирающимъ пророкомъ Элишею и царемъ Іоашемъ (2 кн. Ц. XIII, 14 и слѣд.), и другая, гдѣ Іешаіагу пишетъ загадочныя слова на таблицѣ, находящейся передъ глазами слушателей (гл. VIII, 1); также сцена, гдѣ тотъ же пророкъ является публично въ странномъ одѣяніи (гл. XX) и т. д. Позже мы уже не встрѣчаемъ подобныхъ приемовъ; они замѣнены аллегорическими разсказами, которые несправедливо было бы принять за дѣйствительные факты, не смотря на то, что они дѣйствительно могутъ казаться такими. Мы къ нимъ еще возвратимся въ свое время

Все это однако отлично могло соединиться съ серьезными и разумными проявленіями. Но есть другіе факты, которые, быть можетъ, позволяютъ намъ констатировать извѣстную аналогію между пророчествомъ въ простонародномъ смыслѣ (его, однако, никоимъ образомъ не надо смѣшивать съ тѣмъ пророчествомъ, котораго достовѣрные литературные памятники дошли до насъ) и тѣмъ, что принято называть шаманизмомъ у отставшихъ народовъ Азіи и Африки. Тамъ предсказаніе, узко связанное съ колдовствомъ, сопровождается эксцентрическими приемами, страннымъ костюмомъ, беспорядочными движеніями, безсвязными криками, судорогами во всѣхъ членахъ, наконецъ дѣйствіями, въ которыхъ трудно различить истинную и искреннюю экзальтацію отъ рассчитаннаго обмана или дѣйствительнаго безумія. Если кто нибудь подумаетъ, что мы заходимъ слишкомъ далеко здѣсь, сближая слишкомъ уже низменныя вещи съ тѣмъ, что принадлежитъ святилищу библейской исторіи, то мы

попросимъ позволенія представить нашимъ читателямъ слѣдующіе факты.

Извѣстно, что у грековъ пророкъ или гадатель (въ данномъ случаѣ это одно и то же) называется *mantis*, отъ слова, которое, согласно неоспоримой этимологіи, обозначаетъ человѣка, находящагося внѣ своихъ чувствъ, не владѣющаго собою. Точно также латинцы говорятъ объ изступленіи, неистовствѣ этой категоріи людей *. И вотъ эти термины и эти явленія встрѣчаются также и въ нашихъ текстахъ. Мы назовемъ пророка, который однимъ своимъ появленіемъ производилъ на присутствующихъ впечатлѣніе безумнаго (2 кн. Ц. IX, 11), и поэтому названъ словомъ имѣющимъ такое значеніе ** (сравн. 1 кн. Сам. XXI, 13 и слѣдующ.). Когда Саулъ, среди толпы учениковъ Самуила, приходитъ въ такое возбужденіе, что сбрасываетъ съ себя одежду и бросается на землю, эти проявленія, довольно-таки странныя, обозначаются глаголомъ, переводимомъ въ другомъ мѣстѣ словомъ пророчествовать и которое даже въ данномъ мѣстѣ служитъ для обозначенія состоянія другихъ присутствовавшихъ лицъ, такъ что видя его, говорили: «И Саулъ сдѣлался пророкомъ!» *** Тотъ же глаголъ употребляется 1 Сам. XVIII, 10, гдѣ разсказывается,

* *Furor, rabies* и т. д. Cicero de divin. 1, 2, 18, 31; 11, 48, 54. Virg. Aen. VI, 45, 77 и т. д.

** Мы нисколько не думаемъ, чтобъ изъ этого мѣста можно было сдѣлать такой выводъ. Дѣло идетъ о слѣдующемъ: пророкъ Элиша посылаетъ юношу-пророка въ Рамось-Гилеадъ къ Іегу, сыну Іошафата, чтобы тотъ помазалъ сего послѣдняго тайно царемъ Израиля. Юноша позвалъ Іегу въ отдаленную комнату, помазалъ его и убѣжалъ сейчасъ. Когда Іегу вышелъ къ окружавшимъ его воинамъ и царедворцамъ Іорама, тѣ его спрашиваютъ: „Все ли хорошо? Къ чему пришелъ (сюда) этотъ сумасшедшій?“ Дѣло такимъ образомъ ничуть не идетъ о впечатлѣніи, а о цинической выходкѣ грубыхъ воиновъ. Это доказывается еще дальнѣйшею бесѣдою. „Вы знаете этого человѣка и то, что онъ могъ сказать“, отвѣчаетъ имъ Іегу. — „Навѣрное совралъ (чтонибудь)“ отвѣчаютъ съ тою же грубостью воины и царедворцы.

Перев.

*** Буквально будетъ: „Развѣ уже и Саулъ (цопалъ) между пророками, что совсѣмъ не одно и то же. Оно притомъ, кажется, здѣсь имѣетъ ироническое значеніе. Ничто также не даетъ возможности утверждать, что именно это его сумасбродныя выходки подали поводъ къ этому замѣчанію. Пер.

что Саулъ былъ вдругъ охваченъ внезапнымъ приступомъ неистовства. противъ своего молодого оруженосца, въ то время какъ этотъ послѣдній старается его увеселить своимъ инструментомъ. Мы видимъ ясно, что эти различныя психическія явленія, начиная съ экзальтаціи, которая усиливаетъ проявленія духа, и кончая безуміемъ, которое ихъ уничтожаетъ, рассматривались какъ результаты одной и той же причины, хотя и въ различныхъ степеняхъ, и безъ труда обозначались общимъ названіемъ. Термины пророкъ и безумный еще соединены вмѣстѣ у Іерміагу (XXIX, 26; сравн. Ошеу IX, 7) *. Что должны мы заключить изъ всего этого? Что оба понятія должны повсюду смѣшиваться и вполнѣ? Что мы должны рассматривать книги пророковъ, какъ произведенія ума, болѣе или менѣе ненормальнаго? Рѣшительно нѣтъ! Это доказываетъ намъ только двѣ вещи: первое, что надо быть очень осторожнымъ, чтобы не поставить на одну и ту же линію всѣ факты, обозначенные въ исторіи однимъ и тѣмъ же терминомъ, и не примѣнять понятіе, внушаемое нами чтеніемъ литературныхъ памятниковъ пророчества, относящихся къ новѣйшей эпохѣ, къ тому, что принадлежитъ къ очень ранней стадіи развитія религиозныхъ идей. Во вторыхъ, что будетъ очень ошибочно придавать народнымъ преданіямъ столько же вѣры, какъ и достовѣрнымъ документамъ. Иначе мы рискуемъ составить себѣ даже о такой личности, какъ Самуиль, менѣе выгодное представленіе, чѣмъ то, какое мы считали себя въ правѣ дать о его дѣятельности и его вліяніи. Вотъ почему также истинные пророки, эти славные бойцы за идеальную теократію, должны были постоянно бороться, и не всегда успѣшно, противъ тѣхъ, которыхъ они называютъ ложными пророками и которые, безъ сомнѣнія, были продолжателями и прямыми наслѣдниками прежнихъ гадателей. Дѣлая изъ своихъ вымышленныхъ знаній выгодное ремесло, они, ради своихъ интересовъ, говорили

* Вотъ то мѣсто у Ошенъ: „Наступили дни расчета, дни расплаты. Израиль это узнаеть. Обезумѣлъ пророкъ, вдохновенный человекъ охваченъ неистовствомъ, за множество грѣховъ твоихъ и за великую твою непокорность. Очевидно, тутъ дѣло идетъ не объ обычномъ состояніи пророковъ, а о состояніи ихъ во время мщенія Господня.“

то, что другимъ нравилось слушать, но не то, что могло быть полезно и благотворно для общаго дѣла.

Если мы воздерживаемся отъ болѣе обширныхъ подробностей для характеристики различныхъ ступеней пророчества, то это не потому, чтобы наше мнѣніе объ этомъ предметѣ не было еще достаточно твердо установлено, или не вполне еще подтверждалось неоспоримыми свидѣтельствами. Совершенно на-противъ. Позднѣйшія творенія намъ представляютъ объясненія до того ясныя и полныя, что мы считаемъ себя въ правѣ пока ограничиться сказаннымъ и не прибавлять ничего больше для даннаго момента.

(Продолженіе будетъ).

Бенъ-Ами.

ТЕОЛОГИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ, СПИНОЗЫ.

Jedes Elementarbuch ist nur für
ein gewisses Alter.

Lessing.

Прежде, чѣмъ приступить къ изученію теологическихъ и политическихъ воззрѣній Спинозы, считаемъ необходимымъ указать на мѣсто, имъ занимаемое въ ряду тѣхъ мыслителей-евреевъ, труды которыхъ то какъ бы предвосхищаютъ нѣкоторые его метафизическія построенія, то ложатся въ основу его «Богословско-политическаго трактата» *.

Политическое паденіе еврейскаго народа не повлекло за собою духовной смерти его. На берегахъ Ефрата еврейство вновь ожило. Въ городахъ Нагардеѣ, Сурѣ и Пумбадитѣ основываются академіи, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ служившія съ успѣхомъ дѣлу культурно-нравственнаго и религіознаго самосознанія еврейскаго народа. Со времени своего изгнанія этотъ на-

* При составленіи тѣхъ частей нашей статьи, гдѣ проводится параллель между богословскими и метафизическими взглядами средневѣковыхъ еврейскихъ мыслителей и такими же взглядами Спинозы, мы руководились преимущественно солиднымъ сочиненіемъ Іоэля „Der theologisch-politische Traktat auf seine Quellen geprüft“, гдѣ вопросъ объ источникахъ, положенныхъ Спинозой въ основу своихъ воззрѣній, разработанъ съ большою полнотой.

Несомнѣнно, для *генетической* оцѣнки сочиненій Спинозы Іоэль сдѣлалъ такъ много, что изученіе многихъ, напр., главъ „Теологико-Политическаго Трактата“ положительно невозможно безъ постоянныхъ справокъ съ названнымъ его трудомъ, но, мы думаемъ, что *философскую критику* міровоззрѣній Спинозы Іоэль поставилъ на нѣсколько узкую, хотя и патристическую почву.

Авторъ.

родъ не играет роли въ политикѣ, но за то отдаетъ всё свои силы вопросамъ религіознымъ и философскимъ, неуспынной, умственной работѣ въ области высшихъ интересовъ человѣка. Въ Вавилоніи еврейство не только обратило къ своему учению нѣкоторыя арабскія племена, познакомивъ дѣтей пустыни со многими общественными учрежденіями, но и вызвало къ жизни новую религію, вліявшую и продолжающую вліять на исторію всего человѣчества. Лучшія мѣста Корана—несомнѣнныя заимствованія изъ Библии и Талмуда. Но вотъ философская мысль стала потухать на Востокѣ. Наступилъ часъ оскуднѣнія культурныхъ силъ Вавилоніи. Въ это время въ испанскомъ халифатѣ, управляемомъ омаядами, науки и искусства достигаютъ значительной высоты. Въ правленіе одного изъ гуманнѣйшихъ «властителей правовѣрныхъ», Абдуль Рахмана III, Испанія дѣлается убѣжищемъ политической и религіозной терпимости, колыбелью средневѣковой еврейской культуры. Въ теченіе двухъ-трехъ вѣковъ въ Андалузіи появляются личности, объемомъ своихъ познаній, глубиною своей творческой мысли, размѣрами своихъ литературныхъ и поэтическихъ дарованій какъ бы воскрешающія философовъ классической Эллады. Подъ сѣнью политической свободы испанско-еврейскіе мыслители даютъ полный просторъ своимъ возвышеннымъ стремленіямъ къ познанію цѣли и законовъ бытія, смысла духовнаго и физическаго существованія человѣка. Имена Ибнъ-Гебироля, Ибнъ-Эзры, Маймонида, Хасдаи Крескаса и др., могутъ служить украшеніемъ умственной исторіи любого народа. Этими знаменитыми учеными были въ нѣкоторой степени развиты первыя основанія того философскаго ученія, которое нѣсколько столѣтій спустя получило такое стройное выраженіе въ метафизической и теологической системѣ Спинозы. Ученіе Ибнъ-Гебироля есть смѣсь библейскаго пантеизма и мистической философіи неоплатониковъ. *

* Ибнъ-Гебироль (или, какъ его еще называютъ, Авницебронъ) очень долго находился въ совершенномъ забвеніи. Только въ настоящемъ столѣтіи Журденъ первый воскресилъ забытое имя извѣстнаго испанскаго мыслителя-поэта. Мунку принадлежитъ заслуга возвращенія забытаго мыслителя исторіи философіи. Онъ перевелъ на французскій языкъ лучшее сочиненія Ибнъ-Гебироля, *Mekor Chejim (Fons vitae)* см. *Mélange de philosophie juive et arabe*, 1857—1859.

Одаренный богатыми способностями, Ибнъ-Гебироль еще въ молодые годы обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ недюжиннымъ поэтическимъ дарованіемъ. Въ болѣе зрѣлый возрастъ онъ приобретаетъ извѣстность мыслителя и философа. Полу-поэтическая, полу-мистическая философія александрійскихъ ученыхъ оказалась какъ нельзя болѣе родственною поэтической душѣ молодаго мыслителя. Что такое Богъ? что такое душа? Какъ этотъ пестрый, многообразный, избылиующій несовершенствами міръ вызванъ къ жизни единымъ, высшимъ, всесовершеннымъ существомъ? Вотъ вопросы, которые Ибнъ-Гебироль пытается разрѣшить въ двухъ своихъ сочиненіяхъ: *Mekor Chajim* и *Keter Malchut*. Богъ—это первичная субстанція, единая и недѣлимая. Доказывать ея существованіе—излишне, ибо все сущее пребываетъ въ Богѣ и отъ него исходитъ, ибо бытіе ея абсолютно и необходимо *. Лишь при помощи глубокаго самонаблюденія и познанія міроваго порядка возможно постиженіе Бога. Но въ какомъ же отношеніи находится видимый нами міръ къ этому высшему существу? Гебироль недопускаетъ ни сотворенія міра изъ ничего, ни Аристотелевскаго предположенія, что Богъ только вдохнулъ форму въ нѣкую первичную матерію—первообразъ сущаго мірозданія. Онъ своеобразно рѣшаетъ этотъ вопросъ. Самобытной субстанціи, говоритъ Авицебронъ, присуща безконечная творческая сила—это *воля* или *слово* Бога. Эта воля, тождественная съ сущностью самого Бога, подобная безпредѣльному свѣту, озаряющему безконечное множество міровъ, рождаетъ изъ себя все видимое. Изъ нея вытекаютъ, независимо отъ теченія времени, безконечное число силъ, съ нею однородныхъ, духовныхъ и творческихъ. Видимое воплощеніе воли Бога составляютъ: *всеобщая форма* существъ и *всеобщая матерія*, всеобщее основаніе сущаго. Воля объединяетъ обѣ силы: все, что существуетъ, должно имѣть форму и матеріальное основаніе. Произведеніе божественной воли—видимый міръ—являетъ собою безконечный рядъ нисходящихъ ступеней. Между самобытною субстанціею и послѣднею ступенью міровой лѣстницы существуютъ ступени про-

* Сравни, Spinoza, *Ethica. Pars I, Definitiones 1, 3, 6, 11.*

межуточные, прикосновенныя, съ одной стороны, къ божественной волѣ, а съ другой, къ земному міру. Этихъ промежуточныхъ ступеней три: міровой разумъ, міровая душа и всеобщая натура. Первый есть произведеніе божественной воли при посредствѣ силы *формирующей* и всеобщей матеріи; міровая душа — сфера духовъ и ангеловъ; натура движеть и одушевляетъ тѣлесный міръ. И такъ, вся вселенная, отъ высшихъ до низшихъ ступеней, проникнута однимъ божественнымъ началомъ. Человѣкъ—это лучшее твореніе божественной воли—одаренъ способностью, при помощи которой онъ въ минуты вдохновенія можетъ постигнуть управляющее міромъ Верховное существо, т. е. онъ обладаетъ способностью познанія—источникомъ высшаго блаженства. Жизнь, согласованная съ велѣніями разума, доставляетъ человѣку истинную свободу и сообщаетъ его духу несокрушимую силу*.

Философская система Ибнъ-Гебиrolя не пользовалась сочувствіемъ среди испанско-еврейскаго общества. Но за то она въ короткое время стала очень популярна среди арабовъ и христіанскихъ схоластиковъ**.

Даже при бѣгломъ обзорѣ этой системы не трудно замѣтить нѣкоторыя черты, приближающія ее довольно близко къ ученію Спинозы. Гебиrolь именно *предвосхитилъ* нѣкоторыя изъ его метафизическихъ теоремъ. Такъ первичная, или, правильнѣе, самобытная субстанція, надѣленная безчисленнымъ множествомъ силъ, видимое воплощеніе которой—форма и матерія, напоминаетъ намъ абсолютное существо, состоящее изъ безконечнаго числа атрибутовъ, изъ которыхъ мы постигаемъ только два: духъ и матерію***. Авицебронъ, какъ мы видѣли, учитъ, что самобытная субстанція недѣлима—объ этомъ свойствѣ ея, необходимо вытекающемъ изъ основныхъ принциповъ пантеизма, Спиноза ясно говоритъ въ 13-ой теоремѣ, первой части своей «Этики». (*Substantia absolute infinita est indivisibilis*). Оба—Авицебронъ и Спиноза—не доказываютъ существованія этой суб-

* Fons vitae, I, 1—2; сравня Spinoza, Ethica, Pars IV, prop. LXXIII.

** Graetz, Geschichte der Juden, B. VI, cap. II.

*** Spinoza, Ethica, Pars II, Prop. I, 2.

станціи, ибо, по ученію одного, все живетъ въ Богѣ, а по ученію другаго—*ad naturam substantiae pertinet existere* (*Ethica I, Prop VII*). Эти и другія возможные аналогіи даютъ намъ право считать Ибнъ-Гебиरोля однимъ изъ еврейскихъ предшественниковъ Спинозы. Въ младенческомъ лепетѣ Ибнъ-Гебиролевскаго пантеизма можно разслышать отрывки тѣхъ основоположеній, которыя съ такою математическою ясностью и краткостью были развиты Спинозою.

Другимъ предшественникомъ Спинозы (какъ мы уже сказали выше), предшественникомъ по библейской критикѣ, долженъ быть признанъ знаменитый *Abraham ben Meir ibn Ezra* (род. 1088, ум. 1167), которому, къ несчастью, не суждено было дать полное и всестороннее развитіе своимъ рѣдкимъ способностямъ. Экзегетическія работы Ибнъ-Эзры свидѣтельствуя о необыкновенной пронизательности его критическаго генія, объ его громадной начитанности и рѣдкой, умственной независимости *. Его комментаріи къ Пятикнижію блестяще остроуміемъ, пластичностью изложенія и замѣчательною силою обобщенія. Поэтъ, астрономъ, математикъ и экзегетъ, Ибнъ-Эзра исполненъ многихъ противорѣчій. Онъ то скептикъ, критикующій нѣкоторыя основы вѣры, то мистикъ, вѣрующій въ вліяніе созвѣздіи на жизнь людей и благовѣрно преклоняющійся предъ признанными авторитетами. Величайшая заслуга Ибнъ-Эзры — возведеніе библейской экзегетики на степень науки съ опредѣленными основаніями **

Если вліяніе Ибнъ-Эзры на Спинозу довольно незначительно, то вліяніе Маймонида, какъ на его философскую систему, такъ и на его богословско-критическіе взгляды было несомнѣнно очень серьезно. Нужно согласиться съ Іозелемъ, что нѣкоторыя главы «Богословско-Политическаго

* Въ „Теологико-Политическомъ Трактатѣ“ (глава VIII) Спиноза называетъ Ибнъ Эзру „человѣкомъ свободнаго ума и не малой учености“, хотя и упрекаетъ его въ томъ, что онъ свое критическое отношеніе къ Библии драпируетъ въ робкія, темныя выраженія.

** Graetz, B. VI cap. VII и Cassel, Lehrbuch der jüdischen Geschichte und Litteratur, с. p. 301.

Трактата» не были бы мыслимы безъ Маймонида и его продолжателей *. Маймонидъ родился 30-го марта 1134-го года. Первые шаги по пути умственного развитія сдѣланы имъ отчасти подъ руководствомъ своего отца, Маймона бенъ-Іосифа, отчасти мохамеданскихъ ученыхъ. Знаменитый кордовскій мыслитель соединялъ въ себѣ неустранимость убѣжденного человѣка съ какою-то глубоко религіозною покорностью. Его испытующая мысль то облетаетъ съ орлиною быстротою безконечныя пространства небесной лазури, то, пораженная величіемъ и нѣмою загадочностью мірозданія, испуганно прячется въ глубь религіознаго смиренія и неисчерпаемой вѣры въ всемогущаго Іегову. Въ Маймонидѣ нѣтъ задора Ибнъ-Эвры: строго онъ относится только къ себѣ. Чужіе недостатки и проступки онъ умѣлъ *понимать* и извинять. Вся Маймонида непоколебима, и его рука всегда готова сдѣлать то, что призналъ его умъ. Примиреніе религіи предковъ съ философіей—вотъ задача, которую поставилъ себѣ авторъ безсмертнаго «Moreh Nebuchim». Уже на двадцать третьемъ году своей жизни онъ принимается за работу, «свидѣтельствующую, говоря словами Гретца, о величіи и смѣлости его духа» (т. VI, глава X),—за самостоятельное истолкованіе Мишны. Въ этомъ своемъ трудѣ (Sirag) Маймонидъ съ рѣдкимъ умѣньемъ соединяетъ въ одну тѣсно-сомкнутую организацію самыя разрозненныя и разбросанныя основы религіи. Sirag—первая истинно научная обработка талмуда. Но уже и въ этой первой своей литературной работѣ Маймонидъ становится на совершенно ненадежную почву примиренія іудаизма съ философіей Аристотеля и арабовъ. Крескасъ былъ правъ, когда нападалъ на Маймонида за его желаніе во что бы то ни стало соединить двѣ различныя по духу и складу системы—іудаистическую и эллинскую: систему откровенія и систему языческаго натурализма. Сдѣлать эллинизмъ мѣриломъ внутренней цѣнности мозаизма было, конечно, погрѣшностью, и исправленіе ея дѣлаетъ большую честь философской проникательности Хасдаи Крескаса, громко ратававшего за самобытное развитіе основ-

* Joël, Spinoza's theologisch-polit. Traktat auf seine Quellen geprüft.

ныхъ началъ іудаизма. Разоблачить въ XIV вѣкѣ недостатки Аристотелевской философіи, показать, какъ мало общаго она имѣетъ съ духомъ еврейской религіи—значило освободить іудаизмъ отъ тѣхъ путей, которые тормозили его развитіе. Если Маймонида далеко оставляетъ за собою Крескаса обширностью своихъ познаній, гениальною дискурсивностью своего ума, то онъ несомнѣнно уступаетъ ему въ оригинальности сужденій, въ умѣннн изслѣдовать всякое явленіе, не выходя изъ рамокъ, обозначенныхъ его естественными, врожденными особенностями.

Черезъ 12 лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ Sirag'a появилось второе сочиненіе Маймонида, посвященное тому же предмету. Въ этомъ сочиненіи пестрый, талмудическій матеріалъ, очищенный отъ обременительнаго шлака и подвергнутый строго научной дисциплинѣ, располагается въ правильные, логическіе ряды, объединенные общимъ философскимъ основаніемъ и общей нравственною цѣлью. Маймонида возводитъ занятіе науками и философіей на степень религіозной заслуги. Онъ говоритъ, что изученіе метафизики равно изученію талмуда, что, какъ то, такъ и другое, возвышаетъ и совершенствуетъ человѣка въ одинаковой степени. Въ этомъ его сочиненіи мы находимъ также ученіе о безсмертіи души, въ которое еврейскій мыслитель влагаетъ глубокій философскій смыслъ. Не всякая душа бессмертна. Только та вѣчна, которая постоянно упражняется въ дѣлахъ высокой нравственности, которая, отвлекаясь отъ конечнаго и переходящаго, занимается изученіемъ вѣчныхъ законовъ бытія и созерцаніемъ верховнаго существа, управляющаго вселенной. Такая душа никогда не умираетъ и живымъ примѣромъ, живымъ урокомъ, изъ вѣка въ вѣкъ, стоитъ предъ мыслящими поколѣніями. Словомъ, только подвизаясь на аренѣ добродѣтели, человѣкъ приобретаетъ безсмертіе, т. е. вѣчное блаженство. Понимая такимъ образомъ безсмертіе души, Маймонида, логическимъ образомъ, проводитъ рѣзкую раздѣльную черту между двумя идеями, слившимися въ народной фантазіи: идеею о воскресеніи и идеею о пришествіи Мессіи. Въ идеѣ о пришествіи Мессіи нѣтъ ничего религіознаго—это вѣра въ политическое возрожденіе еврейскаго народа. Будетъ день, и отпрыскъ колѣна Давидова явится во славу нравственныхъ совершенствъ

и великой любви къ Иеговѣ. Этотъ потомокъ Давида соединить разрозненные силы еврейскаго народа, онъ вдохнетъ въ объединенный народъ отвагу, ополчитъ его руку мечемъ и поведетъ его въ св. Землю. Сказаніе о томъ, что съ пришествіемъ Мессіи овцы и волки будутъ пастись на одномъ лугу Маймонидъ считаетъ метафорическимъ изображеніемъ мира, обезпеченнаго бдительнымъ блюстителемъ законодательной власти (Hilchot Melachim 11, 12).

Около 1190-го года Маймонидъ окончилъ главное свое сочиненію «Moreh Nebuchim», въ которомъ его религиозно-философскія воззрѣнія получили такое полное и блестящее выраженіе. Moreh Nebuchim, подобно знаменитому родосскому колоссу, стоитъ на двухъ противоположныхъ основаніяхъ: на арабо-аристотелевской философіи и на іудаизмѣ. Какъ мы уже сказали выше, авторъ «Руководителя» примиряетъ языческую философію съ іудаизмомъ въ виду того, что оба отправляются изъ одной, будто бы, точки къ единой для нихъ цѣли. Философія учитъ, говоритъ Маймонидъ, что единый Богъ—виждитель и двигатель вселенной,—тому-же учитъ и талмудъ. Для философіи духовное совершенство—высшая цѣль человѣка, тому же вразумляетъ и іудаизмъ. И такъ, если философія и іудаизмъ совпадаютъ въ своихъ основаніяхъ и конечныхъ цѣляхъ, то они должны совпадать и въ остальныхъ частяхъ. Истина, добытая умомъ, *не можетъ* противорѣчить тому, что возвѣщено самимъ Богомъ съ высотъ Синая. Въ «Руководствѣ» говорится, что Богъ есть необходимая и первая причина всего сущаго. Хотя Богу и свойственно неизмѣримое обиліе совершенствъ, мы, однако, не должны приписывать Ему какія бы то ни было *качества*, которыя, какъ таковыя, были бы отрицаніемъ Его безконечности и безусловности *. Богъ движетъ всѣмъ, но Онъ самъ недвижимъ и никакимъ измѣненіямъ не подверженъ. Человѣкъ состоитъ изъ матеріи и духа. Матерія—это принципъ зла, духъ—добра. Духъ, или разумъ, указываетъ человѣку вѣрные пути къ блаженству и счастью. Путемъ добродѣтельной, т. е. разум-

* Положеніе это очень близко напоминаетъ знаменитое „Omnis determinatio est negatio“ Спинозы.

ной жизни, человекъ можетъ стяжать для души своей безсмертіе, а порочною, неразумною жизнью повергаетъ свою душу въ пучину зла, въ бездну грубой и смертной плоти. Сподобившійся непосредственнаго созерцанія Бога Моисей—пророкъ надъ пророками. Врученныя ему Богомъ заповѣди непрекаемы и священны. Сыны Израиля должны хранить Тору, какъ зѣницу ока, ибо цѣль ея дать истинное представленіе о Богѣ, объ Его отношеніяхъ къ міру, обучать добродѣтели и искоренять превратныя понятія и пороки *.

Таковъ въ краткихъ чертахъ духъ Маймонидовой философіи, произведшей цѣлый переворотъ не только въ умственной жизни испанскихъ евреевъ, но и во всей средневѣковой философіи. Въ ученіи Маймонида разумъ впервые провозглашается важнѣйшимъ руководителемъ человека, съ характернымъ для своего времени поясненіемъ: онъ—разумъ—не можетъ противорѣчить откровенію. Однако ни это прибавленіе, ни почти рабское поклоненіе Маймонида философіи Аристотеля не отнимаютъ у него заслуги одного изъ первыхъ носителей рационализма. На туманномъ небосклонѣ средневѣковой схоластики ученіе Маймонида блеснуло молніей—предвѣстницей той неизбежной грозы, которую черезъ нѣсколько столѣтій должно было вызвать полное торжество разума **.

При изученіи «Теологико-Политическаго Трактата» мы уви-

* Moreh Nebuchcin, II, 4b.

** Умеръ Маймонидъ 13-го декабря 1204 г. въ Канфъ. Черезъ 50 лѣтъ послѣ его смерти Moreh Nebuchim было переведено на латинскій языкъ. Вліяніе Маймонида простирается на новыя и даже новѣйшія вѣка. Въ 1861 году Фусе де-Карейль нашелъ въ ганноверской библіотекѣ тетрадь, заключающую въ себѣ писаніе рукой Лейбница отрывки изъ латинскаго перевода „Руководителя“. На поляхъ тетради Лейбницъ называетъ Маймонида знатокомъ философіи, математики, медицины и св. Писанія. Часть „Теодицеи“, трактующая о происхожденіи зла, написана Лейбницемъ подъ вліяніемъ Маймонида. Мункъ полагаетъ, что и ученіе о монадахъ не свободно отъ вліянія Маймонида. Іозъ въ ученіи Канта о совершенныхъ свойствахъ Бога, объ интуитивномъ воспріятіи усматриваетъ посредственное знакомство его съ Маймонидомъ (Joël, Ueber den wissenschaftlichen Einfluss des Judenthums). Гегель былъ также знакомъ съ Маймонидомъ. (см. его Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie).

димъ, какъ серьезно было вліяніе Маймонида на амстердамскаго философа.

Чтобы покончить съ предшественниками Спинозы, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о донѣ Хасдаи Крескасѣ (род. 1340, ум. 1410), пережившемъ ужасный для испанскихъ евреевъ 1391 годъ. Крескасъ написалъ нѣсколько сочиненій; главное изъ нихъ — *Or Adonai*. Въ этомъ сочиненіи оригинальный философъ излагаетъ свои мысли, внушенныя ему глубокимъ знаніемъ догматовъ іудаизма, библии и талмуда. Крескасъ обрушивается на Маймонида за его пристрастіе къ языческимъ ученіямъ, за его желаніе примирить непримиримое, приблизить другъ къ другу два противоположныхъ полюса.

Богъ всемогущъ и всезнающъ—учить Крескасъ. Онъ управляетъ вселенной, предназначаетъ для ея развитія пути и направленія. Человѣкъ не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ — его воля подчинена опредѣленнымъ законамъ. Стремясь къ познанію Бога, человѣкъ достигаетъ высшей ступени совершенства. Но для познанія Бога недостаточно одно теоретическое развитіе, т. е. недостаточно то средство, которое рекомендуетъ Маймонидъ. Любовь — вотъ, что знакомитъ насъ съ Богомъ, вотъ что даетъ намъ высшее совершенство, высшее благо на землѣ (*Or Adonai* II, 6, 1). Изъ *Or Adonai* Хасдаи Крескаса Барухъ Спиноза заимствовалъ нѣкоторые тезисы для двухъ крупнѣйшихъ своихъ сочиненій «Теологико-Политическаго Трактата» и «Этики» *. Но не слѣдуетъ забывать, что въ промежуточный періодъ между Крескасомъ и Спинозою какъ чиста отвлеченное мышленіе, такъ и точныя науки значительно подвинулись впередъ, что и дало возможность послѣднему развитъ свои положенія съ большею полнотою и ясностью.

Шагъ отъ Крескаса—наиболѣе самостоятельнаго и глубокаго между философами 14-го вѣка—къ Спинозѣ—это переходъ отъ религіозно-догматической философіи къ строго раціоналистическому пониманію вселенной и законовъ, ея управляющихъ.

* Что Спиноза былъ знакомъ съ трактатомъ Крескаса, видно изъ его письма къ издавшему впоследствии его сочиненія, Л. Мейеру (XXIX), въ которомъ онъ прямо на него указываетъ.

Многіе выводы Крескаса—плоды благоговѣйнаго проникновенія въ сокровенныя тайны іудаизма. Печать религіознаго вдохновенія лежитъ на всемъ его *Op Adonai*. Руководимый религіознымъ чувствомъ, Крескасъ свои философскія размышленія постоянно замыкаетъ въ рамки традиціоннаго ученія. Сквозь ученіе Моисея, какъ сквозь призму, онъ взираетъ на все мірозданіе. Пантеизмъ Крескаса, отрывочный, но всегда глубокій, имѣетъ свои опредѣленныя границы: онъ очерченъ буквою Моисеева закона. Этотъ, такъ сказать, вѣроисповѣдный пантеизмъ въ рукахъ Спинозы развертывается въ стройную систему, свободную отъ всякой національной окраски. Чтобы объять вселенную въ ея цѣломъ, Крескасу достаточно подняться на однѣ только библейскія вершины. Съ этихъ вершинъ онъ устремляетъ свои взоры въ безконечную перспективу безчисленныхъ міровъ, за грани видимыхъ горизонтовъ въ необъемлемую ширь божественнаго всемогущества. Для Спинозы-же созерцаніе мірозданія съ религіозныхъ высотъ рѣшительно невозможно. Для философскаго созерцанія ему необходимъ вольный просторъ свободной мысли, просторъ, ничѣмъ не ограниченный и никакими догматами не стѣсненный.

Твердою рѣшимостью Спинозы отдѣлить разъ навсегда религію отъ философіи и объясняются многія погрѣшности «Телологико-политическаго трактата». Но эти «догматическія» погрѣшности не даютъ еще права утверждать, что Спиноза подкапывался подъ зданіе іудаизма. Еще въ молодые годы, повѣствуетъ Гретцъ, знаменитый философъ изучилъ основательно, отчасти подъ руководствомъ Саула Мортейры, отчасти безъ всякаго руководства, Талмудъ, Каббалу, произведенія Ибнъ-Эары, Моисея Маймонида, Хасдаи Крескаса и др. *. Но чѣмъ больше, продолжаетъ историкъ, молодой философъ просвѣщался разнообразными знаніями, тѣмъ больше и больше онъ терялъ подъ собою родную почву, и вовсе не требовалось романическаго увлеченія ученою дочерью фанъ-денъ-Энзе для того, чтобы связь его съ еврействомъ порвалась. Мы думаемъ, что связь свою съ юдаизмомъ Спиноза увѣковѣчилъ въ своей «Этикѣ»,

* Graetz, т. X.

этомъ замѣчательномъ истолкователѣ идеи единобожія. По духу монотеизма міръ пребываетъ и всегда пребывалъ въ Богѣ *. Это монотеистическое начало есть также основной принципъ пантеизма Спинозы **. По истинно-пантеистическому возрѣнію весь міръ—произведеніе Бога, или Богъ есть *fons immanens* всего міра. Но это пантеистическое начало есть вмѣстѣ съ тѣмъ и библейское. Между философіей Спинозы и религіей Моисея связь *логическая*, а не *формальная*. Что же касается теологической критики Спинозы, то она только продолженіе тѣхъ религіозно-философскихъ работъ, которыя начаты были съ такимъ успѣхомъ Ибнъ-Эзрою, Маймонидомъ и другими еврейскими мыслителями. Духъ высокой терпимости, проникающій все ученіе Моисея, не даетъ намъ никакого права считать ересью всякое здравое отношеніе къ основамъ нашей вѣры, всякое желаніе подвергнуть серьезному, критическому испытанію весь Ветхій Заветъ. Даже кодексы дѣйствующихъ *правовыхъ* началъ, руководящихъ практическою жизнью общества, не боятся критики и «пересмотровъ». И это понятно: всякій пересмотръ такого кодекса влечетъ за собою необходимую перемѣну во *внѣшнемъ*, социальномъ быту общества, перемѣну, отвѣчающую развивающимся и расширяющимся потребностямъ цѣлаго государства. Библия не есть только кодексъ дѣйствующихъ законовъ: она скорѣе космогоническая система, развертывающая предъ нами картину возникновенія міра, великая космогоническая система, созданная народнымъ геніемъ, народнымъ воображеніемъ, и какъ все, имѣющее источникомъ народное творчество, проникнута высокой моральной тенденціей. Какому бы анализу вы ни подвергали эту систему, вы все таки не освободитесь отъ чувства благоговѣнія къ ней. Никакія научныя открытія не уничтожаютъ того чисто поэтическаго волненія, которое овладѣваетъ человѣкомъ при созерцаніи окружающей его природы. Больше того—наука, срывающая завѣсу съ

* Die Uebereinstimmung Spinoza's philosophischen Glaubens mit der monoth. Lehre des Judenthums (Populär-Wissenschaft. Monatsblätter, 1883, № 2).

** Ethica, Pars I prop. XVII—Deus est omnium rerum causa immanens, non vero transiens.

однѣхъ тайнъ природы и умолкающая предъ другими, только усугубляетъ это волненіе. Пусть на нашъ субъективный взглядъ данныя явленія въ природѣ непонятны, но развѣ отъ этого умалется наше восхищеніе *всєю* природою? Пусть въ Библии есть мѣста, проникнутыя на нашъ взглядъ противорѣчіями, мѣста непонятныя и необъяснимыя, но развѣ отъ этого Библия теряетъ свое значеніе наставницы нашего нравственно-религіознаго я? Никакая критика Ветхаго Завѣта не можетъ быть приравнена къ подкопу подъ зданіе іудаизма, ибо это зданіе нерушимо опирается на тысячелѣтія плодотворной національной работы, на неоскудѣвающее духовное сознаніе еврейскаго народа.

Мы указали на нѣсколько именъ, которыхъ не слѣдуетъ забывать при изученіи Спинозы *. Являясь во многихъ отношеніяхъ продолжателемъ Ибнъ-Эзры, Маймонида и др., Спиноза вездѣ сохраняетъ свою оригинальность и самостоятельность. Отрывочныя, случайныя замѣчанія средневѣковыхъ философовъ имъ оформлены въ цѣльную, критико-богословскую систему. Случайный, какъ бы невольный, пантеизмъ Крескаса и Ибнъ-Гебириля по мановенію его руки вырастаетъ въ несокрушимую метафизическую твердыню, въ живое изваяніе могучей философской думы.

Спиноза всю свою жизнь оставался истиннымъ евреемъ, т. е. вѣрнымъ сыномъ своего народа — не наружно, а внутренно, не по «буквѣ», а «по духу» и «похвала ему не отъ людей, а отъ Бога».

I.

Въ первой главѣ «Теологико-Политическаго Трактата» ясно обозначались какъ слѣды вліянія Moreh Nebuchim, такъ и са-

* Въ качествѣ экзегета имѣлъ на Спинозу вліяніе и знаменитый Леви бенъ Герсонъ (Герсоидъ). Основательно замѣчаетъ Іоэль (Spinozas theologischer polit. Tractat auf seine Quellen gerührt, стр. 16), что библейская критика Герсонда только дополняетъ критику Маймонида. Спиноза также рассматриваетъ обѣ эти критики, какъ одну.

На связь философіи Спинозы съ арабо-испанской философіей указываетъ Кузенъ (Histoire générale de Philosophie). Un mot explique Spinoza — il est juif—замѣчаетъ французскій профессоръ.

мость и независимость Спинозы. Для Маймонида библейское пророчество фактъ жизненный, неоспоримый, такъ сказать, *историческій*. Спиноза говоритъ о пророчествѣ, какъ о *фактѣ библейскомъ*. Для воспитаннаго на греческой философіи Маймонида пророчество возможно и въ будущемъ — когда духъ Израиля, освободившись отъ угнетающаго его ярма, воспрянетъ и вознесется туда, гдѣ всевластная рука куеетъ основанія всего сущаго. Авторъ безсмертнаго Moreh Nebuchim считаетъ прорицаніе способностью, присущею человѣческой натурѣ, способностью, въ которой нѣтъ ничего сверхъестественнаго *. Спиноза, напротивъ, отказывается дать какое нибудь объективное объясненіе библейскимъ прорицаніямъ, ибо, говоритъ онъ, что можемъ мы сказать объ явленіяхъ, постичь которыя нашъ ограниченный умъ рѣшительно не можетъ? **. По Маймониду три ступени ведутъ къ пророческому дару: совершенство духа, совершенство фантазіи и чистота нравовъ, или нравственная безупречность ***. Спиноза, съ своей стороны, всячески старается установить на самыхъ точныхъ и опредѣленныхъ основаніяхъ разницу между пророчествомъ — явленіемъ сверхъестественнымъ — и правильно дѣятельностью развитаго человѣческаго ума. Мудрецъ и пророкъ не одно и тоже. Глубина духа, по его мнѣнію, могла отсутствовать въ пророкахъ †. «Мудрѣйшіе мужи, — говоритъ Спиноза, — Геманъ, Дарда, Кальхоль не были пророками, а какая нибудь прислужница Авраама, Агарь, была одарена способностью къ прорицанію» †*. Въ началѣ первой главы своего «Трактата» Спиноза (вслѣдъ за Маймонидомъ) говоритъ о необходимости осторожно относиться къ вопросу о библейскихъ откровеніяхъ. Дѣло вотъ въ чемъ.

* Moreh II, 32.

** Tractatus Theologico-Politicus I. Nam quid de rebus limites nostri intellectus excedentibus dicere possumus praeter id, quod ex ipsis prophetis ore vel scriptis traditur.

*** Moreh, II, 36.

† Т. Р. Т. II.

†* Prudentissimi etiam Heman, Darda, Kalchol prophetae non fuerunt et contra homines rustici et extra omnem disciplinam immo muliesculae etiam ut Hagar, ancilla Abrahami, dono prophetico fuerunt praeditae. Т. II.

Каждое явленіе имѣетъ свою причину; эта причина, съ своей стороны, обусловлена другою, другая третьей и т. д. Восходя отъ одной причины къ другой, мы, наконецъ, приходимъ къ причинѣ всѣхъ причинъ, къ источнику вселенной, къ Богу. Благочестіе, или религиозное смиреніе, побуждаетъ каждого еврея, миновавъ всю эту безконечную лѣстницу посредствующихъ, промежуточныхъ причинъ, все возводить къ Богу—т. е. къ первой и основной причинѣ *. Если торговый оборотъ разрѣшается удачно, еврей говоритъ, что Богъ послалъ ему удачу; если еврей пожелаетъ чего нибудь, онъ говоритъ, что Богъ положилъ ему на душу и т. д. Эту особенность еврейскаго народнаго ума не слѣдуетъ забывать, когда рѣчь идетъ о библейскихъ откровеніяхъ. «Обращаясь къ священному Писанію,—говоритъ Спиноза,—мы видимъ, что форма всѣхъ божественныхъ откровеній—либо слова, либо видѣнія, либо то и другое вмѣстѣ. Пророкъ то дѣйствительно слышитъ слова откровенія, то только воображаетъ, что слышитъ, ибо въ минуты бодрствованія фантазія его такъ настроена, что ему можетъ казаться, что онъ слышитъ голосъ, или что-то видитъ». ** Moreh Nebuchim, отправляясь изъ языческаго натурализма, рѣшительно отвергаетъ дѣйствительность, фактичность всѣхъ тѣхъ видѣній, которыя открывались пророкамъ ***. По ученію Маймонида Богъ и ангелъ безтѣлесны и потому невидимы. Видѣнія пророка суть созданія его творческой фантазіи—не больше. Авторъ «Теологико-Политическаго Трактата» и Маймонидъ считаютъ необходимымъ указать на различіе между Моисеемъ и другими пророками—одинъ догматически, другой рационалистически. Только одному Моисею, говоритъ Спиноза, дано говорить непосредственно съ Всевышнимъ и слышать *на яву* Его голосъ. Не дано было ему только созерцать Ликъ Божій, ибо сказано: «Не можешь видѣть Лица Моего, такъ какъ человѣкъ не мо-

* Tract. T. P. I.

** Tract. I Verba vero et etiam figurae vel verae fuerunt et extra imaginationem prophetae audientis seu videntis, vel imaginariae, qui nimirum prophetae imaginatio etiam vigilando ita disponebatur, ut sibi clare videretur verba audire, aut aliquid videre.

*** Joel, Der theol. polit. Tract. auf seine Quellen geprüft, стр. 21.

жить увидѣть Меня и остаться въ живыхъ» (Исходъ XXXIII ст. 20). Опираясь на слова св. Писанія («если бываетъ у васъ пророкъ Господень, то Я открываюсь ему въ видѣніи, во *снѣ* говорю съ нимъ; но не такъ съ рабомъ моимъ Моисеемъ: устами къ устами говорю съ нимъ, и явно, а не въ загадкахъ»), Майменидъ философскимъ образомъ старается объяснить отличительныя особенности Моисея, какъ пророка *. Духомъ, а не фантазіей, учить «Руководитель», Моисей познаетъ желанія Бога, Его мысли и велѣнія **. Потому-то Моисей не закутываетъ своихъ прорицаній въ уворчатую ткань поэтическихъ иносказаній; его духовное око видитъ будущее неприкрашенное, дѣйствительное, а не воображаемое. «По мнѣнію нѣкоторыхъ,—говоритъ Спиноза,—Богъ не произносилъ 10 заповѣдей—народъ Израильскій слышалъ громъ, а не слова и чистымъ разумомъ позналъ смыслъ 10 заповѣдей. И я прежде такъ думалъ, ибо текстъ заповѣдей во второй книгѣ Моисея отличенъ отъ текста заповѣдей въ пятой книгѣ,—а такъ какъ Богъ изрекалъ заповѣди только однажды, то, по сему, 10 заповѣдей должны бы быть не подлинными словами Бога, а только выраженіемъ Его воли» ***. «Но чтобы не насиловать Библии, нужно сказать,—продолжаетъ Спиноза,—что Израиль дѣйствительно слышалъ *голосъ* Бога, ибо въ 5-й главѣ второзаконія сказано: «*Лицомъ къ лицу говорилъ Господь съ вами на горѣ изъ пламени*». Оставаясь въ рамкахъ религіозныхъ сказаній, Спиноза естественно допускаетъ, что Иегова имѣетъ опредѣленную форму. Заповѣди Моисея не повелѣваютъ считать Бога безтѣлеснымъ, лишеннымъ всякихъ очертаній. Онѣ воспрепятствуютъ только изображать Его въ *осязаемыхъ* формахъ (Исходъ глава XXXIII, стр. 20), дабы человекъ не «сотворилъ себѣ кумира» †. Немного ниже Спиноза возстаетъ противъ Май-

* Ibid. стр. 24.

** Moreh, II, 47.

*** Tract. I.

† Tract. I. *Lex Mosi revelata cui nihil adere, nihil adimere licebat, nunquam praecipit, ut credamus Deum esse incorporeum, sed tantum Deum esse eique credere eunque solum adorare. A cujus cultu ne discederent, praecipit, ne ei aliquam imaginem affingerent nee ullam facerent...*

мониды и другихъ, которые утверждали, что ангелы являлись Давиду, Валааму и др. только во снѣ, что явленіе ангеловъ, какъ и явленіе Иеговы созданіе воображенія, или аллегорія, требующая истолкованія. Маймонидъ, въ катурнахъ языческаго натурализма, не можетъ допустить того, что противно его здравому разсудку. Пророки были люди, и, слѣдовательно, они не могли видѣть того, что невидимо для обыкновеннаго смертнаго. Скажутъ, что они прорицатели — но Маймонидъ не останавливается предъ тѣмъ, чтобы допустить, что способность предвосхищать и прозрѣвать присуща каждому человѣку—въ большей, или меньшей степени. Эта способность,—поясняетъ авторъ «Руководителя»,—обнаруживается обыкновенно по отношенію къ предметамъ, насъ сильно волнующимъ и занимающимъ *. Кромѣ способности «предвосхищать», человѣку свойственна еще способность непосредственно, безъ предварительнаго анализа и изслѣдованія, схватывать или познавать суть той или другой вещи. Обѣ эти способности, по ученію Маймонида, создаютъ пророческій даръ. И такъ, пророки ветхозавѣтные—люди рѣдкихъ и замѣчательныхъ духовныхъ дарованій, и Библия—книга, которую должно изучать при дневномъ свѣтѣ философской критики.

Спиноза, напротивъ того, думаетъ, что трактовать предметы вѣры при помощи данныхъ, заимствованныхъ изъ области философіи, рѣшительно невозможно. Изъ натурализма древнихъ грековъ не могли родиться необходимыя человѣку «повелительныя» и «авторитетныя» нравственно-религіозныя правила. Въ поклоненіи природѣ, созерцаніи естественныхъ силъ вселенной нельзя почерпнуть истинную мораль: естественная религія, какъ это доказала наглядно исторія, не есть воспитательница кротости и смиренія, любви и справедливости. Авторитетная, повелительная и потому *обязательная* для всѣхъ мораль существуетъ только съ того времени, когда божественное откровеніе впервые изрекло свою волю. Только съ этого времени нравственные принципы становятся «всеобщими» и «необходимыми». Въ Греціи не было нравственныхъ «правилъ», не

* Meresh, II, 38.

смотря на всю высоту ея культурнаго развитія — не было потому, что греки не возвысились до откровенія, которое одно только и могло сдѣлать великія разума *обязательными* нормами. *Фактъ* откровенія есть величайшее торжество правды и справедливости надъ неправдой и дикою силою, — уравнение всѣхъ, и слабыхъ и сильныхъ, и раба и господина, предъ лицомъ божественнаго закона. Такъ понимать библейское откровеніе — значить, на нашъ взглядъ, *истинно* философски понять тотъ переломъ въ жизни человѣчества, который совершился подъ влияніемъ Ветхаго Завѣта. Библейское откровеніе есть фактъ неоспоримый — таковъ основной догматъ еврейской религіи. Поэтому все, имѣющее отношеніе, посредственное, или непосредственное, къ этому основному догмату, должно быть выяснено и освѣщено только на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя мы находимъ въ самой Библии.

Такъ именно поступаетъ авторъ «Теологико-политическаго трактата». Библейскіе факты, имѣющіе какое либо отношеніе къ основамъ вѣры, онъ кладетъ въ основаніе всѣхъ своихъ сужденій — *implicite*, не соображаясь съ тѣмъ, объяснимы ли эти факты при помощи обыкновенныхъ естественныхъ средствъ (*luminis naturalis*), или нѣтъ *. Примиреніе съ фактами, какъ доказуемыми, такъ и недоказуемыми — основной принципъ критическихъ приемовъ Спинозы, въ которомъ рельефно обнаружился возвышенный, истинно-религіозный піетизмъ знаменитаго философа. Отрицать библейскіе факты значить, въ глазахъ философа, ломать старое зданіе, не имѣя матеріала для возведенія новаго, значить легкомысленно терять руководящую нить на темномъ бездорожьи доисторической старины. Критика вѣры должна *не оспаривать, не отрицать* факты, а освѣщать ихъ, выводить изъ нихъ всѣ необходимыя слѣдствія. Только при такомъ отношеніи къ своей задачѣ, критика способна будетъ освѣтить интересующую ее эпоху — не только ея религіозную сторону, но даже и политическій бытъ ея.

Имѣя въ виду прямой смыслъ, букву Ветхаго Завѣта, Спиноза съ текстомъ Библии въ рукахъ доказываетъ, что ангелы

* Tract. theol. pol. глава VI.

не во снѣ только, но и на яву открывались древнимъ іудеямъ. Изучая Библию, это дивное произведеніе, которое поражаетъ васъ одновременно исполинскою мощью цѣлаго и тонкою колоритностью отдѣльныхъ частей, не слѣдуетъ забывать, что вся эта пестрѣющая масса красокъ и сравненій, имѣетъ опредѣленное значеніе, свой *педагогическій* *raison d'être*. Спиноза много разъ настаиваетъ на педагогическомъ смыслѣ библейской поэзіи. Библия не философское сочиненіе, а учебникъ морали, благочестія и смиренія, и потому въ ней допустимо все то, что усиливаетъ впечатлѣніе на душу, что превращаетъ отвлеченныя нравственныя понятія въ живыя, нравоучительныя картины—въ наглядные образы. Мораль имѣетъ своимъ первымъ источникомъ откровеніе, философія — разумъ. Зданіе морали должно внушать благоговѣніе, зданіе философіи должно быть стройно и логично. И дѣйствительно, философское зданіе, высѣченное Спинозою изъ чистой, отвлеченной мысли, не блещетъ архитектурными красотою, не убрано грандіозно-величественными фигурами—красота его въ неуязвимой логикѣ и послѣдовательности частей, въ сжатой выразительности очертаній, въ строгой цѣльности и законченности плана. И такъ, что такое пророчество съ точки зрѣнія Спинозы? Слѣдуя разъ усвоенному методу, Спиноза видитъ въ пророчествѣ проводникъ божественнаго откровенія, въ пророкахъ—орудія божественной воли. Черезъ пророковъ Іегова указывалъ грѣшному народу пути къ нравственному спасенію. Освѣщаемые божественною благодатью, пророки являются единными правдивыми толкователями воли божьей, священными сосудами духа кротости и смиренія. Спиноза многократно подчеркиваетъ свою мысль, что у пророковъ мы можемъ научиться только нравственности и кротости. Теперь спрашивается, что даетъ пророкамъ увѣренность въ томъ, что въ извѣстныя минуты они имѣютъ дѣло съ божественнымъ видѣніемъ? Чтобы увѣровать въ видѣніе, говоритъ Спиноза, пророки всегда спрашиваютъ себѣ какое-нибудь знаменіе. Когда къ Гедеону явился ангелъ Господень и сказалъ ему: «Господь съ тобою, сильный крѣпостью, иди и спаси Израиля отъ руки мидіанитянъ, я посылаю тебя»—Гедеонъ отвѣтилъ: «Если я обрѣлъ бла-

годать предъ очами Твоими, то покажи мнѣ знаменіе, что Ты говоришь со мною: не уходи отсюда, доколѣ Я не приду къ тебѣ и не принесу дара Моего и не предложу тебѣ». И сказалъ Онъ: Я останусь до возвращенія твоего.

Видѣніе открываетъ пророку картину будущаго. Было слово Господа къ Аврааму: «Я, Господь, который вывелъ тебя изъ Ура халдейскаго, чтобы дать тебѣ эту землю во владѣніе». Авраамъ, услышавъ гласъ видѣнія, сказалъ: «Владыко Господи! почему мнѣ узнать, что я буду владѣть ею?» И Онъ сказалъ ему: «Возьми мнѣ трехлѣтнюю телицу, трехлѣтнюю козу, трехлѣтняго барана, и горлицу и молодого голубя и т. д.» (Бытіе, XV, 7—9). Однако, еслибъ возсталъ среди народа израильскаго пророкъ или ясновидецъ, который при помощи знаменій и чудесъ сталъ бы свращать его къ новымъ богамъ, то «не слушай словъ этого пророка, или этого ясновидца; потому что этимъ искушаетъ васъ Господь, Богъ вашъ, чтобы узнать, любите ли вы Господа отъ всего сердца и отъ всей души», «а пророка того, или ясновидца должно предать смерти за то, что онъ говорилъ хулу на Господа» (Втор. XIII, 4, 6). Характеръ библейскихъ прорицаній всегда зависитъ отъ личныхъ особенностей пророка—его темперамента, силы воображенія и усвоенныхъ или унаслѣдованныхъ познаній и понятій. Пророкъ съ живымъ темпераментомъ вѣщаетъ всегда побѣду, миръ — все то, что такъ, или иначе служить къ подъему человѣческаго духа. Скорбный пророкъ вѣщаетъ всегда войну, разореніе и всякаго рода несчастія. Видѣнія одного пророка ясны и выразительны, видѣнія другого—замысловаты и темны; оттого одинъ пророкъ вѣщаетъ опредѣлительно и точно, а другой — загадочно и неопредѣленно. Всѣ эти соображенія Спиноза подтверждаетъ выписками изъ Библии. Пророкъ Елисей, чтобы прорицать, требуетъ къ себѣ гуслара. «И когда гусларь игралъ, тогда была на немъ (на Елисеѣ) рука Господня». «Утверждаютъ,—говоритъ Спиноза,—будто Богъ не открывался печальнымъ и гнѣвнымъ; но это невѣрно. Открылся же онъ гнѣвному на фараона Моисею, разъяренному Каину, нетерпѣливому и гнѣвному Іезекилю и погруженному въ отчаяніе Іеремію». Пророки съ значительнымъ умственнымъ развитіемъ

облекаютъ свои пророчанія обыкновенно въ самыя нѣжныя формы литературнаго краснорѣчія, пророки съ низшимъ умственнымъ цензомъ совсѣмъ не заботятся о внѣшней красотѣ своихъ пророчаній. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить пророчанія Исаи и Наума съ пророчаніями Іезекииля и Амоса.

Само собою,—для человѣка, считающаго пророковъ только учителями нравственности, не обязательно признавать за ними чисто научное всезнаніе, даръ предвосхищенія въ области чистаго отвлеченія. «Сложилось убѣжденіе, говоритъ Спиноза, что пророки знали рѣшительно все, что только доступно человѣческому уму. Если нѣкоторыя мѣста Библии явно свидѣтельствуютъ о противномъ, то многіе охотнѣе допустятъ, что эти мѣста не совсѣмъ понятны, чѣмъ примирятся съ мыслью объ ограниченности познаній пророковъ. Такъ, изъ Библии явствуетъ съ несомнѣнною очевидностью, что Іисусъ Навинъ, равно какъ и авторъ «Книги Іисуса» вѣрили, что солнце вращается вокругъ земли, что земля стоитъ неподвижно и что было время, когда и солнце стояло неподвижно» *.

Слѣдуетъ замѣтить, что уже Маймониць **, Леви бенъ Герсонъ *** и Хасдаи Крескасъ † отрицали возможность того чуда, на которое намекаетъ Спиноза, отрицали, впрочемъ, по чисто-умозрительному соображенію: имъ казалось невѣроятнымъ явленіе, нарушающее господствующій строй и порядокъ вселенной †*. Не одинъ только авторъ «Книги Іисуса», продолжаетъ Спиноза, но и Исаія и царь Соломонъ и др., по ограниченности своихъ познаній, должны были неизбѣжно впасть въ ошибки. «И въ этомъ моемъ мнѣніи, замѣчаетъ философъ, нѣтъ ничего безбожнаго, ибо и Соломонъ, и Исаія, и Іисусъ Навинъ были люди и, слѣдовательно, ничто человѣче-

* Tract. Theol. P. II.

** Moreh II, 35.

*** Ioel, Lewi ben Gerson als Religionsphilosoph. Герсонидъ говоритъ, что чудеса возможны только на землѣ, ибо небо со всеми своими свѣтилми неподвижно. Іоэль называетъ Леви бенъ Герсона копернианцемъ ante Copernicum.

† Or Adonai II, 4, cap. 3.

†* Ioel, der theol. polit. Tract. auf seine Quellen geprüft, стр. 33.

ское имъ не было чуждо», «ибо пророки возбуждаютъ къ себѣ благоговѣніе не величіемъ ума, а религіознымъ благочестіемъ и нравственною твердостью». Недостаточное умственное развитіе не даетъ пророкамъ усвоить себѣ *полное*, философское представленіе о Богѣ. «Даже Моисей, говоритъ Спиноза, величайшій между ними, не знаетъ, что Богъ всевѣдущъ, что все сущее и все, что будетъ, предопредѣлено Имъ *.

Когда Богъ сказалъ Моисею: «Поди и собери старѣйшинъ израильскихъ и скажи имъ: Господь, Богъ отцовъ вашихъ, явился мнѣ и сказалъ: Я обратилъ вниманіе на васъ и на то, что сдѣлано съ вами въ Египтѣ, Я выведу васъ отъ бѣдствія египетскаго въ землю, текущую молокомъ и медомъ и они послушаютъ голоса твоего»;—Моисей отвѣчалъ: «А если они не повѣрятъ мнѣ и не послушаютъ голоса моего? если скажутъ: не явился тебѣ Господь?» Слѣдовательно, Моисей допускаетъ, что Богъ не предопредѣляетъ, не предназначаетъ человѣческихъ дѣяній. Какъ проводникъ божественной воли, *нравственной* природы Всемогущаго, Моисей умѣлъ обозначить только *моральныя* черты Бога: милосердіе, благодать, долготерпѣливость и пр. **. Богъ открывается Моисею постоянно «милосердымъ, долготерпѣливымъ, сохраняющимъ милость въ тысячи родовъ, прощающимъ вину и преступленіе» (Исходъ, XXXIII, 6, 7). Моисей проситъ Бога, чтобы Онъ открылъ ему Свой Ликъ, на что Богъ отвѣчаетъ ему: «Ты не увидишь Лица Моего, ибо не можетъ человѣкъ видѣть Мой Ликъ и остаться въ живыхъ». Изъ этихъ словъ Моисея и Іеговы явствуетъ, во первыхъ, что для великаго пророка *видимость* Бога не была бы противорѣчіемъ *in adjecto* и, во вторыхъ, что самъ Іегова говорилъ съ пророками языкомъ господствовавшихъ понятій, такъ сказать, приравливаясь къ уровню духовнаго развитія еврейскаго народа. «Ибо не можетъ человѣкъ видѣть лицо Мое и остаться въ живыхъ»—это значить: «Я не открываюсь только потому, что *ты* не можешь видѣть Меня, а не потому, что это не свойственно Моей природѣ».

* Tract. Theol. P. II.

** Tract. II.

И такъ, Ветхій Завѣтъ есть руководитель нашей нравственной жизни, пророки—воспитатели нашихъ нравственныхъ понятій. Но освѣщая нашу нравственную жизнь, библейское откровеніе не даетъ намъ рѣшительно никакого матеріала для разрѣшенія чисто философскихъ вопросовъ,—оно ни единымъ намекомъ не стѣсняетъ нашего умственного полета и не заботится совершенно о тѣхъ путяхъ, на которыхъ мы будемъ отыскивать рѣшенія для философскихъ задачъ: оно ввѣряетъ насъ въ этомъ отношеніи силѣ и логикѣ нашего собственнаго разумѣнія.

А. Волынский.

(Продолженіе будетъ).

ВЪ ПРАЗДНИКЪ КУЩЕЙ.

Ты просишь, изъ праздничныхъ пальмовыхъ вѣтоевъ
Игрушку чтобъ сдѣлалъ тебѣ я, дитя.
Работа не трудная, милый малютка,
Ее я исполню, шутя.

Сплету я великое множество колець,
Изъ колець тѣхъ цѣпь я совью,
И эту игрушку, мой милый ребенокъ,
Надѣнь ты на шейку свою.

На вѣтвь Палестины смотря, не забудешь,
Какъ нѣкогда жилъ твой народъ;
А цѣпь тебѣ будетъ рассказывать вѣчно,
Какъ нынѣ народъ твой живетъ...

К. Гликманъ.

Н А П У Т И.

РОМАНЪ.

XXIX.

Давидъ былъ не мало удивленъ, увидя предъ собою Ясинскаго; но еще болѣе удивился, когда тотъ объявилъ, что знать, гдѣ находится Этя.

Прежде, чѣмъ рѣшиться на что нибудь, Давидъ позвалъ Ясинскаго въ домъ, чтобы узнать подробно въ чемъ дѣло. Ясинскій передалъ ему все, что онъ зналъ, и прибавилъ, что онъ бы уже давно былъ у Минкеса, если бы не надѣялся на доктора Бергофа. Но докторъ, къ несчастью, заболѣлъ, и онъ напрасно его прождалъ все утро; только когда онъ получилъ отъ него записку, то рѣшился самъ съѣздить къ Минкесу; но по дорогѣ узналъ о случившемся.

Не смотря на все нетерпѣніе Ясинскаго, во избѣжаніе еще большихъ осложненій, ничего не оставалось, какъ ждать, пока толпа не разойдется, и затѣмъ уже отправиться къ Минкесу.

— Что вы еще хотите мнѣ сказать? — произнесъ дрожащимъ голосомъ Минкесъ, увидѣвъ у себя Давида и Ясинскаго.

■ Ясинскій предупредилъ Давида и прямо приступилъ къ дѣлу, описавъ ему въ нѣсколькихъ словахъ все, какъ было.

— Такъ моя Этя у васъ? — воскликнулъ послѣ короткой паузы Минкесъ, при чемъ блѣдное лицо его побагровѣло. — И вы хотите Минкеса одурачить такой нелѣпой сказкой?

* См. Восходъ кн. IX.

— Я вамъ разскалъ правду,— съ достоинствомъ скавалъ Ясинскій.

— И вы тоже думаете, что это правда, господинъ Давидъ?— обратился къ нему Минкесъ, и ѣдкая, злобная насмѣшка искавила его лицо.

— Вы вполне можете вѣрить моему другу,— скавалъ Давидъ.

— Такъ же, какъ и вамъ, и Радоверу... Ха, ха, ха... не на такого простачка напали... Минкесъ умнѣе васъ всѣхъ, а уже на счетъ хитрости...— И онъ снова разразился дряннымъ, злобнымъ смѣхомъ.

Наступила тяжелая, непріятная пауза. Минкесъ изъ-подлбья смотрѣлъ на своихъ гостей, какъ бы желая проникнуть въ глубь ихъ души и тамъ выпытать всю правду. Давида и въ особенности Ясинскаго стала коробить эта нѣмая сцена.

— Такъ моя Этя у васъ? — снова заговорилъ Минкесъ; — что же вы съ нею намѣрены дѣлать?

— Я васъ не понимаю, Минкесъ,— раздражительно произнесъ Давидъ;— тутъ дѣло идетъ о чести, о спасеніи вашей дочери, а у васъ, Богъ знаетъ, что въ головѣ; ни я, ни мой другъ не знаемъ, что именно побудило вашу дочь рѣшиться на такой поступокъ; но предъ вами, не забудьте, человекъ, который спасъ жизнь вашей дочери, и вы во всякомъ случаѣ должны были бы отнестись къ нему съ большимъ довѣріемъ; наконецъ,— прибавилъ онъ,— вы можете справиться у доктора Бергофа, который былъ приглашенъ вчера для подачи первой помощи вашей дочери.

При имени Бергофа, лицо Минкеса немного прояснилось.

— Такъ докторъ видѣлъ мою дочь! — воскликнулъ онъ, какъ будто обрадовавшись.

Но чрезъ минуту лицо его снова искавилось злобной насмѣшкой.— Вамъ не удастся меня перехитрить,— скавалъ онъ;— вы ли, онъ ли соблазнилъ мою дочь, все равно она теперь не дочь моя. Мнѣ не нужно развратной потаскушки... Кто ее теперь возьметъ!.. Но помните, что съ Минкесомъ нельзя такъ шутить... Вы еще Минкеса не знаете...— И онъ злобно захохоталъ имъ въ лицо.

Не успѣли Давидъ и Ясинскій оставить квартиру Минкеса, какъ онъ бросился за ними. Душившая его злоба смѣнилась вдругъ горькимъ раскаяніемъ. Онъ оттолкнулъ отъ себя этихъ людей и вмѣстѣ съ ними свою дочь... Что если они говорятъ правду?.. И ѣдкая, жгучая боль на мгновенье сжала ему сердце.

— Пойдите, вернитесь...—хотѣлъ онъ закричать, но слова застряли у него въ горлѣ. Онъ остановился въ нѣмомъ раздумьи; но блестящая мысль родилась у него въ головѣ. Не долго думая, онъ выбѣжалъ на улицу и чрезъ нѣсколько минутъ уже звонилъ въ квартирѣ доктора.

Бергофъ дѣйствительно былъ боленъ; по крайней мѣрѣ, Минкесъ въ этомъ не сомнѣвался, такъ блѣдное лицо доктора даже его поразило.

— Слышали вы о моемъ несчастіи?—сказалъ упавшимъ голосомъ Минкесъ; но, не дождавшись отвѣта, прибавилъ: — у меня только что были Ауэрбахъ и Ясинскій.

Легкая дрожь пробѣжала по тѣлу Бергофа.

— Что если имъ все уже извѣстно?—мелькнуло у него въ головѣ, и отъ этой мысли у него волосы дыбомъ стали.

— Вы ее видѣли, вы подавали ей помощь? — продолжалъ между тѣмъ Минкесъ.

Бергофъ нѣсколько успокоился. Такой вопросъ не былъ бы предложенъ Минкесомъ, если бы онъ все зналъ, — разсудилъ онъ и, кивнувъ утвердительно головой, въ свою очередь разсказалъ Минкесу все, что онъ видѣлъ у Ясинскаго.

— Больше я ничего не знаю, — сказалъ онъ, пристально всматриваясь въ лицо Минкеса.

Нѣсколько разъ его подмывало разсказать Минкесу всю правду и требовать его приговора. Минкесъ умный человекъ и пойметъ, кто правъ.. Онъ его не осудить... Но, слѣдя за выраженіемъ лица Минкеса, онъ успѣлъ убѣдиться, что не только онъ, но ни Ауэрбахъ, ни Ясинскій ничего не знаютъ, что Этя имъ ничего не разсказала... А если такъ, то зачѣмъ ему торопиться; только глупцы торопятся...

— Моя бѣдная Этя! кто бы могъ подумать, — вырвалось у Минкеса. Онъ былъ того мнѣнія, что его бѣдную дочь не

только совратили, но и соблазнили... Иначе, при чемъ бы тутъ былъ Ясинскій?

Бергофъ при случаѣ могъ быть отличнымъ дипломатомъ. Онъ не разубѣждалъ Минкеса, но и не сгѣшилъ соглашаться съ нимъ. Онъ краснорѣчиво отмалчивался, но это молчаніе имѣло такой характеръ, что всякій могъ толковать его смыслъ по своему. Поэтому для Минкеса не оставалось больше и слѣдовъ сомнѣнія въ томъ, что его дочь сдѣлалась жертвой богопротивныхъ людей и что ее соблазнили для того, чтобы послѣ легче было ее совратить въ ересь...

— Но что мнѣ теперь дѣлать? Если они ее въ самомъ дѣлѣ увезутъ...—И при этой мысли волненіе снова охватило Минкеса. Чувство отца взяло верхъ надъ всѣми остальными соображеніями.

— Мнѣ кажется, что не мѣшало бы увезти ее на время изъ города, пока не улягутся толки... вы понимаете, — сказала, наконецъ, послѣ долгаго раздумья Бергофъ.

— Вы совершенно правы, — согласился Минкесъ. — Я это немедленно сдѣлаю; но сперва нужно ее вырвать изъ ихъ рукъ...

— Они охотно ее вамъ возвратятъ...

— Вы думаете? Я въ этомъ совсѣмъ не увѣренъ; можетъ быть, это только была хитрость съ ихъ стороны... Какой же я безумецъ?—вдругъ воскликнулъ онъ;—зачѣмъ я ихъ отпустилъ? А что если они теперь не отдадутъ мнѣ дочери...—И онъ, какъ безумный, бросился къ дверямъ.

Бергофъ въ качествѣ больного даже не сдѣлалъ попытки его удержать, а только глубокомысленно покачалъ головой, стараясь мысленно представить себѣ встрѣчу Минкеса съ Этей. Но не успѣлъ онъ оправиться отъ внезапнаго визита Минкеса, какъ тотъ, весь блѣдный и ломая руки, снова вбѣжалъ къ нему.

— А что, а что? не говорилъ я вамъ... — вскричалъ Минкесъ;—Эти уже тамъ нѣтъ!—И онъ въ отчаяніи схватилъ себя за голову.

XXX.

Исторія съ исчезновеніемъ Эти, нападеніемъ на Радовера и вмѣшательство въ это дѣло Давида—какъ нельзя болѣе были на руку Хазану.

Хазанъ нѣсколько разъ уже пытался завязать сношенія съ Бергманомъ, но въ виду его равнодушія ко всему, что не даетъ реальныхъ и скорыхъ выгодъ, это ему не удавалось. Онъ рѣшился испробовать послѣдній способъ — подѣйствовать на него посредствомъ доктора Бергофа. Бергофъ, по своему природному мягкосердечію, не могъ не сочувствовать въ одинаковой степени всѣмъ благороднымъ стремленіямъ. Онъ сочувствовалъ и Радоверу, и Ауэрбаху, и Хазану, но сердце его однако принадлежало тому, кто въ данную минуту былъ сильнѣе. Въ глазахъ Бергофа, Хазанъ былъ нужный человѣкъ и не удивительно, что онъ его принялъ, какъ обыкновенно принимаютъ нужныхъ людей, а послѣ нѣкоторыхъ колебаній даже согласился отправиться съ нимъ къ Бергману.

Бергманъ очень обрадовался приходу доктора, котораго онъ не видѣлъ со дня помолвки Беллы съ Давидомъ. Онъ по обыкновенію принялъ шутливый тонъ и сталъ подшучивать надъ бѣднымъ докторомъ, которому амуръ такъ вѣроломно измѣнилъ въ самую критическую минуту, но, замѣтивъ, что это Бергофу не нравится, онъ поспѣшилъ переимѣнить разговоръ, и по инстинкту попалъ на ту тему, которая занимала Хазана и отчасти Бергофа.

Бергофъ въ самыхъ серьезныхъ выраженіяхъ изложилъ ему предложеніе Хазана, прибавивъ съ своей стороны лестный отзывъ о дѣятельности послѣдняго и его стремленіяхъ.

Бергманъ сначала только улыбался и подозрительно посматривалъ то на доктора, то на Хазана, но когда послѣдній началъ излагать свой планъ, онъ, со свойственной ему сообразительностью, сразу смекнулъ въ чемъ дѣло. Однако онъ не сразу поддался, совершенно вѣрно разсудивъ, что такъ какъ Хазанъ въ немъ нуждается и безъ него дѣло не выгоритъ, то не мѣшаетъ и пококетничать.

— Вы знаете, — сказала онъ, — мои убѣжденія?.. Я имѣю со-

вершено иной взглядъ на этотъ вопросъ и на все это движеніе. Центръ тяжести моихъ стремленій не Палестина, но все же-таки въ настоящую минуту, когда все общество объято тѣмъ-то въ родѣ палестинизма, нельзя не прислушиваться къ требованіямъ массы. — И онъ наговорилъ бездну изящныхъ, краснорѣчивыхъ фразъ, изъ которыхъ, однако, ничего нельзя было вывести опредѣленнаго: то онъ сочувствовалъ, то опять не сочувствовалъ, то онъ готовъ сдѣлать все, чуть ли не самъ ѣдетъ въ Палестину, то по своимъ убѣжденіямъ не можетъ согласиться на участіе въ этомъ дѣлѣ. Но смѣтливому Хазану вовсе не нужно было этого потока краснорѣчивыхъ словъ, а на счетъ его убѣжденій онъ давно составилъ себѣ свое собственное мнѣніе. Онъ знаетъ, что Бергманъ уже принадлежитъ ему, нужно было только вытянуть у него официальное заявленіе.

Въ то время, когда Хазанъ атаковалъ убѣжденія Бергмана и бралъ ихъ приступомъ одно за другимъ, Бергофъ, считая свою миссію оконченной, ушелъ на половину Полины, которая, узнавъ о приходѣ доктора, послала просить его къ себѣ. Ей давно уже нужно было объясниться съ докторомъ. Онъ для нея такъ много сдѣлалъ, а она ничѣмъ не могла отплатить ему за его доброту; но развѣ она виновата? она, съ своей стороны, употребила все свое вліяніе...

Бергофъ прикинулся ничего не понимающимъ и постарался прекратить это неумѣстное изліяніе, но Полина не унималась.

— Я никогда не думала, чтобы моя сестра была такая упорная, — сказала она. — Но вы на меня не сердитесь, не правда-ли?

— За что жъ мнѣ на васъ сердиться, — сказалъ онъ; — напротивъ, я вамъ долженъ быть благодаренъ за то участіе, которое вы принимали въ этомъ дѣлѣ.

— Но я понимаю ваше состояніе, — съ участіемъ сказала Полина.

— Все проходитъ и отъ всего можно выгѣчиться, — меланхолически произнесъ докторъ.

Полина въ эту минуту глубоко сочувствовала доктору и, желая растравлять его сердечныя раны, перемѣнила разговоръ.

— Слыхали-ли вы, что случилось съ Минкесомъ? — сказала она.

Бергофъ слегка вздрогнулъ.

— Какъ-же, какъ-же...—И желая предупредить ея вопросы, прибавилъ:—И самъ нѣкоторымъ образомъ причастенъ къ этому дѣлу...

— Какъ?

— Очень просто. Меня Ясинскій пригласилъ тогда ночью...

— Какая таинственная исторія.. Она не хотѣла возвратиться къ отцу, говорятъ.

— Они просто ее увезли.

— Развѣ можно насильно?

— Чего люди не дѣлаютъ!

Полина тихо вздохнула.

— Но ужъ участіе Ауэрбаха въ этомъ дѣлѣ, согласитесь, совсѣмъ некрасиво... Будь я на мѣстѣ его невѣсты...

Лукавая улыбка скользнула по лицу Бергофа.

— Что же бы вы сдѣлали?

— Я бы видѣть его не захотѣла...

— За что же?—скромно замѣтилъ Бергофъ.

— Какъ за что? Неужели вы оправдываете его?

— Но онъ ничего не сдѣлалъ.

— Ничего не сдѣлалъ?.. Но одно соучастіе... Я съ Беллой объ этомъ не говорила, но я увѣрена, что она въ душѣ возмущена...

Этотъ ничтожный и ничего незначущій, повидимому, разговоръ вызвалъ цѣлый рой богатыхъ мыслей въ головѣ доктора, которыхъ онъ, однако, не сообщилъ Полинь. Самые положительные люди бываютъ иногда самые отчаянные фантазеры. Пустое слово, ничтожное предположеніе, когда они только касаются ихъ излюбленныхъ желаній и надеждъ, воспаляютъ ихъ воображеніе и заставляютъ ихъ часто поступать несообразно съ ихъ складомъ ума. Лучъ надежды заронился и въ душу доктора. Онъ совсѣмъ не предполагалъ, чтобы изъ такой простой вещи можно было получить такіе результаты. То оружіе, которое, казалось, готово было вонзиться въ его грудь, теперь можно легко обратить на другого. Бергофъ объ этомъ

рѣшился серьезно подумать, увѣривъ однако Полину, что все прошлое забыто, и что теперь нужно начать новую жизнь, болѣе содержательную и менѣе эгоистическую.

Полина крѣпко пожала ему руку на прощаніи.

Она въ эту минуту дѣйствительно сочувствовала Бергофу: кто же можетъ вызвать болѣе сочувствія, какъ человѣкъ, который глубоко любить и любовь котораго отвергають!.. Прекрасные глаза ея даже на минуту увлажнились блестящей слезой. Она вспомнила эпизодъ съ Давидомъ, и въ эту минуту ей казалось, что она тоже страдаетъ. Однако она не могла долго останавливаться на анализѣ своихъ чувствъ. У нея такъ мало времени въ распоряженіи. Съ тѣхъ поръ какъ губернаторъ удостоилъ ее своимъ посѣщеніемъ, жизнь ея приняла совсѣмъ другое теченіе. Она достигла того, чего добивалась. Ее наконецъ признали, и ея гордые стремленія были вполнѣ удовлетворены. Она принимала у себя, дѣлала визиты другимъ, участвовала на пикникахъ и вечерахъ, гдѣ бывали сливки общества; она играла роль, и тѣ самыя дамы, которыя раньше задирали носъ, теперь сами напрашивались на знакомство съ нею. Втягиваясь въ эту жизнь, она все болѣе и болѣе удалялась не только отъ своей среды, но и отъ своихъ родныхъ. Она рѣже стала бывать у отца, рѣже приглашала къ себѣ Беллу, мало интересовалась ея судьбой, хотя увѣряла ее, что она вполнѣ сочувствуетъ ея счастью; но послѣ ея непрошеннаго вмѣшательства, Белла ей мало дѣвѣряла...

Старикъ Рейнгерцъ былъ очень недоволенъ ея образомъ жизни; если успѣхи его дочери среди городской знати, если вниманье къ ней губернатора и радовали его въ началѣ, то за то теперь онъ имѣлъ основаніе въ этомъ раскаяваться. По городу уже носились странные слухи, говорили, что его превосходительство слишкомъ поздно засиживается у Бергмана; нѣсколько разъ встрѣчали его карету у подъѣзда маленькаго домика даже и тогда, когда завѣдомо знали, что Бергмана нѣтъ въ городѣ. Новая Эсфирь теперь рисовалась уже въ другомъ свѣтѣ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ думать объ общественныхъ дѣлахъ, да еще еврейскихъ, было бы абсурдомъ, и По-

лина имѣла полное основаніе поднять на смѣхъ своего мужа, когда онъ, по уходѣ Бергофа и Хазана, передалъ просьбу послѣдняго.

— Если у тебя есть желаніе пробѣдиться въ обѣтованную страну, можешь это сдѣлать хоть сейчасъ, только меня оставь въ покоѣ,—сказала она, продолжая хохотать отъ души.

— Въ Палестину ни я, ни ты не поѣдемъ, — серьезно сказалъ Бергманъ, — но содѣйствовать другимъ...

— И ты это серьезно говоришь?—прервала его Полина.

— Совершенно серьезно.

— Съ какихъ это поръ ты сталъ такимъ?

Она отлично знала своего мужа, и ей досадно было, что онъ предъ ней разыгрываетъ роль.

— Ты глупости говоришь, Полина, — сердито произнесъ Бергманъ;—точно ужъ я никакихъ убѣжденій не имѣю...

— На счетъ Палестины, по крайней мѣрѣ.

— Это къ дѣлу совсѣмъ не идетъ и мнѣ вовсе нежелательно вступать съ тобой въ пререканія. Мнѣ важно, чтобы ты могла мнѣ.

— Никогда въ жизни! — рѣшительно сказала Полина; — стану я себя компрометировать; тебѣ, видно, доставляетъ удовольствіе ставить меня въ неловкое положеніе... Разъ я поддалась, и довольно. — И она съ презрѣніемъ отвернулась отъ него.

— То было совсѣмъ другое...—сказалъ Бергманъ.

— А это еще хуже.

— Такъ ты не соглашаешься?

Полина ему не отвѣтила.

Бергманъ направился къ дверямъ, но вернулся и сѣлъ возлѣ жены. Онъ рѣшился быть откровеннымъ съ нею. Она умна и практически смотритъ на вещи. Онъ вовсе не хочетъ рисоваться предъ нею, а тѣмъ болѣе въ такомъ дѣлѣ, какъ это. Она сама отлично понимаетъ, какія громадныя выгоды могутъ быть, если онъ станетъ во главѣ финансоваго комитета; это непременно будетъ, если ему удастся выхлопотать разрѣшеніе властей, хотя бы и неофициальное. Ихъ дѣла могутъ отъ

этого разом поправиться, а что они въ этомъ нуждаются—и она отлично знаетъ.

Полина дѣйствительно тотчасъ же поняла суть дѣла. И не давъ еще мужу окончательнаго отвѣта, она общала подумать; сама же рѣшила сегодня же замолвить свое слово, которое, она надѣялась, не останется безъ послѣдствій.

Сомнительно, чтобы Аврумъ - портной присутствовалъ на балу у губернатора, а тѣмъ болѣе, чтобы онъ могъ прислушаться къ тому, о чемъ говорила съ его превосходительствомъ г-жа Бергманъ; тѣмъ не менѣе, онъ порвый разнесъ по городу слухъ, что во главѣ финансоваго комитета по Палестинскимъ дѣламъ сталъ извѣстный адвокатъ Бергманъ.

XXXI.

Не смотря на угрозы отца, Самуиль однако не переставалъ посѣщать Радовера. Напротивъ, всѣ событiя, которыя, по общему мнѣнiю, набрасывали тѣнь на личность Радовера и должны были оттолкнуть каждаго отъ него, не только не оттолкнули, но еще больше привязали и сроднили его съ этой семьей. Съ свойственнымъ всѣмъ юношамъ увлеченiемъ, онъ видѣлъ въ Радоверѣ мученика, окруженнаго ореоломъ несправедливыхъ преслѣдованiй. Идеи, проповѣдуемыя Радоверомъ, стали для него неопровержимой истиной, и онъ, не разсуждая, сдѣлался ихъ послѣдователемъ. Онъ жилъ ими, и внѣ ихъ для него теперь не было другихъ интересовъ. Съ свойственной ему проникательностью, Радоверъ видѣлъ, что происходитъ въ душѣ юнѣши; но онъ этого не обнаруживалъ ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ. Напротивъ, онъ сдѣлался сдержаннѣе и рѣже сталъ бесѣдовать съ нимъ о вопросахъ, его интересующихъ. Такая тактика со стороны Радовера еще больше воспламеняла, юношу, и онъ съ благоговѣнiемъ смотрѣлъ на своего учителя, не рѣшаясь открыться ему. За то предъ Рахилью онъ не скрывалъ ничего, и его душа была для нея открытой книгой. Не менѣе его экзальтированная, она слушала Самуила съ тѣмъ бессознательнымъ увлеченiемъ, которое не признаетъ вопросовъ и сомнѣнiй; рѣчи Самуила открывали предъ нею

невѣдомый міръ, полный любви и добра, и она вмѣстѣ съ нимъ безотчетно стремилась туда.

Общность возрѣній и вѣрованій еще тѣснѣе сближала молодыхъ людей, и связывавшая ихъ любовь разрасталась въ ихъ глазахъ въ какое-то міровое чувство, обязывавшее ихъ совершать грандіозные подвиги...

Экзальтированный до послѣдней крайности, Самуиль рѣшилъ, что теперь его первая, прямая нравственная обязанность—объясниться съ отцомъ и рассказать ему о томъ переворотѣ, который совершился въ его внутреннемъ мірѣ. Онъ ждалъ лишь удобнаго случая. Въ такомъ-то настроеніи онъ однажды встрѣтилъ одного своего дальняго родственника, парня лѣтъ двадцати пяти, круглаго сироту и почти нищаго. Бѣдность и жалкій видъ этого несчастнаго всегда смущали его, но онъ ничего не могъ для него сдѣлать, а его отецъ не пускалъ этого человѣка къ себѣ на глаза.

— Борухъ долженъ быть также счастливъ, какъ я, — мелькнула у него мысль, и онъ, въ порывѣ энтузіазма, протянулъ Боруху руку.

— Борухъ!—произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

Но Борухъ самъ былъ, вопреки обыкновенію, въ радостномъ настроеніи, и весело прервалъ его:

— Знаешь, куда я ѣду?

Самуиль вопросительно взглянулъ на него.

— Думаешь, въ Палестину... ошибаешься; я не такой дуракъ; пусть твой отецъ туда ѣдетъ...

— Борухъ!—съ упрекомъ началъ Самуиль.

— Что, Борухъ... я развѣ не правъ... твой отецъ всегда со мной плохо поступалъ, и умри я хоть сегодня съ голода, вамъ дѣла не будетъ...

Самуила передернуло отъ этого справедливаго упрека.

— Ты правъ,—сказалъ онъ;—но теперь...

— Теперь я самъ себѣ господинъ,—воскликнулъ Борухъ,—и если твоему отцу непристойно будетъ, что я буду погонять воловъ въ имѣніи помѣщика Ясинскаго, то отъ этого мой желудокъ нисколько не пострадаетъ...

— Какъ, ты нанялся въ работники!..—воскликнулъ Самуилъ, приче́мъ радостная улыбка заиграла у него на лицѣ.

— Что же такое...—слегка покраснѣвъ, произнесъ Борухъ; —не я вѣдь одинъ это сдѣлалъ; насъ цѣлая партія...

— И вы всѣ будете работать на полѣ?

— Почему же нѣтъ? все же лучше, чѣмъ голодать. Молодой Ауэрбахъ, который предложилъ намъ идти въ работники, общалъ намъ хорошую плату и еврейскую пищу... Ужъ по моему, лучше работать, чѣмъ голодать...—доктрально прибавилъ онъ.

Самуилъ былъ пораженъ и взволнованъ. То, что онъ слышалъ отъ этого простоватаго парня, приобрѣло въ его глазахъ такое важное значеніе, что всѣ его прежнія намѣренія сразу отодвинулись на второй планъ. Ему, конечно, не безизвѣстно было о дѣятельности Давида, и онъ не разъ мечталъ присоеди­ниться къ нему, но будучи подъ вліяніемъ Радовера и его идей, все не рѣшался на этотъ шагъ. Теперь, когда его внутренній міръ пришелъ въ равновѣсіе, когда его умъ одобрилъ то, что давно чувствовало сердце, что ему мѣшаетъ исполнить давнишнюю мечту? Новое и обширное поле дѣятельности внезапно открылось предъ нимъ; подвигъ, котораго онъ такъ жаждалъ, самъ пришелъ ему на встрѣчу и зоветъ его... Если бы онъ былъ суевѣренъ, то принялъ бы все это за чудо—такъ быстро совершилось то, о чемъ онъ только могъ мечтать.

Борухъ смотрѣлъ на него и удивлялся восторженному состоянію Самуила; онъ никогда еще не видалъ его такимъ.

— Прощай, Борухъ,—вдругъ сказалъ Самуилъ;—надѣюсь, мы скоро увидимся.—И онъ поспѣшно удалился, оставивъ Боруха въ сильномъ недоумѣніи на счетъ ихъ скорого свиданія.

— Дурить, птѣничекъ, — подумалъ онъ; — а это все оттого что онъ не знаетъ, что значитъ пустой желудокъ...

Самуилъ прямо направился къ Давиду.

— Я пришелъ къ вамъ по дѣлу, г. Ауэрбахъ, — началъ Самуилъ;—вы меня, конечно, знаете?

Давидъ зналъ Самуила и слышалъ о немъ. Въ другое время, онъ былъ бы очень радъ съ нимъ поговорить и оказать

ему услугу; но послѣ послѣднихъ событій нервы его были до того разстроены, что онъ чувствовалъ потребность въ уединеніи и покоѣ. Онъ только что проводилъ Ясинскаго. Послѣ долгихъ колебаній, онъ наконецъ долженъ былъ согласиться, что Эту нужно увезти въ деревню.

Въ виду объясненія съ Минкесомъ и его грубаго отказа принять обратно дочь, имъ осталось одно изъ двухъ: или оставить Эту на произволъ судьбы, или такъ или иначе позаботиться о ней. Давидъ предложилъ было помѣстить ее на время въ домѣ Рейнгерца; но когда Этя услышала имя Беллы, она вся задрожала и съ непонятнымъ для Давида и Ясинскаго упорствомъ отказалась отъ этого предложенія.

— Ну, такъ, можетъ быть, вы поѣдете со мной въ деревню; моя сестра такая же молодая дѣвушка, какъ и вы, и вамъ вдвоемъ не будетъ скучно,—сказалъ Ясинскій.

Вопреки ожиданію, Этя сразу, и даже, какъ казалось, съ радостью согласилась на предложеніе Ясинскаго.

Давидъ былъ очень недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла и высказалъ Ясинскому свои опасенія. Если теперь Минкесъ, а вслѣдъ за нимъ и весь городъ почти увѣрены, что въ исчезновеніи Эти они играли активную роль и преслѣдовали извѣстныя цѣли, то что будетъ, когда узнаютъ, что они увезли Эту въ деревню!

Ясинскій не могъ согласиться въ этомъ съ Давидомъ; но такъ какъ другого исхода не было, а Ясинскій рѣшился взять на себя отвѣтственность, то и Давидъ, хотя крайне неохотно и недовольный тоже долженъ былъ сдаться.

Утомленный и нравственно, и физически, онъ, однако, рѣшился выслушать Самуила и попросилъ его въ свою комнату.

— Я узналъ, что вы наняли партію рабочихъ изъ евреевъ,—началъ Самуиль,—и пришелъ предложить вамъ и свои услуги, если еще не поздно.

Давидъ со вниманіемъ взглянулъ на стоявшаго предъ нимъ юношу.

— Отъ кого вы узнали объ этомъ?—спросилъ онъ.

— Я объ этомъ узналъ чисто случайно отъ одного моего дальняго родственника, который тоже нанялся въ работники.

— И вы также случайно рѣшились на этотъ шагъ? — сказалъ Давидъ.

Самуилъ смутился.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, послѣ минутнаго раздумья; — я объ этой дѣятельности давно уже мечтаю, почти съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, что вы рѣшились устроить колонію; но разныя обстоятельства мнѣ мѣшали присоединиться къ вамъ.

— И вы теперь твердо рѣшились?

— Да, — смѣло сказалъ Самуилъ.

Не смотря на то, что Давидъ былъ внутренно очень радъ этому обстоятельству, однако онъ не могъ сразу согласиться на просьбу Самуила, не убѣдившись предварительно, что это рѣшеніе не есть плодъ мимолетнаго увлеченія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ приводить свои планы въ дѣйствіе, мысль о привлеченіи въ видѣ опыта евреевъ къ полевымъ работамъ не оставляла его. Постройка фермы и образованіе собственной колоніи требовало времени, а тутъ все готово, работа кипитъ кругомъ. Онъ нѣсколько разъ заговаривалъ объ этомъ съ Ясинскимъ и Ольгою и, наконецъ, при содѣйствіи послѣдней, добился разрѣшенія Ясинскаго пригласить партію евреевъ на полевые работы. Это обстоятельство имѣло громадную важность въ глазахъ Давида, такъ какъ такой опытъ, если онъ удастся, сразу дастъ ему въ распоряженіе контингентъ людей, нѣкоторымъ образомъ уже подготовленныхъ для дальнѣйшаго исполненія его плановъ. Собрать такую партію людей въ городѣ не представляло никакихъ трудностей, такъ какъ, вслѣдствіе общаго кризиса, много мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и другихъ лицъ ходило безъ занятій и буквально голодало.

По пріѣздѣ въ городъ, онъ сейчасъ же принялся за дѣло, и безъ особенныхъ трудовъ ему удалось собрать небольшую партію, человекъ въ тридцать, и войти съ ними въ соглашеніе на довольно выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ.

Здоровый, цвѣтущій юноша стоялъ теперь предъ нимъ, по видимому воодушевленный той же самой идеей, какъ и онъ самъ, и Давидъ не могъ не сочувствовать ему. Онъ протянулъ Самуилу руку.

— Я васъ охотно принимаю въ число рабочихъ, — сказалъ

онъ,—и надѣюсь, что вы своимъ усердіемъ будете служить при-
мѣромъ для остальныхъ. Наше дѣло новое, и для полного его
успѣха нужны люди, всецѣло и беззавѣтно ему преданные.

Прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, Давидъ счелъ нужнымъ
посвятить его въ нѣкоторыя подробности своихъ плановъ и бу-
дущихъ работъ.

— Ни колоніи, ни фермы, въ собственномъ смыслѣ у меня
еще не существуетъ,—сказалъ онъ;—но у меня уже есть удоб-
ный участокъ земли и весь нужный для построекъ матеріалъ;
все необходимое уже подготовлено, и какъ только контингентъ
нужныхъ мнѣ рабочихъ будетъ сформированъ, я немедленно
приступлю къ собственнымъ работамъ. Пока же, — заключилъ
онъ,—у насъ есть хорошая школа, гдѣ мы сообща будемъ
учиться; эта наука не пропадетъ для насъ даромъ.

Самуилъ вышелъ отъ Давида вполне очарованный. До этого
ему никогда не приходилось говорить съ Ауэрбахомъ, и впе-
чатлѣніе, произведенное на него Давидомъ, было такъ силь-
но, что звукъ его голоса долго еще отдавался въ его ушахъ.
Немало также льстило ему и то довѣріе, которое оказалъ ему
Давидъ, посвятивъ его въ свои планы. При его настроеніи, все
это ему казалось во сто разъ болѣе важнымъ, чѣмъ оно было
на самомъ дѣлѣ, и воображеніе рисовало ему его дѣятельность
въ самыхъ розовыхъ краскахъ. Одно только смущало его —
неизвѣстность относительно взглядовъ Давида на тѣ во-
просы, которые его въ настоящую минуту болѣе всего зани-
мали. Хотя онъ зналъ, что Давидъ былъ знакомъ съ Радо-
веромъ, но тотъ никогда не говорилъ съ нимъ о Давидѣ
и о томъ, какъ онъ относится къ его пропагандѣ. Однако, это
недолго занимало его. Онъ теперь спѣшилъ къ Рахили, чтобы
объявить ей о своемъ рѣшеніи и скоромъ отъѣздѣ. Онъ ни на
минуту не сомнѣвался въ ея сочувствіи.

Рахиль съ восторгомъ приняла эту новость и даже выра-
зила сожалѣніе, отчего она не можетъ распоряжаться своей
свободой такъ, какъ онъ, и поступать по своимъ желаніямъ.
А ей бы такъ хотѣлось дѣйствовать! Она увѣрена, что ея сло-
ва убѣдили бы многихъ, потому что невозможно не убѣждать
другихъ, когда сама убѣждена...

— И я тоже такъ думаю,—сказаль Самуиль. Они взглянули другъ на друга, и мысль о разлукѣ пришла имъ обоимъ въ голову; на минуту лица ихъ омрачились грустью. Но Рахиль тотчасъ улыбнулась и протянула ему руку.

Когда Радоверъ узналь о рѣшеніи Самуила, едва замѣтная тѣнь скользнула по его лицу. Онъ не могъ не видѣть въ этомъ вліяніи Ауэрбаха и торжества его идей, и это ему не понравилось. Но онъ успокоился, когда Самуиль поспѣшилъ ему заявить, что на его поступокъ нужно смотрѣть не какъ на цѣль, а какъ на средство для достиженія цѣли, и что гдѣ бы онъ ни былъ, онъ никогда не перестанетъ проповѣдывать то живое слово, которое онъ впервые отъ него услышалъ и которое дало ему новую жизнь.

Радоверъ отлично поняль, на что намекаетъ Самуиль, и тревожныя мысли на минуту овладѣли имъ. Его испугаль пылкій энтузіазмъ юноши, но еще болѣе тѣ послѣдствія, которыя могутъ быть отъ его необдуманнхъ поступковъ. Но онъ не могъ отказаться отъ той перспективы, которая открывалась предъ нимъ.

Онъ въ осторожныхъ и неясныхъ выраженіяхъ наставляль Самуила, какъ держать себя и какъ дѣйствовать, и въ то же время косвенно и намеками далъ ему понять, что будетъ лучше и благоразумнѣе совсѣмъ отказаться теперь отъ объясненія съ отцомъ. Рахиль нашла это какъ нельзя болѣе разумнымъ и на прощаніи наградила его крѣпкимъ пожатіемъ руки, при чемъ темная ночь скрыла отъ его взоровъ блестящую слезинку, дрожавшую на ея длинныхъ рѣсницахъ.

Когда, за городской заставой, Самуиль присоединился къ партіи рабочихъ, отправлявшихся въ имѣнье помѣщика Ясинскаго, Борухъ отъ удивленія раскрыль свой широкій ротъ.

— Ты же какъ сюда попалъ? — спросиль онъ.

— Очень просто; я же тебѣ говорилъ, что мы скоро увидимся. — И Самуиль передалъ ему о своемъ рѣшеніи.

XXXII.

Белла была вполне счастлива. Въ нѣсколько дней она пережила столько хорошихъ минутъ, что не только она, но и са-

мая требовательная натура могла бы быть удовлетворена. Такъ неожиданно случилось то, о чемъ она даже мечтать боялась; она любить и любима, и отъ одной этой мысли у нея сердце замирало.

Каждый разъ, когда она поджидала своего жениха, она дрожала при мысли, что все это сонъ, вымысль; но когда она чувствовала близость Давида, когда его голосъ нѣжилъ ея слухъ, она успокоивалась и снова была счастлива. Отъѣздъ Давида нѣсколько омрачилъ ея счастье; но она рѣшилась твердо переносить разлуку, вполне сознавая важность пребыванія Давида въ деревнѣ. Она сама даже его торопила, когда онъ, съ грустью вспоминая о разлукѣ, медлилъ отъѣздомъ.

Нѣсколько разъ Давидъ заговаривалъ даже о возможности ея приѣзда въ деревню, въ заманчивыхъ краскахъ рисовалъ ей прелести деревенской жизни и простоту ея обитателей.

Но Белла отлично понимала, что это невозможно, что отецъ ей этого никогда не позволить и поневолѣ мирилась съ своимъ положеніемъ — до поры до времени быть вдали отъ него. Сколько это продолжится, они оба не знали, хотя Рейнгерцъ, съ одной стороны—и старики Ауэрбахъ, съ другой—старались опредѣлить срокъ свадьбы. Но Давидъ, а за нимъ и Белла, энергически возставали противъ этого. Невозможно думать о свадьбѣ, когда на рукахъ столько дѣлъ, когда еще ничего не выяснилось, и всѣ планы только въ зародышѣ. Белла, зная всѣ планы Давида, сама поддерживала его въ этомъ рѣшеніи и употребляла все свое вліяніе, чтобы успокоить стариковъ, которые отказывались вѣрить, чтобы женихъ и невѣста сами желали откладывать свадьбу. Не то было въ ихъ время. Хотя тогда любви и не существовало, и женихъ и невѣста часто даже не знали другъ друга до вѣнца, но тѣмъ не менѣе они оба горѣли желаніемъ соединиться другъ съ другомъ...

— Совсѣмъ холодные люди стали, не то, что ты... добродушно ворчалъ Ауэрбахъ.

— А все оттого, что теперь позволяютъ жениху и невѣстѣ цѣловаться до свадьбы... я бы это положительно запретила, — утверждала г-жа Ауэрбахъ. — Не правда ли?

Но въ то время, какъ чета Ауэрбахъ легко относилась къ

капризамъ молодыхъ, Рейнгерць совсѣмъ иначе смотрѣлъ на вещи. Какъ ни любилъ онъ Давида, и какъ ни радовался счастіемъ дочери, онъ тѣмъ не менѣе въ душѣ былъ неспокоенъ, и отъ времени до времени его тревожили разныя сомнѣнія. Последнія событія съ Радоверомъ и Минкесомъ, участіе въ этихъ событіяхъ Давида; вербовка и отправка рабочихъ, наконецъ, отъѣздъ самого Давида — все это было серьезнѣе, чѣмъ онъ даже хотѣлъ думать, и внушало ему немалыя опасенія.

Успокоенный было на время увѣреніями Давида и полагая, что любовь отвлечетъ его отъ затѣяннаго имъ дѣла, онъ теперь долженъ былъ сознаться, что ошибся, и хотя онъ еще продолжалъ соглашаться съ старикомъ Ауэрбахомъ, что все это пустяки и выѣденнаго яйца не стоитъ, но въ глубинѣ души не переставалъ тревожиться. Бывали минуты, когда онъ готовъ былъ на энергическія мѣры, въ родѣ объясненія съ Давидомъ, предложенія ультиматума и т. п.; но при видѣ Беллы, сіяющей и счастливой, рѣшимость оставляла его.

Между тѣмъ общее волненіе, вызванное последними событіями, не исчезало, тѣмъ болѣе, что искусно поддерживалось равными слухами и толками, Богъ вѣсть кѣмъ выдуманнми. Всѣ слои еврейскаго общества одинаково волновались. Не успѣлъ замолкнуть слухъ о томъ, что Радоверъ открыто присталъ къ миссіонерамъ, какъ разнеслась вѣсть, что дочь Минкеса бѣжала и что ее окрестили, а какъ бы въ подтвержденіе этому весь городъ былъ очевидцемъ нападенія Минкеса на Радовера...

Когда же узнали, что Этю увезли въ деревню, что вслѣдъ за нею уѣхалъ Давидъ, далѣе, что сынъ Хазана присоединился къ партіи рабочихъ, толкамъ и пересудамъ не было конца; съ другой стороны ватѣи Хазана, тоже не давали обществу успокоиться. Палестинскій вопросъ, имѣвшій такъ мало успѣха среди населенія, не смотря на всѣ старанія Хазана и его клеветовъ, вспыхнулъ вдругъ съ новой силой. Узнали, что образовался настоящій комитетъ, который будетъ завѣдывать дѣлами переселенія, что главной заботой этого комитета — собрать какъ можно больше средствъ, что съ этой цѣлью открыта подписка съ вѣдома властей и что, наконецъ, во главѣ всего этого сталъ извѣстный въ городѣ адвокатъ Бергманъ и другіе впол-

нѣ уважаемыя лица. Хотя Бергманъ не пользовался славой безусловнаго человѣка, а тѣмъ болѣе радѣтеля еврейскихъ интересовъ, но его имя все-таки импонировало многимъ, и то, что слѣдовало бы принять за ханжество или шарлатанство, всѣ въ одинъ голосъ признали безпримѣрной жертвой и образцовымъ поступкомъ.

Бергманъ жертвовалъ своей репутаціей среди христіанскаго общества для того, чтобы быть полезнымъ еврейству; даѣе, такой умный и практическій человѣкъ берется за такое дѣло, которое до сихъ поръ считали несбыточной фантазіей, значить, оно вовсе не такъ призрачно, значить, оно стоитъ того, чтобы ему сочувствовать. Давно уже еврейское населеніе К*** не переживало такого времени.

Вызванная на минуту къ жизни вѣщнымъ случайнымъ толчкомъ, масса снова готова была заснуть и погрузиться въ свою мелочную жизнь и меркантильные интересы, какъ вдругъ она снова почувствовала толчокъ—и на этотъ разъ уже не извнѣ, а внутри самой себя, въ своемъ собственномъ сердцѣ, и этотъ толчокъ взволновалъ застывшую кровь.

Хазанъ работалъ усердно и агитировалъ съ умомъ и тактомъ. Онъ устраивалъ совѣщанія, приглашалъ на нихъ именитыхъ гражданъ и давалъ отчеты о поступаемыхъ пожертвованіяхъ. Бергманъ былъ отличнымъ предсѣдателемъ и такъ скоро вошелъ въ свою роль, что, казалось, рожденъ быть коноводомъ палестинскаго движенія.

Рейнгерцъ сначала удивился, когда узналъ, что его зять выбранъ предсѣдателемъ финансоваго комитета, и довольно скептически отнесся къ этому дѣлу; но когда онъ, по настоянію Хазана, явился на засѣданіе и ознакомился съ организаціей дѣла, онъ перемѣнилъ свое мнѣніе и сталъ открытымъ поборникомъ движенія. Помимо своихъ личныхъ симпатій, бывшихъ всегда на сторонѣ этого движенія, онъ видѣлъ въ этомъ сильный оплотъ противъ враждебнаго лагеря, стремившагося къ другимъ цѣлямъ.

Нужно было окончательно дискредитировать въ глазахъ общества начинанія Радовера и планы Давида, которыя грозили такой опасностью, а что могло быть лучше этого средства!

И дѣйствительно, отъ Радовера въ послѣднее время окончательно всѣ отвернулись и, за исключеніемъ двухъ-трехъ неизвѣстныхъ личностей, никто не заглядывалъ къ нему на квартиру. Торжество Хазана не имѣло границъ, и дерзкое предсказаніе, брошенное ему однажды въ лицо Радовера, что онъ, Хазанъ, придетъ и поклонится ему, вызывало у него гомерическій смѣхъ. Однако, при всемъ его торжествѣ, одно обстоятельство не давало ему покоя и грызло его.

Хотя онъ и увѣрялъ всѣхъ, что его Самуилъ не дуракъ какойнибудь и что его пребываніе въ деревнѣ имѣетъ чисто дипломатическія цѣли, причемъ онъ подмигивалъ однимъ глазомъ, но эта дипломатія отнимала у него сонъ и страшила его своей неизвѣстностью...

С. Ярошевскій.

(Продолженіе будетъ).

* * *

Когда вечернею прохладой
Повѣтъ съ дремлющихъ полей,—
И, веземной исполнена отрадой,
Ты склонись предъ тихою лампадой
Съ молитвой чистою своею,—
Мой другъ, на мигъ продливъ свои моленья,
Въ святую урну искупленья
Ты лишнюю слезинку урони
И друга, брата, бѣднаго, больного,
Понизшаго среди пути земного,
Въ своей молитвѣ помани...

Молись, чтобъ вѣрой гордой и свободной
Господь согрѣлъ мою больную грудь;
Чтобъ яркій факель мысли благородной
Свѣтилъ звѣздою путеводной
На мой печальный, трудный путь;
Чтобъ я успѣлъ, съ судьбой тяжелой споря,
Хотя одну слезу тоски и горя
Стереть съ лица народа моего;
Чтобъ хоть одинъ листокъ лавровый
Я могъ вплести въ вѣнецъ терновый,
Вѣнецъ страдальческій его...

С. Фругъ.

ЭДУАРДЪ ГАРТМАНЪ—О ЕВРЕЙСТВѢ.

(Окончаніе) *.

Мы до сихъ поръ окончили разборъ первой, существенной и принципиальной половины книги Гартмана; въ этой половинѣ намѣчены имъ всѣ основныя пункты того, что онъ подразумѣваетъ подъ еврейскимъ вопросомъ, и изъ этихъ пунктовъ уже онъ исходитъ во всѣхъ разсужденіяхъ, занимающихъ послѣднія главы его книги. Но разъ мы доказали неосновательность—и логическую, и фактическую—основныхъ началъ, выставляемыхъ Гартманомъ, намъ уже нѣтъ надобности заниматься подробнымъ опроверженіемъ производныхъ, такъ сказать, его миѣній, покоящихся на тѣхъ опровергнутыхъ началахъ. Намъ, поэтому, остается только, для полноты анализа, вкратцѣ остановиться на болѣе крупныхъ изъ этихъ производныхъ миѣній и подводить ихъ подъ вышеуказанныя основныя начала; наши же возраженія тѣмъ самымъ будутъ сведены къ формулированнымъ выше общимъ возраженіямъ, которыхъ нѣтъ надобности повторять и на которыя достаточно только сослаться.

Въ двухъ главахъ, трактующихъ о продолжающемся еще понынѣ «неуваженіи къ евреямъ въ государствѣ и въ обществѣ» (въ Германіи), Гартманъ старается не столько выяснить причины этого ненормальнаго явленія, сколько подыскивать ему оправданія. Евреевъ неохотно пускаютъ на государственную службу, потому что они обнаруживаютъ тенденцію получить въ государ-

* См. «Восходъ», в. IX.

ствѣ преобладаніе, все съ тою же коварною надеждою на міродержавство (стр. 73). Гартманъ, выставляя себя «другомъ» евреевъ, даетъ имъ добрый совѣтъ — до поры до времени воздерживаться отъ занятія государственныхъ должностей, ибо это имъ поневолѣ кружить голову, возбуждая въ нихъ «*jenen Welthergenschaftstraum*» и тѣмъ усиливая непріязнь къ нимъ антисемитовъ (ibid). Посредничество весьма оригинальное, могущее дать Гартману право на титулъ «честнаго маклера» антисемитизма. Подозрительность Гартмана по отношенію къ излюбленному имъ «міродержавству» вообще изумительная. «Ревностное стремленіе вожаковъ еврейства къ допущенію евреевъ ко всѣмъ этимъ государственнымъ должностямъ (выше онѣ у него исчислены; это — юридическія, высшія учебныя и военныя должности) невольно порождаетъ подозрѣніе въ каждомъ безпристрастномъ наблюдателѣ, что здѣсь дѣло идетъ не столько о чести или даже о дѣйствительномъ благѣ еврейства, сколько объ увеличеніи могущества послѣдняго съ цѣлью дальнѣйшей борьбы за свое господство» (стр. 74). Несомнѣнно, къ числу этихъ «безпристрастныхъ наблюдателей» принадлежитъ и Гартманъ; но тогда невольно рождается вопросъ, не имѣютъ ли «наблюденія» Гартмана весьма много общаго съ наблюденіями того анекдотическаго нѣмца, который, получивъ порученіе описать жизнь верблюда, пришелъ въ свой кабинетъ, сѣлъ за столъ и, устремивъ свой взоръ вдаль, сталъ внимательно *созерцать* верблюда; преданіе, однако, говоритъ, что нѣмецъ тотъ до сихъ поръ сидитъ и созерцаетъ, не написавъ еще ни одной строчки о верблюдѣ, между тѣмъ какъ нѣмецъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, Эдуардъ фонъ-Гартманъ, имѣя несомнѣнно не больше свѣдѣній о еврействѣ, чѣмъ его анекдотическій коллега — о верблюдѣ, и черпая свои «свѣдѣнія» приблизительно изъ того же источника, не полѣнился написать цѣлый трактатъ о «еврействѣ въ настоящемъ и будущемъ», который справедливѣе было бы озаглавить «Еврейство не въ жизни, а въ умозрѣніи».

Въ такомъ же родѣ взгляды Гартмана на общественное положеніе евреевъ (гл. VI). Приниженное положеніе евреевъ въ нѣмецкомъ обществѣ, по его мнѣнію, зависитъ опять-таки отъ нихъ самихъ: съ одной стороны, отъ той же «конкуренціи племенного чувства евреевъ съ національнымъ чувствомъ нѣмцевъ», а съ

другой—отъ того, что даже высшіе круги еврейства, интеллигентный и финансовый, «недостаточно воспитаны въ общественной жизни» (*unvollendete Erziehung zu Gesellschaftsfähigkeit*). «Можно было бы уже, — говорить онъ, — забыть обо всѣхъ этихъ сомнительныхъ племенныхъ поползновеніяхъ разныхъ евреевъ-судей, университетскихъ профессоровъ, учителей гимназій, муниципальныхъ чиновниковъ и т. п., еслибы свойственные и какъ бы присутія еврейскіе манеры и внѣшнія особенности, не имѣющія ничего общаго съ нашими привычками, невольно не напоминали намъ о расовыхъ и религіозныхъ различіяхъ, о которыхъ напрасно старались забыть; точно также можно было бы великодушно забыть о нѣкоторыхъ недостаткахъ евреевъ по части благовоспитанности и нравственной солидности, еслибы въ то же время еврейскій типъ не напоминалъ, что недостатки эти принадлежать лицамъ, обособившимся отъ націи посредствомъ своего племенного чувства» (стр. 76). Такими причинами Гартманъ оправдываетъ антипатію къ евреямъ въ обществѣ! И до такихъ возмутительныхъ мелочей, достойныхъ только десятилѣтнихъ школьниковъ, спустился человѣкъ, который въ прочихъ своихъ сочиненіяхъ претендовалъ рѣшать міровые вопросы бытія, сознанія и религіи! О, тутъ нуженъ былъ бы поражающій юморъ Гейне, звучіи сарказмъ Берне, чтобы достойно отпарировать подобныя возмутительныя несообразности!.. Мы, признаться, не въ силахъ этого сдѣлать.

Седьмая и восьмая главы посвящены «привилегированному положенію евреевъ» и ихъ «экономической эксплуатаціи». Привилегированное положеніе евреевъ состоитъ, видите-ли, въ томъ, что имъ всѣ пути открыты къ проникновенію въ кругъ денежной аристократіи, откуда, пробираясь въ круги служилаго и даже родового дворянства (*Dienst-und Grundadel*), они грозятъ конкурировать съ этими послѣдними на всѣхъ высшихъ поприщахъ. Гартманъ презрительно отзывается объ этихъ «*parvenus*», забывая, что этимъ самымъ онъ осуждаетъ трудолюбіе и энергію (онъ не отрицаетъ, что евреи этимъ путемъ досчитаютъ высшихъ положеній) въ пользу покровительствуемыхъ имъ тунеядства, родовой спѣси и пренебреженія ко всякому упорному труду. — Подъ «эксплуатаціей евреевъ» онъ разумѣетъ старую, лишенную смысла и вкуса басню

о нелюбви евреевъ къ производительному труду, о стремленіи ихъ къ легкой наживѣ, объ ихъ «торговой нравственности» (такой же, какъ и у нѣмцевъ-торговцевъ), объ ихъ экономической солидарности съ цѣлью угнетенія нѣмцевъ etc., etc. Мы шадимъ хорошее расположеніе духа нашихъ читателей (если оно уже не испорчено у нихъ предыдущими разсужденіями) и не желаемъ его испортить изложеніемъ всѣхъ этихъ скучныхъ и до безобразія надоѣвшихъ разсужденій, которыя Гартманъ могъ вырвать изъ любого уличнаго листка и вклеить въ свою книгу, а потому проходимъ ихъ молчаніемъ.

Въ девятой главѣ авторъ предлагаетъ «оборонительныя средства», коими нѣмцы могли бы «защищаться» противъ экономического господства евреевъ. Онъ отвергаетъ, какъ слишкомъ крайнія, предложенія антисемитовъ устроить экономическую коалицію противъ евреевъ, съ обязательствомъ не вступать съ ними ни въ какія дѣловые сношенія; но онъ предлагаетъ свои собственныя «легальныя» средства борьбы съ евреями, и лишь въ чисто-торговой сферѣ. Средства эти—которымъ онъ посвящаетъ безконечно длинное обсужденіе—сводятся къ тому, чтобы: «нереальнымъ» или не солиднымъ коммерсантамъ (таковыхъ онъ усматриваетъ именно между евреями) не давать ничего зарабатывать; при вступленіи съ евреями въ долговныя сдѣлки не обуславливать уплаты долга потерю чести и достоинства и вообще не «кабалить» себя кредитору; установить въ торговлѣ твердыя цѣны; торговать лишь на наличное; довѣрять только устойчивымъ капиталистамъ и остерегаться спекуляціи; по возможности покупать изъ первыхъ рукъ оптомъ, не прибѣгая къ посредничеству евреевъ, etc. *Tant de bruit pour une omelette!* Дѣло здѣсь сводится къ простой торговой конкуренціи и, надо признаться, совершенно легальной, а потому остается только желать предложеніямъ Гартмана полного осуществленія и всяческихъ успѣховъ, тѣмъ болѣе, что вѣроятно и всѣ благоразумные дѣловые люди изъ евреевъ будутъ руководиться такими вполне практическими правилами. Но спрашивается: изъ-за такихъ мелочныхъ выводовъ стоило-ли огороды городить?

Въ заключеніе Гартманъ «пробираетъ» евреевъ въ области науки, искусства, печати и политики (гл. 10—11). Еврей въ эпоху ветхозавѣтную, —говоритъ онъ,—имѣли національную культуру и ори-

гинальную, богатую литературу; но съ тѣхъ поръ, какъ они разсѣялись по Европѣ, они слишкомъ были поглощены борьбою за физическое существованіе, чтобы продолжать свое духовное развитіе по прежнему, и поэтому все пользовались только старымъ накопленнымъ умственнымъ капиталомъ, не создавая ничего новаго и оригинальнаго. Въ новѣйшее же время евреи, хотя и усердно подвизаются на поприсѣ знанія и искусства, но оригинальнаго ничего не создаютъ и занимаются только заимствованіемъ и популяризацией тѣхъ идей, которыя въ данную минуту обращаются въ окружающей ихъ «коренной» сферѣ (стр. 161 сл.). Что касается среднихъ вѣковъ, то вѣдь вообще они, какъ извѣстно, не произвели ничего оригинальнаго во всей области европейской мысли, ибо «авторитетъ» подавлялъ тогда разумъ, комментарий и толкованіе—самостоятельное изслѣдованіе. Во всякомъ случаѣ евреи, просвѣщавшіе вмѣстѣ съ арабами Европу въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, распространявшіе медицинское знаніе и выдвинувшіе изъ своей среды Маймонидовъ, Авицеброновъ и цѣлый рядъ философовъ, ученыхъ и теологовъ,—евреи во всякомъ случаѣ не стояли ниже, по духовной производительности, средневѣковыхъ христіанъ и, не смотря на страшную борьбу за существованіе, просто за жизнь, они все-таки были самымъ духовнымъ—если можно такъ выразиться—изъ всѣхъ тогдашнихъ народовъ. Что же касается новѣйшаго времени, то достаточно сказать, что оно начинается безсмертнымъ Спинозою и оканчивается такими оригинальными умами и сильными характерами, какъ Гейне, Лассаль и Марксъ. Если на почвѣ метафизики и бесплоднаго философскаго умозрѣнія евреи въ послѣдніе вѣка ничего не сдѣлали, то это только благодаря ихъ позитивному, научному и истинно-философскому уму, чуждому всякихъ фантазій; а на почвѣ опытнаго знанія они выдвинули столько выдающихся силъ, что ихъ и счесть трудно (вспомнимъ хоть Лацаруса, Штейнталя, Опперта, обоихъ Дернбурговъ, Дармштетера etc. etc.). Во всякомъ случаѣ, утверждать, какъ это дѣлаетъ Гартманъ, что въ области мысли евреи ничего оригинальнаго и крупнаго не создали, что они всѣ—эклектики и ищутъ въ знаніи только легкой популяризации—было бы противно всѣмъ, имѣющимся на лицо фактамъ.

Гартманъ съ большимъ негодованіемъ трактуетъ, что евреи,

посредствомъ періодической прессы, вносятъ въ общество деморализацію. Мы совершенно согласны съ Гартманомъ, что ежедневная пресса, или, точнѣе, неизмѣрное ея распространеніе въ настоящее время, вообще губительно дѣйствуетъ на развитіе литературы, ибо она отвлекаетъ умы отъ серьезнаго, основательнаго, обсуждая всевозможные вопросы съ легкимъ сердцемъ, привлекая умы къ минутному, давая своей публикѣ испорченную и легкую духовную пищу вмѣсто здоровой и питательной, словомъ—эта летучая пресса, въ области своего чисто-практическаго значенія, какъ «вѣдомостей» и справочныхъ источниковъ—способна только деморализовать неподготовленные умы, черпающіе въ ней все свое «развитіе». Виновна въ деморализаціи, слѣдовательно, пресса; а кто бы ни стоялъ во главѣ ея, еврей или христіанннъ, онъ все равно не будетъ свободенъ отъ недостатковъ, присущихъ этому занятію. Такъ зачѣмъ же тутъ толковать о специально-еврейской деморализаціи, если случайно въ числѣ коноводовъ «прессы» находятся и евреи?

Не болѣе основательны нареканія Гартмана на политическую дѣятельность евреевъ (11-я и послѣдняя глава). Евреи, молъ, въ политикѣ преслѣдуютъ лишь свои племенные интересы и стремятся къ «міродержавству»; на эту фикцію мы въ общихъ чертахъ возражали выше. Далѣе, всѣ еврейскіе политическіе дѣятели—большіе либералы или даже радикалы, чтò тоже составляетъ грѣхъ въ глазахъ консервативнаго фонъ-Гартмана. На это можно отвѣтить, что евреи слишкомъ много страдали отъ рабства и безправія, чтобы идти въ лагерь тѣхъ, которые рабство и неравенство во всѣхъ видахъ защищаютъ. Особенно сердится Гартманъ на евреевъ за то, что они всегда находятся въ оппозиціи къ (германскому) правительству; это потому, будто бы, что нынѣшнее бисмарковское правительство проигнуто національной идеею и борется за благо низшихъ классовъ, эксплуатируемыхъ якобы евреями etc. Фактъ Гартманъ констатировалъ вѣрно, но объясненіе далъ ложное. Евреи дѣйствительно составляютъ оппозицію Бисмарку въ настоящемъ германскомъ парламентѣ, но не какъ евреи, а какъ носители извѣстныхъ политическихъ убѣжденій. Они противодѣйствуютъ во внутренней политикѣ Бисмарка не истинному національному духу, а грубому шовиниз-

му, возмутительному національному эгоизму и тупому самодовольству, которые со времени франко-прусской войны положительно деморализуютъ національный характеръ нѣмцевъ. «Государственному социализму» Бисмарка мыслящіе евреи, вмѣстѣ съ лучшими нѣмцами (Вирховъ, Рихтеръ), противодѣйствуютъ потому, что видятъ во всемъ этомъ только плохо скрываемое стремленіе усилить государственное вмѣшательство во всѣ общественныя дѣла * и такимъ образомъ постепенно уничтожить въ Германіи и тотъ призракъ конституціонализма, который она еще имѣетъ. Покойный государственный дѣятель Эдуардъ Ласкеръ былъ весь воплощеніемъ этихъ великихъ оппозиціонныхъ идей. Гартманъ можетъ не соглашаться принципиально съ этими идеями, но вмѣнять ихъ еврейскимъ политическимъ дѣятелямъ *въ вину* онъ имѣетъ столь же мало права, какъ евреи—вмѣнять ему въ вину его консервативныя политическія убѣжденія.

Мы окончили разборъ книги Э. Гартмана. Но мы-бы желали еще, въ заключеніе, отвѣтить на одинъ вопросъ, который невольно возникаетъ передъ нами по прочтеніи книги Гартмана: чѣмъ объяснить такіе узкіе и малогуманные взгляды у человѣка, который не только отказывается самъ отъ всякой солидарности съ антисемитами или юдофобами, но который вообще извѣстенъ какъ серьезный мыслитель-теоретикъ, за которымъ многіе признаютъ немаловажное мѣсто въ новѣйшей исторіи философіи, считая его основателемъ новой метафизико-этической школы (школы «безсознательнаго» въ метафизикѣ и «пессимизма» въ этикѣ)? — Намъ кажется, что отвѣта на этотъ вопросъ нужно искать въ самомъ характерѣ нравственной философіи Гартмана. Мы говоримъ: нравственной, потому что въ метафизической части его философіи (теоріи безсознательнаго), конечно, нѣтъ ничего такого, что могло бы имѣть какое-либо отношеніе къ занимающему насъ вопросу.

Въ своей нравственно-соціальной системѣ, Гартманъ является въ полномъ смыслѣ слова сыномъ своего времени, продуктомъ

* Ср., напримѣръ, съ какимъ негодованіемъ говоритъ о подобномъ вмѣшательствѣ величайшій мыслитель настоящаго времени, Г. Спенсеръ, въ своей новой брошюрѣ „Грядущее рабство“.

той глубокой реакціи, которая въ послѣднія десятилѣтія тяготѣетъ надъ европейскимъ обществомъ. Эта реакція, главнымъ образомъ, состоитъ: въ отрицаніи великаго принципа индивидуальной свободы, требующаго безусловной свободы личности во всей той сферѣ, гдѣ эта свобода не вредитъ интересамъ общества или другихъ личностей; въ подчиненіи личности неограниченной опеке государства; въ отрицаніи принциповъ равенства и свободы—какъ основныхъ началъ нравственности, т. е. въ непризнаніи тождества пользы, разумно и широко понятой, и справедливости*; въ отрицаніи вообще «естественныхъ правъ», присущихъ людямъ и долженствующихъ служить основаніемъ всякой правовой системы. Эдуардъ Гартманъ опредѣленнѣе всѣхъ другихъ своихъ современниковъ выразилъ эти реакціонныя стремленія. Мы приводимъ изъ недавно вышедшей книги г. *Цертелева*: «Современный пессимизмъ въ Германіи: Шопенгауэръ и Гартманъ» (Москва, 1885)—краткій синтезъ взглядовъ Гартмана на нравственно-общественныя задачи; въ точности и подлинности этого синтеза тѣмъ болѣе нельзя сомнѣваться, что онъ принадлежитъ одному изъ послѣдователей Гартмана.

Свобода, по мнѣнію Гартмана, есть не понятіе самостоятельное, а только соотносительное съ понятіемъ *принужденія*. «Только въ одной сферѣ, всякаго рода принужденіе, при какихъ-бы то ни было условіяхъ, бессмысленно, а именно — въ области религіи; это потому, что здѣсь сама сущность дѣла во внутреннемъ духовномъ процессѣ, основанномъ на вѣрѣ. Въ области же политической и социальной всякая форма принужденія разумна, поскольку оно требуется обстоятельствамъ» (стр. 188). — «Весь культурный процессъ человѣчества, — говоритъ далѣе Гартманъ, — состоитъ въ томъ, что отдѣльныя личности становятся все свободнѣе отъ принужденія природы, подчиняясь все болѣе принужденію человѣческому, цивилизаціонному» (ibid). *Несвобода* лю-

* Этотъ послѣдній принципъ, равно какъ принципъ индивидуальной свободы, блестяще развиты однимъ изъ гениальнѣйшихъ мыслителей и идеальнѣйшихъ людей нашего вѣка, Д. Ст. Миллемъ, въ его произведеніяхъ „Утилитаріанизмъ“ и „О свободѣ“. Какъ извѣстно, принципы эти были всеобщепризнаннымъ нравственнымъ *credo* всѣхъ выдающихся мыслителей во вторую половину прошлаго и въ первую половину нынѣшняго столѣтія.

дей, по мнѣнію Гартмана, не только всегда будетъ существовать, но даже будетъ все усиливаться: рабство, напримѣръ, замѣняется крѣпостничествомъ; освобожденные отъ крѣпостничества опять порабощаются капитализмомъ и такъ далѣе.

Принципъ индивидуальной свободы безусловно отрицается Гартманомъ. «Отрицаніе индивидуальной свободы и склонность Гартмана пользоваться исключительно эмпирическими методами приводятъ его къ отрицанію какого-бы то ни было *естественнаго права*. Для него всякое право есть историческій продуктъ, возникающій вмѣстѣ съ законодательствомъ и коренящійся въ его положеніяхъ. *Естественнаго права не существуетъ*. Такъ называемое «естественное право» есть безпредметная фикція... Гартманъ находитъ, что всѣ попытки философовъ построить естественное право, примѣнимое ко всему человѣчеству, неправильны и лишены значенія (тамъ-же, стр. 199 и сл.). *Право* для Гартмана не существуетъ какъ самостоятельное нравственное начало. Вмѣсто того, чтобы поставить право въ зависимость отъ свободы, Гартманъ основываетъ его на такъ называемомъ «порядкѣ». Но что такое по Гартману «порядокъ»? — случайная правовая система *установившаяся*, хотя-бы даже незаконно, хотя бы и покоящаяся на отсутствіи порядка. Но это, конечно, полное отрицаніе нравственности въ сферѣ права (стр. 201—203).

И такъ, нравственно-юридическое ученіе Гартмана совершенно ясно формулируетъ и проповѣдуетъ тѣ именно начала, которыя служатъ самыми характеристическими признаками нынѣ господствующей реакціи. Въ тѣсной связи съ этой реакціей стоитъ, какъ извѣстно, фактъ крайняго обостренія въ наше время ложно-національнаго чувства, проповѣдующаго грубый національный и расовый эгоизмъ вмѣсто мирнаго единенія націй и порождающаго явленія, гораздо болѣе гибельныя для человѣчества чѣмъ послѣдствія, вытекающія отъ грубаго индивидуальнаго эгоизма. Однимъ изъ наиболѣе гибельныхъ порожденій этой противо-гуманной реакціи есть, безспорно, антисемитизмъ. Такимъ образомъ, по справкѣ въ родословной оказывается, что антисемитизмъ и философія Гартмана приходятся другъ другу весьма близкими родственниками: они оба — порожденія реакціи, и различаются между собою только какъ частное и общее, въ степени, а не въ сути. Дѣйствительно,

разъ мы отрицаемъ естественное право, свободу не признаемъ основаніемъ и нормою юридическаго порядка, а равенство людей передъ закономъ отвергаемъ, какъ это дѣлаетъ Гартманъ, то отсюда уже—прямая дорога къ частнымъ выводамъ, сдѣланнымъ тѣмъ-же Гартманомъ въ разобранной нами книгѣ, а именно: что эмансипація дана евреямъ вовсе не по праву, а въ видѣ милости; что евреи, поэтому, не имѣя права на равенство передъ закономъ и все-таки пользуясь имъ, должны въ благодарность за то отречься отъ всякаго даже внутренняго, пассивнаго племеннаго чувства; и что гдѣ сталкиваются интересы еврея и нееврея, государство должно покровительствовать послѣднему etc. Гартманъ, конечно, не сочувствуетъ *пропагандѣ* антисемитовъ; но нѣтъ также сомнѣнія, что его доводы весьма близко родственны со многими изъ жалкихъ антисемитическихъ теорій. Во всякомъ случаѣ, онъ остался вѣренъ самому себѣ, и грѣхи его по отношенію къ еврейству суть только прямыя послѣдствія его грѣховъ по отношенію къ праву, нравственности и свободамъ, совершенныхъ имъ въ его этико-юридической системѣ.

С. Мстиславскій.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОМАНѢ.

1) *И. А. Немировский*. Пробужденіе. Современный еврейскій вопросъ въ лицахъ. Въ двухъ частяхъ. Москва, 1885.

2) *А. Севергъ*. На биржѣ. Романъ въ трехъ частяхъ. Переводъ съ польскаго А. Сахаровой. (Приложеніе къ журналу «Живописное Обзорѣніе»). Спб., 1885.

Публицистическій романъ сталъ въ наше время моднымъ видомъ изящной литературы. Общій типъ этого вида романа весьма простъ: выбирается болѣе или менѣе драматическій моментъ изъ современной общественно-политической жизни — хотя бы, наприимѣръ, борьба партій; въ ходъ этой борьбы вплетаются какая нибудь романическая коллизія, въ родѣ любви между представителями различныхъ партій, порождающей нужную «борьбу чувства съ долгомъ»; фабула развивается въ связи съ развитіемъ выбраннаго общественнаго момента, углубляется развязкой, печальной или радостной — и романъ готовъ. Само собою разумѣется, что чѣмъ драматичнѣе выбранный социальный моментъ, тѣмъ живѣе и художественнѣе можетъ быть основанный на немъ романъ. При этомъ необходимо еще различать два вида публицистическаго романа: первый, когда авторъ задается цѣлью художественною и выбираетъ какой нибудь общественный моментъ только въ видѣ подкладки, въ видѣ субстрата для художественно-психологическихъ построеній; второй, когда авторъ имѣетъ въ виду популяризировать извѣстную социальную идею изъ массы борющихся между собой идей и подбираетъ какую нибудь романическую интригу исключительно съ цѣлью популяризации своей идеи. Послѣдній видъ есть то, что въ тѣснѣйшемъ смыслѣ можетъ быть названо «тенденціознымъ романомъ» При извѣстной степени тенденціозности, подобный романъ можетъ пригля-

заться къ чистой публицистикѣ, между тѣмъ какъ романъ перваго вида, при известномъ соблюденіи своей основной задачи, можетъ приблизиться къ истинному, художественному типу романа.

Предъ нами лежатъ два подобныхъ романа, темы которыхъ взяты изъ еврейской общественной жизни послѣдняго времени. Эти два романа отличаются другъ отъ друга какъ по содержанію, т. е. по характеру выбраннаго общественнаго момента, такъ и по нѣкоторымъ отбѣнкамъ формы. Одинъ изъ нихъ—романъ г. Немировскаго, озаглавленный «Пробужденіе» — заимствовалъ свой сюжетъ изъ общественной жизни евреевъ въ Россіи въ послѣднія нѣсколько лѣтъ, другой—романъ польскаго писателя Севера «На биржѣ» — изъ политической жизни галиційскихъ евреевъ; первый, сверхъ того, подходитъ подъ формулированный нами выше крайній видъ тенденціознаго романа и стоитъ гораздо ближе къ публицистикѣ, нежели къ беллетристикѣ; второй же принадлежитъ къ первому изъ указанныхъ видовъ романа и значительно приближается къ художественному типу.

Сопоставленіе этихъ двухъ произведеній или, точнѣе, ихъ сюжетовъ можетъ навести на весьма интересныя размышленія. Поэтому, рассмотримъ ихъ послѣдовательно, и прежде всего — «романъ» г. Немировскаго.

Что русско-еврейская жизнь послѣднихъ лѣтъ полна глубокаго драматизма (трагическаго, конечно)—едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Пережитыя недавно русскимъ еврействомъ потрясенія, помимо своихъ непосредственныхъ послѣдствій — матеріальныхъ и экономическихъ бѣдствій, имѣли еще послѣдствіемъ огромную массу нравственныхъ страданій, горячую борьбу идей, чувствъ и стремленій въ средѣ самаго еврейства. Мучительную боль отъ этого нравственнаго удара живѣе всего почувствовало еврейское молодое поколѣніе, и не потому только, что оно вообще отличается большею нравственною чувствительностью, а потому главнымъ образомъ, что этотъ ударъ былъ прямо направленъ противъ всѣхъ заветныхъ стремленій, противъ всѣхъ дорогихъ убѣжденій, воодушевлявшихъ еврейскую молодежь во время, предшествовавшее кризису, и вошедшихъ въ ея плоть и кровь. Рокое анти-еврейское движеніе 81-го года застало еврейскую молодежь въ тотъ моментъ, когда горячая проповѣдь «слиянія» была на всѣхъ устахъ, когда лозунгомъ этой молодежи было — братское соединеніе съ русскимъ народомъ, съ русскимъ молодымъ поколѣніемъ, для общей работы во благо родины. Какой тяжкій ударъ должны были нанести этой экзальтиро-

ванной молодежи всѣмъ намятныя ужасныя событія! Какъ больно долженъ былъ отразиться этотъ ударъ на той рукѣ, которая была простерта для братскаго единенія!.. Это было началомъ внутренней трагедіи въ средѣ еврейства. Дальнѣйшіе моменты этой трагедіи намъ всѣмъ извѣстны: многіе изъ насъ сами мучительно ихъ пережили. Напряженная борьба, раздѣленіе на партіи, столкновеніе противоположныхъ идей и стремленій, разбродъ молодыхъ силъ.. развѣ можно сказать, что все это только *было*? Нѣтъ. Зававѣсь еще не опущенъ; трагедіи, повидимому, еще далеко до конца...

Выгодность подобнаго момента для романческаго сюжета бросается въ глаза. Этотъ моментъ такъ и просится въ драму. И нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ имъ не воспользовались для беллетристическихъ цѣлей. Читатели «Восхода», можетъ быть, болѣе другихъ имѣли возможность убѣдиться въ противоположномъ. Во всякомъ случаѣ, взявшись изобразить «еврейскій вопросъ въ лицахъ», авторъ «Пробужденія» не могъ сказать, что онъ не имѣлъ прецедентовъ въ этой области. Необходимо, однако, признать, что произведеніе г. Немировскаго имѣетъ одну отличительную черту: въ то время, какъ другія однородныя произведенія пользовались современными событіями, какъ удобною канвою для разныхъ романческихъ или же бытовыхъ узоровъ, въ книгѣ г. Немировскаго романческій и бытоописательный элементы отступаютъ на самый задній планъ, а на первый выступаетъ стремленіе проповѣдывать, поучать, или же просто обсуждать современное положеніе еврейскаго вопроса. Авторъ, можетъ быть, благо-разумно поступилъ, что не поставилъ на заглавномъ листѣ своей книги слово «романъ»: этимъ онъ отчасти самъ какъ бы изъясняетъ свое произведеніе изъ разряда беллетристическихъ, сдѣлавъ его не подлежащимъ художественной критикѣ и совсѣмъ близко придвинулся къ рядамъ публицистовъ. Но критикѣ все-таки еще остается рѣшить, выигралъ ли авторъ отъ подобнаго приѣма, даже въ предѣлахъ своей задачи, и не могъ ли бы онъ вѣрнѣе достичь своей цѣли, если бы побольше заботился о художественной отдѣлкѣ своего произведенія и почаще бы замѣнялъ длинныя и скучныя разсужденія на извѣстную тему живымъ дѣйствіемъ, которое бы, разъясняя извѣстную идею, больше дѣйствовало на сердце, нежели на умъ. А вѣдь послѣднее именно авторъ и имѣлъ въ виду, взявшись изобразить еврейскій вопросъ «въ лицахъ».

Нельзя сказать, чтобы эти лица не соответствовали дѣйствительности; но они какъ-то очень неопредѣленны, общи и мало характерны. А такъ

какъ вся суть этихъ «лицъ» состоитъ въ томъ, что они являются носителями разныхъ идей, то и идеи представляются весьма блѣдными, маложизненными, и для оживленія ихъ авторъ употребляетъ длинныя разсужденія. Соответственно этому, и фабула «романа» совершенно безцвѣтна и вообще истерта. Читая книгу, кажется, что все это когда-то и гдѣ-то уже было сказано, и самъ уже много разъ это читалъ. Суть этой фабулы состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ первой главѣ первой части авторъ знакомитъ насъ съ главными героями своего разсказа. Для этого онъ выбираетъ очень удобный моментъ: онъ устраиваетъ большой балъ въ домѣ одного изъ этихъ героев, Герценштейна, приглашаетъ туда почти всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, которыя, конечно, всѣ являются, и представляетъ ихъ намъ. Вотъ хозяинъ дома, разжившійся купецъ Наумъ Григорьевичъ Герценштейнъ, попавшій изъ мелкихъ факторовъ въ финансовые тузы и увлекшій за собою въ эту же сферу свою благовѣрную половину, Ревекку Ивановну, *si-devant* Ривку Юоновну, успѣшно занимавшуюся нѣкогда рыночной развозной торговлей. Общій типъ подобныхъ людей извѣстенъ: внѣшнй «европейскій» лоскъ при самомъ жалкомъ невѣжествѣ, стремленіе къ цивилизаціи — конечно, чисто внѣшней — при полномъ духовномъ убожествѣ, преклоненіе передъ блескомъ, властью и богатствомъ и презрѣніе къ честной бѣдности и скромности. Идеаль Герценштейна состоялъ въ томъ, чтобы (кромя, конечно, пущаго увеличенія своихъ финансовъ) давать своимъ дѣтямъ «блестящее» образованіе и обезпечить за ними впослѣдствіи блестящую же карьеру. И онъ уже отчасти осуществилъ этотъ идеаль: сыновья его, Павелъ и Теодоръ, уже учатся въ университетѣ, а красавица-дочь, Маргарита, уже окончила полный курсъ пансіонныхъ наукъ и, что важнѣе всего, «блестяще», совсѣмъ по-аристократски, играетъ на фортепіано. Ея будущее, конечно, обезпечено: денегъ въ кошнѣ Наума Григорьевича для нея припасено не мало, тысячь двадцать; ожидается только человекъ, который бы пожелалъ получить «руку и сердце» аристократки вкупѣ съ этимъ капиталомъ. Родительское сердце Наума Григорьевича радовалось бы, еслибъ его ненаглядная дочь вышла замужъ за Гринблата, приличнаго молодого человека, занимающагося коммерціею; но сердце дочери не лежитъ къ Гринблату. Въ этомъ сердцѣ таится роковая любовь къ молодому русскому студенту, Александру Остольскому, сыну мѣстнаго предводителя дворянства, а въ ужѣ дѣвушки гнѣзятся такія «идеи», сть которыхъ благополучный ея отецъ, при всей своей «цивилизаціи»

пришелъ бы въ ужасъ. Да! мы еще забыли упомянуть объ одномъ весьма важномъ обстоятельстве: дѣйствіе происходитъ въ одномъ большомъ южно-русскомъ городѣ и — въ первой части разсказа — въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ, въ это горячее время «ассимиляціи» съ одной стороны и нигилистической пропаганды — съ другой. Многіе изъ представителей еврейской учащейся молодежи соединились въ братскій союзъ съ представителями русской молодежи, съ общою цѣлью спасти отечество и, елико возможно, весь родъ человѣческой. Молодой Герценштейнъ, Павелъ, и его сестра Маргарита состояли членами пропагандистскаго кружка, гдѣ дѣйствовалъ ихъ другъ Остольскій. Къ этому же кружку принадлежалъ и Винштокъ, бѣдный, но даровитый молодой человѣкъ, прошедшій «огонь и воду» и исключенный изъ университета; за нимъ пошла туда и сестра его, Сара, весьма ограниченная дѣвушка, а потому и болѣе фанатичная адептка тѣхъ кружковскихъ идей. Вся эта молодежь, воображая себя призванной рѣшить судьбу всего человѣчества, конечно, не хотѣла имѣть ничего общаго съ еврействомъ и видѣла его спасеніе только въ совершенномъ сляніи съ русскимъ народомъ; больше того, она даже сама поддавалась господствующимъ предрасудкамъ противъ евреевъ и третировала своихъ единоплеменниковъ en saaille. Только одинъ юноша не поддавался этому кружковскому влиянію: это былъ младшій сынъ Герценштейна, Федоръ, стоявшій совершенно особнякомъ отъ кружковцевъ и таившій въ себѣ искреннее сочувствіе къ своему обездоленному народу — къ евреямъ. Вотъ мы видимъ его, на балѣ, горячо спорящимъ съ Винштокомъ и другими «общечеловѣками»; онъ объявляетъ себя за идею національности и считаетъ обязанностью еврея работать для блага своего племени, а не витать въ туманныхъ космополитическихъ сферахъ. Ограниченный Павелъ осмѣиваетъ этого «націонала», но умный Винштокъ задумывается надъ словами Павла, котораго поддерживаютъ кромѣ того еще Гринблатъ и Нотовичъ, уже пожилой, но умный и разсудительный еврей средняго состоянія.

На этихъ герояхъ вращается весь дальнѣйшій ходъ разсказа. Каждый изъ главныхъ героевъ имѣетъ два занятія: онъ влюбляется и разсуждаетъ объ общественныхъ вопросахъ. Діалоговъ и споровъ, однако, въ книгѣ гораздо больше, чѣмъ любовныхъ эпизодовъ. Последніе весьма незатѣливы. Главнѣйшій изъ нихъ — любовь Маргариты и Остольскаго. Последній не на шутку влюбляется въ еврейскую дѣвушку. Онъ пытается объяснить ей свои чувства, но за такія «нѣжности» получаетъ порядочный нагоняй отъ проникнутой «идеями» барышни, которая хотя его и любитъ,

но любовью, которая «не побѣдитъ разсудокъ». Молодой человекъ, конечно, чувствуетъ себя несчастнымъ. Жаръ любви мало по малу разгорается и въ Маргаритѣ; но какъ ей быть? Вѣдь не можетъ же она связать навѣки свою судьбу съ Остольскимъ, поелику она еврейка; а если она сдѣлаетъ роковой шагъ, то вѣдь убьетъ этимъ своихъ родителей, которыхъ она все-таки любитъ. Можетъ быть, она бы въ концѣ концовъ, въ виду этихъ соображеній, какъ нибудь вылезлась отъ своей страсти, и все кончилось бы благополучно, если бы на роковой шагъ не ватолкнули ее сами обстоятельства. Дѣло въ томъ, что, не смотря на всю чистоту ея отношеній къ Остольскому, сиплетня успѣла очернить ихъ, и услужливыя кумушки не замедлили довести объ этомъ къ свѣдѣнію родителей Герценштейна. Послѣдніе, конечно, всполошились; стали дѣвку терзать да мучить, срамить ее за ея «любобную связь» съ Остольскимъ и убѣждали скорѣе выйти замужъ за Гринבלата. Оскорбленное самолюбіе Маргариты не вытерпѣло: она сдѣлалась мученицей за еще не совершенный грѣхъ — и она рѣшилась заслужить это мученичество, и не пожалѣть родителей, которые и ея не жалѣли. Въ одинъ прекрасный вечеръ она сбѣжала изъ дома родителей и отправилась къ Остольскому. Послѣдній, конечно, ее принялъ съ распростертыми объятіями, предложилъ сейчасъ же сочтаться съ нею формальнымъ бракомъ, но благородная дѣвушка отклонила его предложеніе, не желая причинить хлопотъ своему возлюбленному и вполнѣ ему довѣряясь. Они зажили вмѣстѣ по «гражданскому браку».

Далеко не такъ успѣшно кончилась другая любовная исторія: любовь Бинштока къ своей ученицѣ, Маріи, сестрѣ Остольскаго. Когда онъ какъ-то разъ вздумалъ объясниться въ любви этой кроткой и безстрастной дѣвушкѣ, то былъ весьма неприятно пораженъ внезапнымъ появленіемъ родителей послѣдней, предводителя дворянства, Петра Степановича, и супруги его, Софьи Николаевны Остольскихъ, которые, подслушавъ его объясненіе и нашедъ его *in flagranti*, набросились на него, «жида», дерзнувшаго посягнуть на «дѣвицу-красу, на дворянскую дочь», и съ позоромъ выгнали его изъ своего дома. Этотъ печальный эпизодъ не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на Бинштока и еще больше пошатнулъ въ немъ его ассимиляціонныя идеи. Въ это же время сестра Бинштока, Сара, влюбленная въ Павла Герценштейна, рѣшается сочтаться съ нимъ тоже гражданскимъ бракомъ, и когда его, со многими изъ его партій, арестуютъ и ссылаютъ, она убѣгаетъ изъ дома родителей и отправляется къ своему возлюбленному въ ссылку.

Таковы незатѣйливыя лица и фабула первой части «Пробужденія», озаглавленной «На распутья». Изображеніе «еврейскаго вопроса» въ этихъ лицахъ состоитъ не столько въ ихъ дѣйствіяхъ, весьма ординарныхъ и вовсе не характерныхъ, сколько въ ихъ непрерывныхъ разсужденіяхъ. Такъ, кромѣ вышеупомянутыхъ разсужденій, въ 4-й главѣ обсуждается вопросъ о томъ, составляютъ ли евреи націю, или же религіозную секту. Въ 5-й главѣ Теодоръ Герценштейнъ произноситъ длиннѣйшую рѣчь на тему: о негодности космополитизма и спасительности націоналистическаго принципа, который будто бы составляетъ послѣднее слово прогресса; о причинахъ антисемитическаго движенія etc. Въ 6-й главѣ редакторъ-юдофобъ Озміевичъ проповѣдуетъ идею о тлетворности евреевъ. Въ 7-й главѣ необыкновенно пространно обсуждается вопросъ о цѣлесообразности и возможности полнаго религіознаго слиянія евреевъ съ христіанами, — причѣмъ вопросъ этотъ рѣшается отрицательно. Вообще, разсужденій не мало; но вопросъ въ томъ, много ли въ нихъ оригинальнаго?

Во второй части разсказа г. Немировскаго дѣйствіе происходитъ во время первыхъ южно-русскихъ погромовъ и въ ближайшую къ нимъ послѣдующую эпоху. Эта часть, озаглавленная «На пути», открывается разсужденіемъ автора о «значеніи переживаемой нами эпохи», за которымъ слѣдуетъ описаніе броженія, предшествовавшаго погромному періоду и, наконецъ, описаніе самаго погрома въ городѣ N., гдѣ жили всѣ наши герои (глава I). Относительно предварительныхъ разсужденій самого автора, надо замѣтить, что они весьма сложны, многообъемлющи и, можетъ быть, поэтому не вполне ясны: тутъ есть и философія исторіи, и публицистика, и всяческіе «идеалы будущаго». Философію исторіи представляетъ тезисъ автора, что исторію надо «раздѣлить на два огромные періода: одинъ до 81-го года (т. е. 1881 г.), представляющій жалкую картину неподвижности цѣлаго народа, и другой — отъ 81-го года, выразившійся въ могучемъ пробужденіи этого народа» (стр. 200). Въ чемъ авторъ видитъ *всенародное* пробужденіе евреевъ, знаменующее новую эру въ исторіи? Не въ движеніи-ли отдѣльныхъ ничтожныхъ частицъ? Не слишкомъ ли уже это оптимистично? Далѣе авторъ говоритъ: «Страшныя бѣдствія и мученія перенесли евреи, благодаря пробужденію *національнаго эгоизма* европейскихъ народовъ, но за то всѣ эти бѣдствія принесли громадную пользу евреямъ: всѣ ихъ космополитическія иллюзіи лопнули, какъ мыльный пузырь, они убѣдились, что вездѣ господствуютъ національныя стремленія; что только націонализмъ ведетъ къ безоасному существованію и прогрессивному развитію

его (чь?) духовныхъ качествъ» (стр. 202) etc. Выходить, что, съ одной стороны, авторъ осуждаетъ «національный эгоизмъ европейскихъ народовъ», приведши ихъ къ безчеловѣчнымъ дѣйствіямъ надъ евреями; съ другой же—онъ совѣтуетъ евреямъ проникнуться этимъ же національнымъ эгоизмомъ, увѣряя, что въ послѣднемъ прогрессъ и гуманность. Какъ вы тутъ разберетесь? Впрочемъ, оставимъ разсужденія автора и перейдемъ къ похожденіямъ его героевъ.

Съ этими послѣдними г. Немировскийъ расправляется совсѣмъ безцеремонно и вообще наскоро сбываетъ ихъ съ рукъ. Всѣ эти герои ему понадобились только, какъ подставныя куклы, на которыхъ онъ сооружаетъ зданіе идей и разсужденій; а тутъ, видите ли, приспѣла горячая пора: идеи такъ и кишатъ въ атмосферѣ, пламенные споры и разсужденія о настоящемъ и будущемъ еврейства оглашаютъ воздухъ,—гдѣ же тутъ возиться съ героями и мелкими страстишками?—Главная героиня романа, Маргарита, послѣ полуторагодовой жизни съ Остольскимъ, которому она подарила въ это время ребенка, начинаетъ сознавать ненормальность своего положенія. Ея возлюбленный уже значительно охладѣлъ къ ней и уязвивается за другою, богатую русскою барышнею, на которой собирается жениться; Маргарита все болѣе начинаетъ тяготиться положеніемъ любовницы; начинаются непріятныя сцены. Наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, Остольскій ей совсѣмъ ясно намекаетъ, что онъ былъ бы очень доволенъ, если бы она вернулась въ домъ своихъ родителей. Это окончательно выводитъ изъ себя Маргариту; слѣдуетъ сцена размолвки. Она рѣшается бѣжать. Это было какъ разъ въ вечеръ погрома. Изнуренная, оборванная бродитъ она съ ребенкомъ по раззоряемымъ улицамъ города (тутъ авторъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы по возможности больше уподобить этотъ моментъ ужасной Вареолюжеевской ночи), собирается даже топиться, но во-время раздумываетъ и, наконецъ, все-таки не рѣшаясь вернуться къ родителямъ, находитъ пріютъ въ квартирѣ у одного своего знакомаго, Шмедрикова. Послѣ приличной въ подобныхъ случаяхъ продолжительной болѣзни (горячки, разумѣется), во время которой ея ребенокъ умираетъ, она выздоравливаетъ, начинаетъ приходить въ себя, узнаетъ объ ужасныхъ общественныхъ событіяхъ, читаетъ еврейскія газеты, проповѣдующія «исходъ» (авторъ даже опредѣляетъ какія: ея любимымъ чтеніемъ былъ журналъ «Разсвѣтъ»—говорить онъ) и наконецъ становится палестинофилой. Въ это же время она сблизается съ нѣкогда отвергнутымъ ею поклонникомъ Гринбла-томъ, который теперь сталъ во главѣ палестинскаго движенія, и прони-

кается къ нему уваженіемъ и любовью. Наконецъ она съ партією эмигрантовъ отправляется въ Палестину, куда обѣщаль ей пріѣхать и Гринблатъ, конечно съ тѣмъ, чтобы «увѣнчать зданіе»... свадьбою съ Маргаритою. Въ Палестину же отправляется и многострадальный Бинштокъ, совсѣмъ уже отрехійся отъ прежнихъ пропагандистскихъ, нигилистическихъ идей, и пропагандирующій теперь вмѣсто нихъ—идеи колонизаціи Палестины. Сара, сестра Бинштока, пріѣхала было домой, но, всѣми отвергнутая за ея приверженность къ прежнимъ убѣжденіямъ, она опять возвращается къ своему возлюбленному Павлу Герценштейну въ Сибирь. Тѣмъ «романъ» и кончается.

Благополучно сбывъ, такимъ образомъ, съ рукъ всѣхъ своихъ героевъ и героинь, авторъ всецѣло предается «дѣлу», т. е. разсужденіямъ о всяческихъ вопросахъ, каковыми разсужденіями переполнена безъ малаго вся вторая часть его книги. Во второй главѣ авторъ собираетъ евреевъ города N. въ синагогу, и устами одного дѣйствующаго лица разсказа, Нотовича, читаетъ имъ длинную рѣчь о важности для нихъ земледѣльческаго труда, но не на почвѣ Европы, а гдѣ-то внѣ ея; причемъ онъ посылаетъ «нѣсколько словъ по адресу «палестинцевъ» и «американцевъ», склоняясь однако на сторону первыхъ. Въ четвертой главѣ г. Немировскийъ устами Гринבלата «произноситъ рѣчь», въ которой развиваетъ мысль, что нелюбовь къ евреямъ въ Европѣ есть естественное явленіе, основанное на томъ, что еврей—вездѣ чужіе, не имѣютъ «своего дома» etc. Разсматривая въ еврействѣ четыре группы, изъ коихъ первая видитъ спасеніе въ Мессіи, вторая—въ прогрессѣ, третья—въ ассимиляціи, а четвертая—въ самозмансипаціи,—ораторъ «склоняется на сторону послѣдней, доказывая несообразность предыдущихъ». Все это, конечно, очень банально; мѣстами авторъ прямо говоритъ словами передовыхъ статей покойнаго «Разсвѣта» и палестинфильскихъ брошюръ. Гораздо благороднѣе поступилъ авторъ въ пятой главѣ, гдѣ представилъ довольно ясную картину бѣдствій, испытанныхъ первыми эмигрантами въ Бродахъ. Но авторъ какъ-то не любитъ повѣствованія и постоянно возвращается à ses moutons — къ излюбленнымъ имъ разсужденіямъ, рѣчамъ и спорамъ. Въ шестой главѣ онъ повторяетъ всѣ избитые споры американофиловъ и палестинфиловъ. Въ слѣдующей затѣмъ главѣ онъ заставляетъ своего героя, Бинштока, прочесть предлинную лекцію «о географическомъ, этнографическомъ и политическомъ положеніи Палестины»,—лекцію, занимающую 22 страницы и уже совершенно портящую впечатлѣніе ансамбля. Наконецъ, авторъ заставляетъ

другого героя, Гринблата (хорошо еще, что онъ ихъ чередуетъ, а то бы у нихъ въ горлѣ засохло отъ всѣхъ этихъ «рѣчей»), произнести рѣчь о способахъ устройства земледѣльческихъ колоній въ Палестинѣ (гл. 9).

Мы не станемъ излагать содержаніе всѣхъ этихъ разсужденій: всякому, слѣдившему за русско-еврейской публицистикой въ послѣднія нѣсколько лѣтъ, они уже давно успѣли набить оскомину. Еще менѣе считаемъ мы умѣстнымъ разбирать основательность взглядовъ, высказанныхъ авторомъ (очевидно, палестинифиломъ): болѣе серьезные и оригинальные произведенія не разъ давали намъ поводъ высказывать нашъ взглядъ на этотъ предметъ въ нашей «Литературной Лѣтописи». Но мы желали бы только, совершенно независимо отъ всякихъ «взглядовъ», указать на основной недостатокъ произведенія г. Немировскаго. Недостатокъ этотъ состоитъ въ томъ, что произведеніе это для романа—слишкомъ серьезно, а для серьезнаго труда — слишкомъ романнично, бессистемно. Если авторъ имѣлъ цѣлью популяризировать идею колонизаціи Палестины, онъ долженъ былъ сдѣлать одно изъ двухъ: или написать систематическую и удобопонятную серьезную книгу объ этомъ предметѣ, или же создать болѣе или менѣе художественный романъ, гдѣ не въ разсужденіяхъ, а въ *дѣйствіяхъ и въ жизни* героевъ проводилась бы любимая имъ идея. Въ первомъ случаѣ онъ бы могъ дѣйствовать на умъ, во второй—на чувство своихъ читателей; но въ обоихъ этихъ случаяхъ впечатлѣніе получилось бы цѣльное. Въ своей же книгѣ авторъ, погнавшись за двумя зайцами, не поймалъ ни одного: желая дѣйствовать и на умъ, и на сердце, онъ не производитъ достаточнаго впечатлѣнія ни на тотъ, ни на другое. Когда прихрамываетъ дѣйствіе его героевъ, онъ имъ подсовываетъ костыль изъ «разсужденій», а когда силлогизмы выходятъ хромыми, онъ подпираетъ ихъ романическимъ лицедѣйствіемъ.

Относительно вѣшной стороны книги г. Немировскаго можно сказать, что она въ общемъ удовлетворительна. Слогъ—гладкій, книжный, но лишенный образности и силы, — вообще слогъ обыкновенныхъ газетныхъ передовыхъ статей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ небрежныхъ и неправильныхъ выраженій (въ родѣ: «Яковъ изучилъ всѣ талмудическія премудрости и пріобрѣлъ даже нѣкоторую извѣстность въ *его* знаніи» (стр. 43), или «На этихъ карикатурахъ (обличавшихъ «продѣлки» евреевъ во время турецкой войны) евреи проходили всѣ фазисы развитія своего кармана, представляя двѣ крайности—отправленіе и возвращеніе» (стр. 201) и нѣк. др.),—крупныхъ стилистическихъ погрѣш-

ностей не встрѣчается. Скажемъ, однако, въ заключеніе, что за доброе назрѣніе, которое, вѣроятно, имѣлъ авторъ при изданіи своей книги, можно ему многое простить — даже неудачность выполненія. Нельзя отрицать, что кой-какое представленіе объ изображаемой авторомъ эпохѣ читатель можетъ вынести изъ его книги,—и въ этомъ смыслѣ мы можемъ ее рекомендовать нашимъ читателямъ.

Въ иную совсѣмъ область переносить насъ другой изъ разбираемыхъ нами романовъ—романъ польскаго писателя Севера *. Какъ мы уже говорили выше, произведеніе это рисуетъ социальное броженіе, происходящее въ настоящее время среди галиційскихъ евреевъ. И польскій романистъ, подобно г. Немировскому, имѣлъ въ виду извѣстную тенденцію, хотѣлъ въ своемъ произведеніи популяризировать извѣстную политическую идею; но для этого онъ избралъ совершенно другой путь, несомнѣнно болѣе вѣрный и болѣе пріятный. Броженіе идей, борьбу различныхъ партій и направленій онъ изобразилъ не въ скучныхъ и избитыхъ разсужденіяхъ, а въ живомъ непрерывномъ дѣйствіи, держащемъ вниманіе читателя въ постоянномъ напряженіи и производящемъ въ концѣ цѣльное впечатлѣніе. Справедлива или несправедлива тенденція автора, которая ниже разъяснится,—это, конечно, другой вопросъ, и намъ придется рѣшить его отрицательно; нѣтъ сомнѣнія также, что и въ романѣ г. Севера художественная сторона оставляетъ еще многого желать; но во всякомъ случаѣ романъ этотъ является вполне законченнымъ и цѣльнымъ произведеніемъ. Читатели, мы думаемъ, не соскучатся, если мы расскажемъ имъ вкратцѣ содержаніе этого романа.

Главный герой романа, молодой еврей Зызма, вокругъ котораго, какъ центра, группируются всѣ другія лица и всѣ событія, представляетъ собою типъ истиннаго «сына вѣка» со всѣми его недостатками и достоинствами. Дитя большихъ городовъ, онъ крайне подвиженъ, суетенъ, жаждетъ блеска, наслажденій, богатства; онъ, какъ древній римлянинъ, требуетъ только «хлѣба и зрѣлищъ»; но въ немъ все-таки еще таятся многіе благородные инстинкты, многія добрыя начала, запечатлѣнные въ его

* Если мы не ошибаемся, это не настоящее имя, а псевдонимъ одного весьма извѣстнаго польскаго романиста.

душѣ, можетъ быть, еще въ раннемъ дѣтствѣ. А дѣтство это онъ провелъ въ небольшомъ галиційскомъ городѣ, въ бѣдномъ еврейскомъ домѣ. Рано покинулъ онъ родительскій кровъ, гдѣ былъ только лишнимъ ртомъ, и пустился по свѣту «въ погону за счастьемъ». Онъ почалъ въ шумную Вѣну, гдѣ бурный жизненный вихрь совершенно поглотилъ его. Онъ былъ бѣденъ, беззащитенъ, неувѣренъ въ завтрашнемъ днѣ—и завѣтнымъ идеаломъ его сдѣлались богатство, удовольствіе и блескъ, которыя онъ на каждомъ шагу видѣлъ въ блестящей столицѣ Австріи. Болѣе возвышенныхъ идеаловъ онъ не могъ имѣть: образованіе его было слишкомъ ограниченное, чисто-житейское. Служа то факторомъ, то прикащикомъ въ магазинахъ, плохо питаясь и ведя амуры съ разными горничными и служанками, онъ мечталъ о роскошныхъ хоромахъ, объ изысканныхъ яствахъ и блестящихъ красавицахъ. Эти мечты привлекли его на биржу, на эту шумную арену, гдѣ богатства иногда наживаются въ одинъ мигъ. Но онъ не имѣлъ капитала, не имѣлъ, чѣмъ играть, и долженъ былъ ограничиться ролью зрителя, давшемъ ему возможность только доставлять ежедневно въ редакцію «Neue Freie Presse» бесплатные биржевые отчеты. Вотъ однажды онъ какъ-то рискнулъ десяткомъ гульденовъ, составлявшимъ весь его капиталъ, — и счастье ему улыбнулось: онъ выигралъ на биржѣ пару сотенъ гульденовъ. Это его ободрило; онъ сталъ искать случая навѣрняка выиграть крупный кушъ. Для этого онъ вступаетъ въ переговоры съ однимъ изъ лакеевъ Ротшильда, молодымъ венгерцемъ, давно ему знакомымъ; послѣдній берется за приличное вознагражденіе сообщить Зызмѣ какуюнибудь биржевую тайну, если ему случайно удастся ее подслушать въ покояхъ своего господина. Такой случай однажды представился. Лакею удалось какъ-то подслушать въ разговорѣ Ротшильда съ однимъ финансовымъ тузомъ фразу о томъ, что акціи знаменитаго Бонту должны окончательно упасть на слѣдующій день. Лакей немедленно сообщилъ эту тайну Зызмѣ, за что получилъ отъ него сто гульденовъ. Биржевой азартъ разыгрался въ молодомъ человѣкѣ не на шутку. Онъ будетъ, онъ долженъ играть; но откуда взять денегъ? Онъ закладываетъ все свое движимое имущество, всѣ пожитки, захватываетъ на пару дней нѣсколько сотъ гульденовъ у знакомой еврейской дѣвушки, дочери бѣднаго шарманщика, скопившаго эти деньги долготѣлнымъ трудомъ, сколачиваетъ кое-какъ 2,000 гульденовъ и является на биржу. Тутъ онъ смѣло играетъ на пониженіе акцій Бонту, и въ тотъ же день выигрываетъ шестьдесятъ тысячъ гульденовъ; въ слѣдующіе нѣсколько дней эта сумма округлилась до нѣсколькихъ

сотъ тысячъ. Идеаль его, слѣдовательно, достигнутъ: онъ богатъ!.. Въ это же время попадаетъ ему на одной изъ улицъ Вѣны совѣтъ другого рода находка: молодая красивая женщина съ ребенкомъ на рукахъ топталась на тротуарѣ и чуть не протягивала руки за милостынею; Зызма замѣтилъ ее, былъ пораженъ благородствомъ ея чертъ и манеръ, обличавшимъ въ ней высокое происхожденіе, нанялъ для нея квартиру—и этимъ спасъ ее отъ голодной смерти и позора нищенства. Сначала таинственная незнакомка сохраняла свое инкогнито, да и Зызма, проникшись къ ней какимъ-то безсознательнымъ уваженіемъ, велъ себя рыцарски и не простиралъ своего любопытства слишкомъ далеко. Но наконецъ онъ узналъ тайну: спасенная имъ молодая женщина была никто иная, какъ графиня Бранская, два года тому назадъ убѣжавшая отъ родныхъ, крупнѣйшихъ представителей аристократіи во Львовѣ, вмѣстѣ съ однимъ шляхтичемъ, въ котораго она влюбилась и который на ней женился въ Вѣнѣ, вопреки протестамъ ея родныхъ. Не долго, однако, длилось взаимное счастье влюбленныхъ: два года спустя, мужа молодой графини постигло несчастье: онъ проигралъ весь свой капиталъ на биржѣ—и пустилъ себя пулю въ лобъ, оставивъ жену и ребенка на произволь судьбы. Въ этомъ ужасномъ состояніи нашелъ ее Зызма и помогъ ей.

Такова завязка романа. Нельзя сказать, чтобы главные моменты ея отличались особенной реальностью и художественною правдою. Два главныхъ момента — обогащеніе Зызмы и встрѣча съ графинею — являются исключительными *случайностями*. Этотъ грѣхъ можно было бы, однако, простить автору за нѣсколько прекрасныхъ картинъ, выхваченныхъ прямо изъ жизни, и за правдивое изображеніе *обстановки*; но авторъ совершаетъ другой грѣхъ, совѣтъ непростительный. Совсе не будучи антисемитомъ, онъ тѣмъ не менѣе придаетъ вѣру нелѣпой антисемитской баснѣ о «стремленіи образованныхъ евреевъ къ господству надъ міромъ» и воплощаетъ эту басню въ одномъ изъ эпизодовъ своего романа. Главный редакторъ «Neue Freie Presse» (во главѣ которой стоятъ, какъ извѣстно, интеллигентные евреи) узнавъ, что его бывшій бѣдный репортеръ разбогатѣлъ, приглашаетъ Зызму къ себѣ на интимную бесѣду. Когда Зызма является въ кабинетъ редактора, тотъ, представляемый авторомъ какъ-бы главою «великой ложи» таинственнаго общества, стремящагося къ міродержавству евреевъ, посвящаетъ молодого человѣка во всѣ «тайны» этого мнимаго общества. Онъ читаетъ неопиту горячую проповѣдь о блестящей мировой будущности еврейства, о его цѣляхъ и чаяніяхъ; онъ убѣж-

даетъ его работать «для идеи», и когда «посвящаемый» нѣсколько недоумѣваетъ, для какой «идеи» ему работать, редакторъ патетически восклицаетъ: «Зызма, наивность твоя раздражаетъ меня. Ты не знаешь, что такое наша, а слѣдовательно, и твоя идея? Однако же, въ силу наслѣдственности ты посвящаешь себя ей... Что такое наша идея? Господство надъ міромъ!» (стр. 57). «Мы,—евреи, продолжаетъ развивать дальше свою якобы «идею» редакторъ, — древнѣйшая и притомъ умнѣйшая раса на свѣтѣ. Мы—народъ, ранѣ другихъ и выше другихъ цивилизованный и потому убиваемый варварами. Мы выдержали всѣ преслѣдованія, чтобы наконецъ, когда цивилизація глухыхъ и подлыхъ расъ на столько созрѣла, что обезпечила намъ равноправность и свободу, логикой вещей достичь господства надъ ними (какъ это все умно, какая милая «логика» вещей!» Авторъ, влагая такую дребедень въ уста «геніальнаго» редактора, весьма плохо маскируетъ свою выдумку). «Чувствуешь-ли ты это, видишь-ли,—воскликнулъ редакторъ, воспламеняясь,—что гдѣ только наша раса столкнется съ другой расой на почвѣ равноправности, тамъ наша одерживаетъ верхъ, благодаря превосходству нашей цивилизаціи!.. Развѣ ты не видишь, что самый глупый жидъ умнѣе умнаго венгерца, поляка, даже нѣмца, потому что онъ всегда побѣдитъ въ борьбѣ за существованіе, dokonаетъ ихъ! Ты видишь примѣры въ Вѣнѣ: дворцы, роскошные дома, банки, фабрики, биржа, торговля, пресса,—все въ нашихъ рукахъ!» (стр. 58). Послѣ цѣлаго потока подобныхъ тирадъ, редакторъ принимается посвящать Зызму въ политическія тайны мнимаго международнаго еврейскаго союза. Политика эта состоитъ будто-бы въ томъ, чтобы вездѣ примыкать къ сильнѣйшей партіи и давить слабѣйшую; пруссаки въ Германіи сильнѣйшая партіи—евреи съ пруссаками; въ Австріи нѣмцы сильны, а поляки слабы—евреи за нѣмцевъ и противъ поляковъ. Такова и программа «еврейской» прессы. Авторъ здѣсь заставляетъ редактора говорить такія умныя и, главное, правдоподобныя рѣчи. «Неужели ты думаешь, что мы (т. е. представители прессы) держимся необыкновеннымъ умомъ, чистотой убѣжденій?.. Нѣтъ, мы держимся только нахальствомъ и хитростью. Позорить людей и даже племена и народы, которые стоятъ у насъ на дорогѣ, ничего не стоитъ намъ!» (стр. 61). И затѣмъ слѣдуетъ цѣлый потокъ ругательствъ, который самъ же редакторъ изливаетъ на себя. Тутъ уже авторъ совсѣмъ оплошалъ и самъ себя обличилъ: онъ самъ, какъ полякъ-патріотъ, хотѣлъ произнести эту филиппику противъ знаменитой подонофобской «Прессы»—и не нашелъ другого мѣста, куда

поиѣстить эту филиппику, какъ... въ уста самого редактора «Прессы!» Выходить несообразность; выходить, словомъ, гоголевская унтеръ-офицерша, сама себя высѣкающая.

Не смотря, однако, на неправдоподобность и несообразность такой сцены, авторъ увѣряетъ, что Зызму эта сцена совсѣмъ преобразила: словно озаренный свѣтомъ истины, онъ вдругъ проникся «идеями» редактора; онъ вдругъ понялъ, что нажилъ денегъ на биржѣ не для себя, а для «миродержавства евреевъ»... И когда редакторъ ему предложилъ занять мѣсто корреспондента и политическаго агента редакціи во Львовѣ, Зызма съ радостью согласился, имѣя въ виду, конечно, не деньги, въ коихъ онъ не нуждался, но все ту же «идею» еврейской міродержавной политики.

Не желая оставить одну и безъ средствъ въ Вѣнѣ сиасенную имъ польскую графиню, къ которой онъ питалъ какое-то платоническое обожаніе, — Зызма уговариваетъ ее ѣхать съ нимъ во Львовъ. Тамъ онъ устроитъ блестящій галантерейный магазинъ и завѣдываніе имъ поручить ей, графинѣ, которая такимъ образомъ получитъ возможность жить независимо. Послѣ нѣкоторой нерѣшительности, графиня соглашается сдѣлать этотъ шагъ, столь противный ея аристократической натурѣ, но вынужденный у нея тяжелою борьбою за существованіе. Зызма беретъ съ собою во Львовъ и упомянутую сироту, дочь шарманщика, Сали, — дѣвушку малообразованную, но отличающуюся необыкновенно живымъ умомъ и хорошими душевными качествами. Дѣло въ томъ, что онъ поклялся ея отцу, когда тотъ лежалъ на смертномъ одрѣ, что онъ будетъ ея попечителемъ и замѣнить ей отца, и онъ тѣмъ болѣе чувствовалъ себя обязаннымъ это сдѣлать, что ея маленькій капиталъ отчасти также способствовалъ его обогащенію.

Во Львовѣ для героя начинается новая жизнь. Благодаря своему капиталу и какъ представитель крупнѣйшей политической газеты, Зызма попадаетъ въ самый шумный водоворотъ политическихъ и общественныхъ теченій галицiйской столицы. Тутъ слѣдовало бы различать общественно-политическую жизнь героя и его внутреннюю, точнѣе, сердечную жизнь. Но авторъ такъ искусно спуталъ ихъ другъ съ другомъ, что распутать ихъ невозможно. А потому рассмотримъ ихъ также въ связи, обращая преимущественно вниманіе на социальную сторону жизни героя.

Чтобы понять общественное положеніе, въ которомъ очутился герой разсказа по прїездѣ во Львовъ, необходимо принимать во вниманіе взаимныя отношенія различныхъ партій, существовавшихъ (и понынѣ существующихъ) въ этомъ центрѣ политической жизни Галиціи, — отношенія,

изображенныя авторомъ весьма живо и рельефно. Еврейское населеніе города раздѣлено на три партіи. Первая — партія ортодоксовъ или «Махзикега-да-съ» («укрѣпители вѣры»; подъ этимъ именемъ она издаетъ извѣстный журналъ); это — партія ярыхъ ортодоксовъ, имѣющая единственною цѣлью охраненіе еврейской религіи во всей неприкосновенности и состоящая преимущественно изъ темныхъ, невѣжественныхъ хасидовъ-фанатиковъ; имѣя чисто-религіозную основу, она не пристаётъ ни къ одной изъ борющихся политическихъ фракцій. Вторая партія, называемая «Шомеръ-Исроэль» (стражъ Израиля), состоитъ изъ германофиловъ, преслѣдующихъ вездѣ интересы господствующей народности, въ которой она видитъ оплотъ прогресса и цивилизаціи; къ ней принадлежатъ всѣ еврей-прогрессисты, вся интеллигенція еврейская, проникнутая вообще космополитическими тенденціями. Наконецъ, третья партія, самая малочисленная, но имѣющая, по мнѣнію автора, завидную будущность, состоитъ изъ евреевъ — польскихъ патріотовъ; именующихъ себя «поляками Моисеева закона» и вездѣ отстаивающихъ интересы «угнетенной» польской народности; главные ратоборцы этой партіи суть преимущественно юноши-энтузіасты, студенты галиційскихъ университетовъ. Авторъ — а вмѣстѣ съ нимъ и все польское общество Львова — симпатизируетъ, конечно, этой послѣдней партіи и крайне идеализируетъ ее, всячески черня, напротивъ, ненавистную для него партію «Шомеръ Исроэля», враждебно относящуюся къ польскимъ стремленіямъ. Вотъ между этихъ-то огней попалъ нашъ герой Зыма. Какъ агентъ «Neue Freie Presse», онъ, конечно, долженъ былъ примкнуть къ прогрессивно-германофильской партіи или «нѣмецкой», какъ авторъ ее называетъ. Вслѣдствіе этого, онъ навлекъ на себя, помимо нерасположенія ортодоксовъ, ненависть экзальтированной полонофильской партіи и вообще всѣхъ польскихъ націоналистовъ. Въ первое время, однако, Зыма крѣпко держится своихъ, или, точнѣе, внушенныхъ ему въ Вѣнѣ, убѣжденій. Представители «нѣмецкой» партіи благоговѣютъ передъ нимъ, какъ передъ великимъ журнальнымъ свѣтиломъ и гордостью ихъ партіи; каждый изъ нихъ считаетъ себя за честь, если Зыма удостоиваетъ его визитомъ. Немало импонируетъ молодой «политикъ» и своимъ образомъ жизни: живетъ въ великолѣпномъ palais, катается на шикарныхъ рысакахъ. Молва о немъ въ городѣ все болѣе распространяется; за нею во хвостъ тянется и сплетня. Поговариваютъ, что польская графиня, завѣдывающая магазиномъ Зымы, есть его любовница. Вся польская аристократія возмущена фактомъ, что родовитая графиня «служить» у «жида» и находится подъ

его покровительствомъ. А между тѣмъ отношенія Зымы къ графинѣ были самыя благородныя, идеальныя. Не желая бросать даже малѣйшую тѣнь на ея репутацію, онъ, предоставивъ ей завѣдываніе магазиномъ и отдѣльную квартиру, даже рѣдко заѣзживалъ къ ней, не смотря на то, что онъ былъ проникнуть къ ней искреннимъ уваженіемъ и преданностью. Въ описаніи автора *польская* графиня является такимъ неземнымъ, идеальнымъ существомъ, такой недоступной богиней, что Зыма даже не рѣшается думать о возможности какой либо интимной связи между ними. Здѣсь авторъ ярко отмѣчаетъ всѣ благородныя качества своего героя: врожденная стыдливость, дѣланіе добра безъ желанія какого бы то ни было вознагражденія за это, искренность, неспорченность—всѣ эти черты дѣлаютъ героя привлекательнымъ. Въѣсть съ тѣмъ авторъ не скрываетъ другой черты своего героя—нетвердости убѣжденій вслѣдствіе недостаточнаго умственного развитія; но этотъ недостатокъ значительно искупается искренностью героя и готовностью его отказаться отъ своего мнѣнія, лишь только онъ убѣдится въ справедливости противоположнаго.

Это послѣднее качество проявилъ Зыма спустя нѣкоторое время послѣ своего пріѣзда во Львовъ. Юноши-энтузіасты, представители польской національной партіи, узнавъ о миссіи Зымы, отправили къ нему депутацію, которая въ весьма оскорбительной формѣ и даже съ угрозами требовала отъ него, чтобы онъ отказался отъ своей «нѣмецкой» пропаганды. Сначала это возмутило Зыму; но искренность его характера помѣшала ему сдѣлаться фанатикомъ своихъ идей. Онъ мало по малу сталъ задумываться надъ убѣжденіями своей партіи, сравнивалъ ихъ съ убѣжденіями самоотверженныхъ юношей-націоналистовъ,—и внутреннее чутье ему подсказало, что правда и честность на сторонѣ послѣднихъ. Тутъ онъ, отбросивъ всякую амбіцію въ сторону, сталъ сближаться съ вождями этой партіи, рисуемыхъ авторомъ въ весьма идеальномъ свѣтѣ. Особенно хорошее впечатлѣніе произвелъ на него одинъ изъ учителей партіи, юноша Даниѣль, энтузіастъ и горячій проповѣдникъ «альтруистической философіи Спенсера» (удивляемся, что авторъ выбралъ почему-то Спенсера, между тѣмъ какъ главный творецъ этики альтруизма былъ О. Контъ); но еще болѣе очаровала его какъ своей личностью, такъ и убѣжденіями, молодая энтузіастка и дѣятельная подвижница этой партіи, красавица Жанета, дочь мѣстнаго коммерсанта-еврея. Съ перваго же взгляда и онъ понравился дѣвушкѣ своею искренностью и прямодушіемъ. Зыма все болѣе и болѣе проникался идеями молодой партіи и, наконецъ, убѣдившись въ несостоятельности

стремлений нѣмецкой партіи и въ нравственной низости ея членовъ, прекратилъ всякое сношеніе съ послѣдними, отрекся отъ редакціи «Neue Freie Presse» и официально примкнулъ къ молодой національно-польской партіи. Онъ сталъ жертвовать для дѣлей этой партіи большія суммы денегъ, расширилъ ея задачи и дѣла, виѣстѣ съ другими членами преобразовалъ ее въ обширный союзъ «Агудасъ-Ахимъ» (союзъ братьевъ; такой союзъ дѣйствительно существуетъ въ Львовѣ), сталъ издавать при нихъ сотрудничествѣ агитаціонную газету, и вообще весь предался этой «великой идее» ополяченія евреевъ. За такое хорошее поведеніе авторъ награждаетъ своего героя пламенною любовью предестной Жанеты, которая завершилась формальною помолвкой между нею и Зызмой. Графиня въ этой части романа не играетъ никакой активной роли, и авторъ; повидимому, взялъ ее только для того, чтобы оттѣнить отношенія къ ней польскаго высшаго общества.

Тутъ, казалось-бы, и роману конецъ. Но дѣло въ томъ, что авторъ еще не изобразилъ характера третьей изъ упомянутыхъ партій — ортодоксальной. И вотъ для этого, а, можетъ быть, также для эффектнаго окончанія романа, авторъ присовокупляетъ въ третьей части романа раздражительный мелодраматическій эпизодъ, весьма далекій отъ правдоподобности. Какой-то молодой фанатикъ изъ партіи хассидовъ, грязный и полусумасшедшій отшельникъ, Йоселе, вбилъ себѣ въ голову, что онъ призванъ отомстить за поношеніе имени Йоговы, т. е. за несоблюденіе религиозныхъ обрядовъ, еретикамъ, во главѣ которыхъ стоялъ Зызма, и именно въ лицѣ этого главы. Йоселе рѣшается на ужасное дѣло, на которое едва-ли можетъ рѣшиться ортодоксальный еврей, даже самый фанатичный: онъ приготовляетъ хорошо отточенный ножъ и рѣшается въ удобный моментъ напасть на Зызму и убить его. Однажды, темною ночью, фанатикъ подкараулил Зызму въ тотъ моментъ, когда тотъ вышелъ изъ дома своей невѣсты, и, внезапно бросившись на него, воткнулъ ему ножъ въ бокъ и убѣжалъ, предварительно промзнесши надъ своей жертвою нѣсколько библейскихъ проклятій. Несчастный Зызма, конечно, упалъ, обливаясь кровью. Когда полиція спохватилась, она уже не могла напасть на слѣдъ убійцы, тѣмъ болѣе, что тотъ совершенно скрылся изъ города. Зызму, еле живого, перевозятъ на квартиру. Ужасъ послѣдовавшаго затѣмъ момента трудно даже себѣ представить. Невыразимое горе невѣсты, отчаяніе друзей Зызмы, обстановка умирающаго — все это авторъ обстоятельно описываетъ, не щадя нервовъ своихъ читателей. Вотъ всѣ эти лица собрались

вокруг постели умирающаго Зымы. Тутъ-же, по волѣ его, торжественно и грустно совершается обрядъ его бракосочетанія съ Жанетой. Согласно «послѣдней волѣ» Зымы, весь капиталъ его завѣщается его женѣ Жанетѣ, а магазинъ — тутъ-же присутствующимъ графинѣ и Сали. (Послѣдняя, кстати, спустя нѣсколько часовъ послѣ этой страшной сцены, получаетъ торжественное призваніе въ любви отъ своего учителя, упомянутаго Даниѣля, — эпизодъ, весьма безтактно пристегнутый къ упомянутому потрясающему описанію смерти). Казалось-бы, тутъ уже «жизни поконченъ вопросъ», и намъ остается только оплакивать безвременно погибшаго героя. Но нѣтъ: авторъ вовсе не такъ жестокъ. Онъ только для того мучилъ читателя и подвергалъ героя смертнымъ ужасамъ, чтобы вполнѣдствіи чудеснымъ его испѣленіемъ тѣмъ пуще насъ обрадовать. Дѣйствительно, авторъ въ коротенькомъ эпилогѣ почти воскрешаетъ своего героя изъ мертвыхъ. Зыма выздорѣлъ, женился счастливо съ женою и продолжаетъ начатое имъ благотворное дѣло.

Мы полагаемъ, что изъ всего вышеизложеннаго читатель можетъ совершенно ясно опредѣлить какъ недостатки, такъ и достоинства романа г. Севера, — и намъ, поэтому, ничего больше не остается прибавить къ характеристикѣ этого произведенія.

Любопытно, однако, сопоставить *тенденціи* обонхъ разобранныхъ нами романовъ, г. Немировскаго и Севера. Въ этомъ отношеніи они имѣютъ весьма много общаго. Въ обонхъ этихъ произведеніяхъ идетъ борьба между космополитическими и національными стремленіями; въ обонхъ авторы сочувствуютъ національнымъ стремленіямъ и заставляютъ ихъ въ концѣ концовъ торжествовать. Но все различіе — въ *характерѣ* національнаго движенія, изображеннаго въ томъ и другомъ произведеніи. Г. Немировскій признаетъ идеаломъ, не только для русскихъ евреевъ, но и для всего еврейства, — проникнутыя національнымъ чувствомъ *еврейскимъ* и стремится къ политическому возрожденію еврейства. Г. Северъ также признаетъ необходимость для евреевъ національнаго чувства — но какого? Галиційскимъ евреямъ онъ совѣтуетъ проникнутыя польскимъ національнымъ чувствомъ, и въ силу этого принципа онъ, конечно, посовѣтуетъ русскимъ евреямъ примкнуть къ русской національности, и вообще — всѣмъ евреямъ слиться съ національностями, среди которыхъ они живутъ. Вотъ вамъ два противоположныхъ пути, и вотъ вамъ вмѣстѣ съ тѣмъ, читатель, матеріалъ для размышленія...

Критикъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Недавно появился въ нѣмецкомъ переводѣ, съ прекрасными иллюстраціями, романъ извѣстной польской писательницы Оржешко «Meiеръ Езофовичъ». По этому случаю довольно извѣстный нѣмецкій критикъ Густавъ Карпелесъ (еврей) помѣстилъ въ журналѣ «Gegenwart» критическую статью объ этой писательницѣ и коснулся довольно подробно ея романовъ собственно изъ еврейской жизни. По этому случаю онъ говоритъ:

«Самое интересное зрѣлище представляетъ намъ мастерская поэтического творчества г-жи Оржешко тогда, когда мы рассматриваемъ въ ней такъ называемые еврейскіе романы г-жи Оржешко. При этомъ не нужно имѣть въ виду тѣ обстоятельства нашей нѣмецкой жизни, при которыхъ отвратительная агитація на короткое время снова искусственно подняла такъ называемый еврейскій вопросъ; нужно представить себѣ условія жизни евреевъ въ Россіи и Польшѣ, гдѣ евреи составляютъ значительную часть всего населенія и гдѣ вопросъ о ихъ эмансипаціи, ихъ ассимилированіи есть вопросъ дѣйствительно жгучій. Мы, нѣмцы, знаемъ польскаго еврея только по жалкимъ и грязнымъ экземплярамъ, собирающимъ милостыню на нашихъ улицахъ, и по нимъ охотно судимъ о всей категоріи. Но тутъ является писательница, горячо сочувствующая страданьямъ чело-вѣчества и каждаго отдѣльнаго индивидуума, и говоритъ намъ: «Вы сильно ошибаетесь, составляя себѣ понятіе объ этихъ людяхъ только по ихъ вѣшной непривлекательной сторонѣ! Подъ этимъ грязнымъ кафтаномъ бьется пламенное сердце, полное патриотизма и любви; въ этой дико-взѣрошенной головѣ, быть можетъ, больше идеализма и ума, чѣмъ въ мозгу многихъ членовъ философскихъ факультетовъ. Не бойтесь только ближе подойти къ нимъ, помогите освободить этотъ народъ отъ тысяче-

лѣтнаго рабства. ~~И~~ послушайте, какъ онъ, вмѣстѣ съ плѣнникомъ Суламитъ своей «Пѣсни Пѣсней», жалобно восклицаетъ: «Не смотрите на меня, потому что лицо мое сильно загорѣло отъ солнца!» Да, не смотрите на него, потому что безконечное горе и страданія обезобразили его!» Но къ этимъ страждущимъ и угнетеннымъ сходить со своей древней высоты эта знатная женщина, она идетъ въ узкія, грязныя улицы польскаго гетто и говорить его обитателямъ: О, бѣдный народъ! Сбрось съ себя тысячелѣтнюю пыль и прахъ, усталый странникъ! Смотри — тамъ свѣтитъ яркое и теплое солнце! Оно манитъ тебя къ живущимъ подъ нимъ людямъ, которые братья твои и останутся братьями. Облекись въ блестящее одѣяніе новаго времени, которое наступило по предсказанью твоихъ божественныхъ пророковъ и которое приметъ тебя въ братскій союзъ всего человѣчества!..

«Не знаю, достигается ли успѣшныхъ результатовъ писательница, избравшая себѣ такую высокую миссію; сомнѣваюсь даже въ этомъ. Но знаю, что своею воспитательною дѣятельностью она совершаетъ цивилизаторскій подвигъ, который окажется высоко благотворнымъ только для позднѣйшихъ поколѣній и сдѣлаетъ имя ея между ними почетнымъ и любимымъ. Она была первая, достойнымъ образомъ введшая въ литературу типъ польскаго еврея. И въ этомъ заключается ея оригинальность. Правда, евреи уже и прежде фигурировали въ романахъ и комедіяхъ, но они почти никогда не составляли средоточія дѣйствія и никогда не представлялись въ истинномъ свѣтѣ. Или Натанъ или Шейлокъ; средняго между тѣмъ и другимъ не существовало. Не было его и въ нѣмецкихъ романахъ. Элиза Оржешко—первая, создавшая образцовый типъ въ своихъ романахъ «Меіеръ Езофовичъ», «Эли Маковеръ», «Могучій Самсонъ» и др. Въ основаніи всѣхъ этихъ произведеній лежитъ мысль о духовной эмансипаціи евреевъ и ихъ слитіи съ польскимъ населеніемъ для образованія такимъ образомъ гражданскаго класса, который гарантируетъ будущность страны.

«Но не слѣдуетъ думать, что г-жа Оржешко—односторонняя восхвалительница евреевъ и еврейства. Она очень хорошо знаетъ ихъ недостатки и слабости; она обладаетъ вообще такимъ знаніемъ еврейства, которому могъ бы позавидовать не одинъ нѣмецкій раввинъ. Библія очень близко и подробно знакома ей; о талмудѣ говоритъ она, какъ о хорошемъ знакомѣ; даже каббала—ея близкая пріятельница. Когда читаешь произведенія нѣмецкихъ писателей, занимающихся евреями, то изумляешься поразительному невѣжеству, обнаруживаемому ими. Ихъ евреи ѣдятъ въ Судный день неквашенный хлѣбъ, а въ Пасху надѣваютъ на себя бѣлые саваны и

въ этомъ одѣяніи машутъ пальмовыми вѣтвями къщей. При чтеніи же романовъ г-жи Оржешко насъ поражаетъ близкое въ одинаковой степени знакомство какъ съ подробностями еврейской религіи, ея обрядовой стороны, духовными воззрѣніями и т. п., такъ и съ борьбою и столкновѣніями между различными партіями—правовѣрныхъ, прогрессистовъ и такъ называемыхъ хасидимъ.

«Само собою разумѣется, что она стоитъ на сторонѣ прогресса, который послѣ долгой и упорной борьбы въ концѣ концовъ всегда одерживаетъ побѣду. Въ романѣ «Меіеръ Езофовичъ» эта тенденція высказывается самымъ опредѣлительнымъ образомъ. Меіеръ—польскій Уріель Акоста или Барухъ Спиноза, нашедшій въ своей фамильной библіотекѣ сочиненія своего великаго предка и почерпнувшій въ нихъ свѣтъ и умственную свободу для борьбы съ фанатическою общиной маленькаго городка Шибова, во главѣ которой стоитъ раввинъ Тодросъ, двойникъ Гуцковскаго Сантоса или Акибы.

«Но еще не «возвѣстиялъ стражъ наступившаго разсвѣта». Еще господствуетъ въ этомъ городкѣ глубокая ночь, и молодой, полный воинственнаго духа Меіеръ принужденъ уступить мѣсто старому фанатику-каббалисту. Онъ уходитъ, печальный и задумчивый, но на челѣ его лежитъ уже печать свободы, а въ сердцѣ несетъ онъ «боговъ будущности».

«Достигъ ли этотъ гонимый, презираемый, проклинаемый, всего лишенный человѣкъ—той цѣли, къ которой онъ такъ страстно стремился?» Этимъ вопросомъ заканчивается романъ. «Въ отдаленныхъ, невѣдомыхъ странахъ нашель ли онъ людей, охотно раскрывшихъ передъ нимъ двери и сердца свои и очистившихъ для него путь къ знанію? Вернулся ли онъ или вернется когда либо на свою родину, чтобы виѣстѣ со своимъ прощеніемъ снова принести туда и свѣтъ, благодаря которому на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низкій терновый кустъ, гордо возвысится исполинскій кедръ ливанскій? Не знаемъ. Событіе это слишкомъ еще ново, чтобы уже теперь могло оно достигнуть своего окончанія. Но именно потому, что это событіе, какъ безконечное число подобныхъ ему, какъ далеко отъ своего конца—именно потому, читатель мой, какого бы народа кровь ни текла въ твоихъ жилахъ, на какомъ бы мѣстѣ зѣмнаго шара ни молился ты своему Богу—если встрѣтится тебѣ когда нибудь на твоемъ житейскомъ пути Меіеръ Езофовичъ, протяни ему, поспѣшно и тепло, привѣтливо и радушно, братскую руку помощи!..»

«Эти теплыя слова, которыми г-жа Оржешко напутствуетъ своего про-

tégé, можно приѣннить символически и къ ея роману, душевно желая, чтобъ онъ встрѣтилъ дружескій, радушный пріемъ всюду, гдѣ живутъ люди, которымъ и въ наше мрачное время не чуждо ничто человѣческое...

Между всѣми героями этихъ романовъ г-жи Оржешко есть извѣстное фамильное сходство: оно состоитъ въ стремленіи къ свѣту, къ освобожденію изъ оковъ духовнаго застоя. Наиболѣе глубокою и потрясающею представляется имѣ эта трагедія польскаго еврея въ повѣсти: «Могучій Самсонъ». Я вижу передъ собой этого сильнаго Самсона, какъ онъ, склонившись надъ своими фоліантами, совершенно забываетъ окружающую его жизнь, потому что собственно и не знаетъ ея, пока и для него, закоренѣлаго талмудиста, не пробьетъ часъ искушенія. Въ одной пуримъ-комедіи играетъ онъ роль Самсона, котораго губить Далила, изображаемая, конечно, только переодѣтымъ мальчикомъ—и эта катастрофа рѣшаетъ всю его будущую жизнь...»

N.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ПАЛЕСТИНА. (Прологъ къ поэмѣ). Стихотвореніе. М. С. Абрамовича.	3
II. ГНѢВЪ И МИЛОСТЬ МАГНАТА. Несвижская быль XVIII столѣтія. Гл. IX—X. Л. О. Леванды.	9
III. ПОЭТЪ И КУПЕЦЪ. Романъ <i>Бертольда Ауэрбаха</i> . Гл. XX—XXIV. Переводъ Петра Вейнберга.	31
IV. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ. (Продолженіе). В. Н. Никитина.	70
V. ПРОРОКИ. Историко-литературный этюдъ <i>Эдуарда Рейсса</i> . Бенъ-Ами.	84
VI. ТЕОЛОГИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ СПИНОЗЫ. А. Волинскаго.	114
VII. ВЪ ПРАЗДНИКЪ КУЩЕЙ. Стихотвореніе. К. Глякмана.	137
VIII. НА ПУТИ. Романъ. (Продолженіе). С. О. Ярошевскаго.	138
IX. КОГДА ВЕЧЕРНЕЮ ПРОХЛАДОЙ... Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	158

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

X. ЭДУАРДЪ ГАРТМАНЪ—О ЕВРЕЙСТВѢ. По поводу его книги: Еврейство въ настоящемъ и будущемъ. (Окончаніе). С. Мстиславскаго.	1
XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОМАНѢ. 1) <i>Г. А. Немировскій</i> . Пробужденіе. Современный еврейскій вопросъ въ лицахъ. Въ двухъ частяхъ. Москва, 1885. 2) <i>А. Северъ</i> . На биржѣ. Романъ въ трехъ частяхъ. Переводъ съ польскаго А. Сахаровой. (Приложеніе къ журналу «Живописное Обзорѣніе»). Спб., 1885. <i>Критикусъ</i> .	11
XII. БИБЛИОГРАФІЯ. Нѣмецкое иллюстрированное изданіе романа <i>Элизы Оржешко</i> « <i>Меіеръ Езофовичъ</i> ». N.	30

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED

5 JUL 27 5 1984

JUN 7 '77 H

CARDENIER
BOOK DUE
NOV 14 1984
JUL 26 1984
L 368525

